ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

I.

Продажа слободы Михайловки.

Большая слобода Михайловка въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ принадлежала роду князей Голицыныхъ со временъ Петра I-го, который подарилъ своему сподвижнику князю Михаилу Михайловичу Голицыну за Полтавскую битву пятьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ, въ томъ числѣ и эту слободу, въ послѣдствіи перешедшую по наслѣдству къ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, рожденной княжнѣ Голицыной *).

Она-то и задумала продать слободу, но не въ частныя руки, такъ какъ это имѣніе было малодоходное и не находилось покупателей по хорошей цѣнѣ, а въ государственныя имущества.

Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда министромъ государственныхъ имуществъ былъ графъ Киселевъ.

Продажа эта была очень оригинальная и едвали не единственная въ своемъ родѣ: крестьянъ заставили купить самихъ себя и заложиться въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, которое выплатило г-жѣ Потемкиной одинъ милліонъ двѣсти тысячъ наличными, не испросивъ на это согласія самихъ Михайловскихъ крестьянъ, вовсе не желавшихъ этой покупки по такой высокой цѣнѣ, хотя къ нимъ и поступала во владѣніе вся земля, состоящая изъ 14.587 десятинъ, стоившая тогда не болѣе 360 тысячъ **). Къ тому же они въ землѣ не нуждались, такъ какъ почти всѣ были ремесленники, торговцы,

*) См. о ней въ „Перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой", приложенной къ Русскому Архиву 1882—1884 годовъ. П. Б.

**) Цѣнность земли въ то время при продажѣ не превышала 25 р. за десятину.

хлѣбопашествомъ не занимались, сбывали свои произведенія, преимущественно сапоги, въ огромномъ количествѣ въ Турцію чрезъ Одессу и, исправно выплачивая помѣщицѣ оброкъ, не болѣе 9.000 рублей въ годъ, жили очень хорошо, а многіе даже зажиточно. При поступленіи же въ казну, имъ назначено было платить по 18 рубл. съ души, что составляло по числу 5.000 ревизскихъ душъ 90.000 рубл. въ годъ; но при этомъ они въ свое распоряженіе получали всѣ прочіе доходы съ имѣнія, такъ называемыя оброчныя статьи.

Для того, чтобы возвеличить цѣнность имѣнія, эти статьи дохода помѣщицею показаны невѣроятныя: нѣкоторыя не точно, а нѣкоторыя или вовсе не существующія, или только предполагаемыя. Доходъ съ имѣнія владѣлицею опредѣленъ былъ въ 125.628 рубл., крестьяне же признавали доходъ только въ 12.353 рубля.

Вся эта операція продажи Михайловскаго имѣнія поручена была по довѣренности отъ г-жи Потемкиной ея родному брату, князю Николаю Борисовичу Голицыну, который, нужно отдать ему справедливость, дѣйствовалъ энергично. Когда я ему говорилъ, что сумма, получаемая за Михайловку, черезъ чуръ велика, онъ отвѣчалъ: «Все свыше милліона достанется не намъ, а разойдется по министерству».

Коммиссія, составленная изъ членовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ нарочито присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ, находила, что Михайловскіе крестьяне будутъ въ большой выгодѣ, получая съ имѣнія въ годъ слишкомъ 125 тысячъ дохода, а платя министерству только 90 тысячъ.

Но не такъ смотрѣли на это Михайловскіе крестьяне, которые прямо и объявили коммиссіи, что такой суммы они положительно платить не въ состояніи, не смотря на сладкія рѣчи чиновниковъ о томъ, что они будутъ вольные, а не господскіе и т. п. Крестьяне хорошо знали, что тогда за недоимку государственныхъ крестьянъ пороли въ расправѣ розгами, чего у нихъ въ Михайловкѣ не практиковалось, а потому и отказались получить свободу на такихъ условіяхъ.

Какъ ни настаивала коммиссія, чтобы крестьяне согласились на такую плату и дали бы подписку въ своевременномъ взносѣ причитающейся суммы, она не могла успѣть въ этомъ.

Между тѣмъ г-жа Потемкина поспѣшила совершить купчую крѣпость на Михайловское имѣніе, а Министерство Государственныхъ Имуществъ немедленно предписало Курской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ принять имѣніе въ свое вѣдѣніе.

Михайловскіе крестьяне никакъ не ожидали, чтобы эта покупка могла состояться безъ ихъ согласія, такъ какъ собственно они и были покупателями, а потому и не признавали покупки.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда проживавшій въ селѣ Михайловкѣ чиновникъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ постоянно, чуть ли не каждый день, собиралъ сходки крестьянъ изъ всѣхъ домохозяевъ, домогаясь отъ нихъ получить подписку въ исправныхъ платежахъ. Это такъ надоѣло и возмутило крестьянъ, въ сущности очень мирныхъ и добродушныхъ (тѣмъ болѣе, что они должны были постоянно отрываться отъ своихъ занятій и безъ толку терять время), что они сдѣлались съ чиновникомъ очень грубы и перестали исполнять его приказанія, ссылаясь на то, что они господскіе, а не государственные. Одинъ разъ, выведенные изъ терпѣнія, они даже заперли его въ квартирѣ и продержали, не выпуская до тѣхъ поръ, пока мѣстный становой не освободилъ его.

Въ это время я, ѣдучи въ Курскъ и проѣзжая сл. Михайловку, узналъ отъ станового пристава, что министерскій чиновникъ, жившій въ Михайловкѣ, поскакалъ въ Курскъ съ донесеніемъ, будто Михайловскіе крестьяне бунтуютъ; при этомъ становой разсказалъ мнѣ, какъ онъ выручилъ запертаго чиновника, и прибавилъ, что бунта противъ властей между крестьянами вовсе не замѣтно.

Между тѣмъ Михайловскіе крестьяне, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, пришли ко мнѣ со своимъ начальствомъ и обратились, какъ къ предводителю, съ просьбой вразумить ихъ, что̀ имъ дѣлать, такъ какъ они не знаютъ, чьи они: помѣщичьи или государственные, и прибавляя, что послѣдними они рѣшительно отказываются быть, ежели имъ придется ежегодно платить такую значительную сумму, какую имъ объявили, но что они согласны на меньшую сумму, которая значится въ составленномъ ими и представленномъ въ коммиссію приговорѣ, которая не обратила на него никакого вниманія.

Прежде всего я старался разъяснить имъ, что они не должны сопротивляться чиновнику въ законныхъ его требованіяхъ, а тѣмъ болѣе употреблять такое насиліе, какое они употребили, заперши его, за что̀ они могутъ быть по закону строго наказаны.

Крестьяне чистосердечно отвѣчали мнѣ, что они ничего худаго не желали сдѣлать чиновнику, но что онъ имъ *«дюже надоивъ сходками»*, на которыхъ онъ требуетъ отъ нихъ подписки, что они обязуются платить такую сумму, которую они платить не въ силахъ.

Пріѣхавъ въ Курскъ, я увидался съ губернаторомъ Казадаевымъ и съ ревизовавшимъ въ это время Курскую губернію по высочайшему повелѣнію сенаторомъ Дурасовымъ, которые тотчасъ же сообщили мнѣ, что въ моемъ уѣздѣ бунтуютъ Михайловскіе крестьяне, какъ доноситъ управляющій Палатой Государственныхъ Имуществъ, вслѣдствіе

чего ими уже сдѣлано распоряженіе о вызовѣ войскъ для усмиренія бунтующихъ.

Я конечно, объяснилъ имъ, что только вчера былъ въ Михайловкѣ, проѣздомъ въ Курскъ, говорилъ съ крестьянами и нахожу, что войска совершенно ненужны, такъ какъ бунта никакого нѣтъ, а все волненіе происходитъ отъ чрезмѣрнаго требованія платы за ихъ освобожденіе, и подробно разсказалъ о вчерашнемъ моемъ пребываніи въ Михайловкѣ.

Тогда сенаторъ Дурасовъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я ручаться, что безпорядковъ въ сл. Михайловкѣ не будетъ во время пріема этого имѣнія въ вѣдѣніе государственныхъ имуществъ и что крестьяне дадутъ подписку въ томъ, что они согласны поступить въ казну, какъ того требуетъ министерство.

Я отвѣчалъ, что поручусь вполнѣ, ежели только крестьянамъ будетъ сбавлена плата до суммы, значущейся въ ихъ приговорѣ.

«Это уже дѣло министерства», отвѣчалъ сенаторъ, «а я бы просилъ васъ принять на себя убѣдить крестьянъ, чтобы они были послушны передъ своимъ новымъ начальствомъ и согласились бы поступить въ государственные крестьяне; въ противномъ же случаѣ намъ придется послать туда войско. А просить о сбавкѣ платежей они всегда могутъ, будучи государственными».

Я и на это согласился, зная напередъ печальную участь, которая можетъ постигнуть крестьянъ въ случаѣ вызова войскъ.

Вслѣдствіе моего ручательства распоряженіе о посылкѣ войскъ въ сл. Михайловку было отмѣнено, а была составлена коммиссія, состоявшая изъ управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ Колокольцова, жандармскаго полковника Горошковскаго и мѣстныхъ: окружнаго начальника Мерлина и исправника съ временнымъ отдѣленіемъ суда, подъ моимъ предсѣдательствомъ, какъ уѣзднаго предводителя.

Въ назначенный день, когда я пріѣхалъ въ сл. Михайловку, наша коммиссія была въ полномъ составѣ. Управляющій государственныхъ имуществъ и чиновники сообщили мнѣ, что крестьяне повидимому настроены неблагопріятно и что я напрасно отказался отъ содѣйствія войскъ.

Еще раньше было сдѣлано отъ исправника распоряженіе собрать въ этотъ день изъ всѣхъ домохозяевъ сходку на площадь противъ дома, куда мы должны были собраться.

Этотъ день, 6-го Іюня 1851 года, былъ назначенъ случайно; но ровно въ полдень должно было начаться затмѣніе солнца, которое

въ этой мѣстности, при отличной, ясной погодѣ, было видно превосходно.

Нѣсколько ранѣе начала этого явленія я вышелъ на балконъ, выступавшій на площадь, на которой была собрана сходка. Подозвавъ къ себѣ нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ крестьянъ, знавшихъ меня лично, какъ ихъ сосѣда по имѣнію, я объяснилъ имъ, для чего назначена коммиссія, въ которой я былъ предсѣдателемъ; объяснилъ имъ, какой отвѣтственности они бы подверглись за ихъ насиліе и поступокъ съ чиновникомъ министерства, если бы были присланы войска и если бы я не упросилъ сенатора и губернатора отмѣнить это распоряженіе, надѣясь на то, что крестьяне будутъ благоразумны и согласятся на мое предложеніе, которое заключается въ слѣдующемъ: «дать подписку только о согласіи своемъ перейти въ вѣдомство государственныхъ имуществъ», а о сбавкѣ уплаты назначенныхъ платежей они могутъ просить свое новое начальство, которое, вѣроятно, не оставитъ ихъ просьбы безъ удовлетворенія.

Крестьяне, бывшіе въ переднихъ рядахъ передъ балкономъ, хорошо слышавшіе мои слова и, какъ я уже сказалъ, знавшіе меня лично, послѣ нѣкотораго колебанія изъявили свое согласіе дать такую подписку; но стоявшая огромная толпа народа позади (къ тому же это день былъ базарный), не понявъ хорошо моего предложенія, начала шумѣть и выражать свое неудовольствіе криками: «не согласны!» Я желалъ вызвать крикуновъ поближе къ себѣ; но толпа тѣснилась, шумѣла, крикуновъ ко мнѣ не подпускали, и произошелъ ужасный безпорядокъ, такъ что мой голосъ былъ совершенно заглушенъ.

Въ это самое время я замѣтилъ начало солнечнаго затмѣнія.

Это явленіе, видѣнное мною въ первый разъ въ жизни, да еще при такой обстановкѣ, произвело на меня очень сильное впечатлѣніе, котораго я никогда не забуду. Среди яркаго и жаркаго солнечнаго дня, вдругъ начало темнѣть, какъ въ сумеркахъ, и холоднѣть, такъ что дрожь охватила меня. Пораженная толпа остановилась недоумѣвая; крикъ ея почти мгновенно смолкъ, и всѣ ясно услыхали пѣніе пѣтуховъ и жалобный лай собакъ; тутъ же въ толпѣ послышались рыданія и негромкія причитанья бабъ, которыя затѣмъ снова смолкли. Темнота дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. Происходило что-то необычайное и въ природѣ, и въ тысячной толпѣ, которая, объятая паническимъ страхомъ, окончательно оцѣпенѣла.

Воспользовавшись этой минутой и оправившись нѣсколько отъ перваго впечатлѣнія, я обратился къ толпѣ и сказалъ громкимъ голосомъ: «Смотрите, православные, затмѣвается солнце, а вы не хотите

послушаться меня, когда я отъ всего сердца желаю вамъ счастья и добра».

Тутъ воцарилась почти полная темнота.

«На колѣни, молитесь Богу, чтобы Онъ вразумилъ васъ!» крикнулъ я. И вся толпа заколыхалась и стремительно опустилась на землю, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и шепча молитвы. Картина была необычайная.

Между тѣмъ солнце начало проясняться, люди стали подниматься; заговорили сначала негромко, потомъ все громче и громче, съ какимъ-то восторженнымъ крикомъ: «мы всѣ согласны, мы вамъ вѣримъ, мы согласны, и все исполнимъ, что̀ вы намъ прикажете!» Я подозвалъ грамотныхъ выборныхъ для схода людей и объяснилъ имъ, какъ они должны составить приговоръ о переходѣ своемъ въ государственные крестьяне. Грамотные немедленно стали подписываться, а въ этой слободѣ ихъ было достаточно. Тѣмъ и окончился Михайловскій бунтъ.

Когда я возвратился въ коммиссію, которая тѣмъ временемъ смотрѣла на затмѣніе въ закопченыя стекла и ожидала результата моихъ переговоровъ, то управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ, Г. Д. Колокольцовъ, сказалъ мнѣ: «Ну, поздравляю васъ; вы поступили съ Михайловскими крестьянами, какъ Іисусъ Навинъ въ битвѣ съ Хананеями; онъ въ рѣшительную минуту остановилъ солнце, докончилъ битву, получилъ желаемую побѣду; вы въ рѣшительную минуту показали Михайловскимъ крестьянамъ затмѣніе солнца и получили желаемый приговоръ».

А, по правдѣ сказать, я никакъ не думалъ, что все такъ благополучно окончится: до затмѣнія солнца крестьяне были настроены совсѣмъ немиролюбиво, и я уже началъ было терять надежду, особенно, когда замѣтилъ многихъ пьяными.

Если бы Михайловскіе крестьяне могли предвидѣть, что черезъ 10-ть лѣтъ они будутъ освобождены высочайшею волею императора Александра Николаевича, то, пожалуй, и затмѣніе солнца и мои увѣщанія не подѣйствовали бы на ихъ согласіе. Но въ то время я былъ доволенъ, что дѣло обошлось безъ вмѣшательства войска, и мои сосѣди, Михайловскіе крестьяне, мало пострадали, такъ какъ уплата платежей была въ послѣдствіи имъ нѣсколько сбавлена.

Николай Рѣшетовъ.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

II *).

Сеймское судоходство.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ жилъ помѣщикъ М. А. Пузановъ, считавшійся въ то время хорошимъ хозяиномъ и краснорѣчивымъ ораторомъ. На губернскихъ выборахъ въ Курскѣ въ концѣ 30-хъ годовъ онъ предложилъ проэктъ объ устройствѣ судоходства по р. Сейму, какъ извѣстно, впадающему въ Десну, а сія послѣдняя въ Днѣпръ. Рѣка Сеймъ теченіемъ своимъ захватываетъ лучшіе по хлѣбородію уѣзды Курской губерніи, которая, по неимѣнію хорошихъ путей сообщенія, затруднялась тогда сбытомъ хлѣба, вслѣдствіе чего, по избытку его, онъ былъ очень дешевъ.

Предложеніе Пузанова заключалось въ томъ, чтобы устроить по Сейму судоходство и, какъ онъ говорилъ, облагодѣтельствовать тѣмъ всю губернію; на устройство же этого судоходства требовалось, однако, по его разсчетамъ, около милліона рублей. Извѣстно, что во время крѣпостнаго права всѣ раскладки по повинностямъ съ дворянскихъ имѣній дѣлались по числу ревизскихъ душъ, считавшихся за каждымъ помѣщикомъ. Дворяне сообразили, что это не очень много на 500 тысячъ помѣщичьихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что раскладка предполагалась не разомъ, а съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ, включая при томъ въ эту сумму, кромѣ устройства судоходства, и содержаніе его въ исправности.

Дворянство увлеклось предполагаемыми выгодами отъ сбыта своихъ произведеній и поручило Пузанову хлопотать объ утвержденіи его проэкта и, при содѣйствіи бывшаго тогда Курскаго губернатора Михаила Николаевича Муравьева, хлопоты эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Проэктъ не только былъ утвержденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, но, въ снисхожденіи на просьбы дворянъ, разрѣшено именовать Сеймское судоходство «Александрійскимъ», въ честь императрицы Александры Ѳеодоровны.

---

*) См. выше, стр. 149.

Закипѣла работа по тихимъ берегамъ Сейма. Устроивались шлюзы, сносились мельницы и плотины, отводилась луговая земля по берегамъ рѣки для бичевниковъ и тому подобныхъ сооруженій. Инженеры начали работы. Графъ Клейнмихель, какъ начальникъ путей сообщенія и богатый Курскій помѣщикъ по имѣніямъ своей жены, принималъ дѣятельныя мѣры и зорко слѣдилъ за успѣхомъ инженерныхъ работъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, работы по Александрійскому судоходству окончились. Затрачено на него было болѣе милліона рублей.

Пузановъ получилъ камергера. Остановка вышла только за движеніемъ судовъ. Нужно было, чтобы суда вывозили Курскій хлѣбъ и пеньку, а привозили бы изъ-за Днѣпра лѣсъ и другія произведенія, въ которыхъ нуждалась Курская губернія. Но этого-то и не случилось. За все время существованія Александрійскаго Сеймскаго судоходства одинъ только разъ пришелъ къ Курску не то пароходъ, не то барка съ досками и тёсомъ, и то не совсѣмъ благополучно. Тѣмъ и окончилось судоходство, отъ котораго такъ много ожидали. И вышло, что гора родила мышь.

Однако сборы на Сеймское судоходство продолжались съ дворянскихъ имѣній еще нѣсколько лѣтъ. Нужно было содержать инженеровъ, рабочихъ, исправлять шлюзы, бичевники и тому подобное. Словомъ сказать, расходы большіе, а пользы никому и никакой, кромѣ развѣ инженеровъ. Какъ быть? Дворяне обыкновенно съѣзжаются на выборы въ три года разъ, причемъ они имѣютъ право разсуждать, между прочимъ, о своихъ пользахъ и нуждахъ. Въ 1849-мъ году были выборы, и тогда-то, наконецъ, былъ возбужденъ вопросъ о совершенной безполезности и даже вредности Александрійскаго Сеймскаго судоходства.

Сначала обратились съ запросомъ къ камергеру Пузанову, почему по р. Сейму не ходятъ пароходы? Онъ отвѣчалъ, что онъ не повиненъ въ отсутствіи предпринимателей и капиталистовъ, которые бы рѣшились устроить суда для перевозки и рискнуть своими средствами на это предпріятіе; что его идея и проектъ однако осуществились, чему можетъ служить доказательствомъ устроенное судоходство; но, чтобы вполнѣ окончить это предпріятіе, нужно самимъ господамъ дворянамъ начать пользоваться судоходствомъ. Но такъ какъ для этого опять нужны были большія затраты, то господа дворяне и слышать объ этомъ не хотѣли, испытавши горькимъ опытомъ, какую выгоду принесли ихъ пожертвованія. Сдѣлано постановленіе просить объ уничтоженіи только на бумагѣ, а не на практикѣ существующаго судоходства.

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ въ Курскъ управляющій путями сообщенія графъ Клейнмихель. Губернскимъ предводителемъ былъ въ то время своякъ его Аркадій Аркадіевичъ Нелидовъ. Уѣздные предводители были по какому-то дѣлу въ сборѣ въ Курскѣ во время пріѣзда Клейнмихеля и, пользуясь его пребываніемъ, просили Нелидова узнать о судьбѣ Сеймскаго судоходства, такъ какъ уже послѣдовало представленіе о желаніи дворянства его уничтожить. Нелидовъ сообщилъ намъ, что онъ говорилъ объ этомъ графу Клейнмихелю; но тотъ ему отвѣчалъ, что по службѣ своей онъ обязанъ созидать и сооружать, а никакъ не уничтожать существующее. Тогда уѣздные предводители сами рѣшились обратиться къ графу. Онъ принялъ насъ очень любезно; но, когда мы стали объяснять ему всю ничтожность и безполезность этого судоходства, о которомъ онъ самъ, вѣроятно, хорошо зналъ, то онъ замѣтилъ: «Господа! Какъ я могу приступить къ этому? Вы забываете, какое имя носитъ это судоходство? Имя нашей обожаемой Императрицы.» — «Совершенно вѣрно, ваше сіятельство», возразилъ я; «но мы потому-то и просимъ, что несуществующее судоходство недостойно носить столь высокое имя». Графъ быстро обратился ко мнѣ и сказалъ: «Вы мнѣ дали новую идею, которой я постараюсь воспользоваться.»

Въ этотъ же вечеръ мы были приглашены къ Нелидову, у котораго остановился графъ Клейнмихель. Было большое сборище гостей. При этомъ не могу не вспомнить объ одномъ эпизодѣ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ студентъ Московскаго университета Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ съ своей хорошенькой невѣстой мамзель Хрущовой. Такъ какъ у Нелидова все происходило неиначе, какъ по программѣ, то и въ этотъ вечеръ значилось, что передъ началомъ танцевъ будетъ играть на фортепіано Рубинштейнъ, тогда едва еще начинавшій свое музыкальное поприще. Собрались гости; не всѣ однако были любителями музыки. Во время игры Рубинштейна, можетъ быть и хорошей, но слишкомъ продолжительной, слушатели видимо начали скучать. Графъ Клейнмихель, бывшій тутъ же, увидавъ меня, взялъ подъ руку и направился въ другую комнату, говоря: «Какъ это странно, что Аркадій Аркадіевичъ занимаетъ своихъ гостей бренчаньемъ какого-то мальчишки». Тогда не предполагали, конечно, въ этомъ мальчишкѣ будущей знаменитости музыкальнаго міра.

Затѣмъ разговоръ опять направился на Сеймское судоходство. «А я вамъ очень, очень благодаренъ», сказалъ графъ, «что вы высказали вашу мысль на счетъ того, что судоходство это не достойно носить имя Императрицы; иначе я бы находился въ крайнемъ затрудненіи, какъ доложить Императору, что судоходство необходимо уничтожить».

Вскорѣ послѣ этого послѣдовало высочайшее повелѣніе уничтожить всѣ сооруженія по р. Сейму и, по просьбѣ дворянъ, обратить весь оставшійся капиталъ на содержаніе воспитанниковъ изъ дворянъ въ пансіонѣ при Курской гимназіи. Всѣ дворяне были очень довольны, что перестали, наконецъ, платить на судоходство, чего нельзя было, впрочемъ, сказать объ инженерахъ, оставленныхъ за штатомъ, да Щигровскаго помѣщика Михаила Александровича Пузанова, котораго всѣ стали называть водянымъ эксъ-камергеромъ.

III.

Какъ взыскивалъ недоимки Курскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ.

Въ Курскую губернію назначенъ былъ въ концѣ 30-хъ годовъ губернаторомъ М. Н. Муравьевъ, какъ говорили тогда, для исправленія губерніи. Его предшественникъ, Павелъ Николаевичъ Демидовъ, не былъ дѣловымъ губернаторомъ, но какъ человѣкъ очень богатый, жилъ въ Курскѣ роскошно и давалъ безконечные балы и обѣды *). Разсказывали, что былъ у него метрдотель Французъ, который распоряжался его домашнимъ хозяйствомъ, и вмѣсто жалованья получалъ 10% съ затрачиваемой суммы на угощенія, причемъ Демидовымъ требовалось, чтобы гости угощались на славу. Можно себѣ представить, сколько тратилъ денегъ этотъ Французъ. Курскіе дворяне очень любили Демидова за его роскошныя угощенія; да къ тому же онъ былъ къ нимъ снисходителенъ по взысканію казенныхъ недоимокъ, которыя къ пріѣзду Муравьева достигли громадныхъ размѣровъ; ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, разсчитывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разнымъ случаямъ.

Не такъ на это дѣло посмотрѣлъ вновь прибывшій губернаторъ М. Н. Муравьевъ. Прежде всего обративъ вниманіе на взысканіе недоимокъ, онъ предписалъ полиціи дѣйствовать энергично и, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было, немедленно приступать къ продажѣ имуществъ, на основаніи законовъ, въ случаѣ же уклоненія полицейскихъ чиновниковъ и неисполненія его предписаній, отрѣшалъ ихъ отъ должности. Вѣдомости объ уплатѣ недоимокъ со всѣхъ уѣздовъ еженедѣльно поступали прямо къ Муравьеву, и по нимъ онъ могъ судить о дѣйствіяхъ полиціи.

Вотъ какъ однажды самъ М. Н. Муравьевъ поступилъ съ одной Обоянской помѣщицей, по фамиліи, кажется, Ступиной. Пріѣзжаетъ къ

*) По словамъ Кристина, П. Н. Демидовъ платилъ отъ себя большія деньги Курскимъ чиновникамъ за то, чтобы они не брали взятокъ (Р. Архивъ 1884, III, 156, въ приложеніи).

нему дама въ каретѣ, запряженной шестеркой. Губернаторъ принимаетъ ее и внимательно выслушиваетъ жалобу на исправника и становаго, которые, по ея словамъ, хотятъ разорить ее: составили опись и за недоимку приступаютъ къ продажѣ такихъ предметовъ, которые ей необходимы, какъ напр. экипажи, лошади и т. п.; чего-де никогда не бывало въ уѣздѣ. Она обѣщалась имъ уплатить всю недоимку осенью, когда продастъ хлѣбъ, но, такъ какъ ей не внемлятъ, то она и рѣшилась просить его превосходительство заступиться за нее и отмѣнить распоряженіе полиціи.

Справившись по вѣдомости, Муравьевъ увидалъ, что эта госпожа изъ тѣхъ, что̀ несомнѣнно дожидаются милостиваго манифеста, ибо она уже нѣсколько лѣтъ вовсе не платила податей. Тогда Муравьевъ попросилъ ее обождать въ гостиной, пока онъ сдѣлаетъ свои распоряженія. Затѣмъ онъ немедленно приказалъ полицеймейстеру отправиться на площадь, и тамъ съ барабаннымъ боемъ продать съ аукціона карету и лошадей г-жи Ступиной; кучера и форейтора прислать обратно къ его подъѣзду, а деньги, вырученныя отъ продажи, также доставить къ нему. Часа черезъ два полицеймейстеръ въ точности исполнилъ приказаніе губернатора и принесъ вырученныя съ аукціона деньги, по полученіи которыхъ Муравьевъ написалъ Обоянскому исправнику, что часть недоимки отъ г-жи Ступиной, на такую-то сумму, поступила въ уплату, и запечатанный пакетъ на имя исправника передалъ ожидавшей его распоряженій г-жѣ Ступиной, сказавъ ей при этомъ, что, вѣроятно, исправникъ по прочтеніи этой бумаги не будетъ такъ много взыскивать съ нея недоимки. Г-жа Ступина разсыпалась въ благодарностяхъ и направилась къ выходу вполнѣ довольная. Можно себѣ представить ея удивленіе, когда у подъѣзда она не нашла своей кареты, а кучеръ и форейторъ встрѣтили ее пѣшкомъ. При этомъ случился и полицеймейстеръ, который и сообщилъ ей о распоряженіи губернатора. Пораженная барыня хотѣла возвратиться для объясненія съ Муравьевымъ, но ея не приняли.

Послѣ этого случая и рѣшительныхъ дѣйствій полиціи многіе неплательщики, не дожидаясь милостиваго манифеста, стали уплачивать недоимку, а Муравьевъ получилъ высочайшую благодарность за успѣшное взысканіе въ Курской губерніи податей и недоимокъ.

Вообще управленіе губерніею М. Н. Муравьевымъ отличалось рѣзкостью дѣйствій, о чемъ долго послѣ вспоминали чиновники, служившіе при немъ.

Н. Рѣшетовъ.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

IV *).

Княгиня Александра Борисовна Мещерская.

Княгиня Александра Борисовна Мещерская, рожденная княжна Голицына, родная сестра знаменитой Татьяны Борисовны Потемкиной, жила до 1862-го года со своимъ мужемъ въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, въ своемъ имѣніи, слободѣ Анновкѣ. У нея было также другое имѣніе въ Крыму, куда она ежегодно ѣзжала проводить зиму; но на лѣто она возвращалась въ слободу Анновку.

Домъ, въ которомъ жила княгиня Мещерская въ Анновкѣ, былъ очень оригиналенъ по своей постройкѣ. Снаружи онъ казался какимъ-то безобразнымъ, одноэтажнымъ, длиннымъ, деревяннымъ строеніемъ, съ пристройками и надстройками со всѣхъ сторонъ, на видъ онъ былъ очень невзраченъ и покрытъ камышемъ, но за то внутри отдѣланъ роскошно. Несмотря на то, что комнаты были обширныя, съ трудомъ можно было двигаться въ нихъ, такъ какъ онѣ были сплошь заставлены всевозможной, нужной и ненужной мебелью хорошей роботы. Княгиня была большая любительница мебели, которую дѣлали по ея указанію ея собственные столяры съ заграничныхъ рисунковъ.

Мужъ ея, князь Сергѣй Ивановичъ, жилъ въ отдѣльномъ флигелѣ, приходилъ въ домъ только къ обѣду и вообще, что бы ни дѣлалось въ домѣ, ни во что не вмѣшивался, а просилъ только объ одномъ, чтобы его оставили въ покоѣ и не тревожили во флигелѣ.

По видимому, супруги жили дружно. Дѣтей у нихъ не было; за то княгиня была всегда окружена собачками и воспитанницами. И

---

*) См. выше, стр. 300.

тѣхъ и другихъ сбирали въ большомъ количествѣ съ разныхъ мѣстъ. Собачки добывались большею частью самыхъ рѣдкихъ породъ, а дѣвочекъ брали преимущественно за хорошенькія личики. Послѣднихъ княгиня учила свѣтскимъ манерамъ, и старшія воспитанницы учили младшихъ разнымъ наукамъ. Насколько онѣ успѣвали въ нихъ, судить было трудно; но онѣ всѣ говорили по-французски. Нѣкоторыхъ воспитанницъ за вѣрную службу выдавала княгиня замужъ и давала имъ даже приданое; другихъ же, наиболѣе изящныхъ и красивыхъ, передавала или уступала сестрѣ своей, Татьянѣ Борисовнѣ, у которой онѣ всегда устраивались и въ послѣдствіи дѣлали карьеру. Такъ напримѣръ одна изъ нихъ, дѣвица Фіалковская, дочь бѣднаго Поляка, управлявшаго имѣніемъ княгини Мещерской, переданная княгиней г-жѣ Потемкиной, благодаря своей необыкновенной красотѣ, вышла замужъ въ Петербургѣ за очень богатаго золотопромышленника Сибиряка.

Но воспитанницы составляли второстепенное занятіе Александры Борисовны. Главное дѣло княгини, которому она посвящала все время—это были собачки. Она ихъ страстно любила, чего не только не скрывала, но старалась выказать всѣмъ и каждому. Казалось, что самая чадолюбивая мать не можетъ такъ заниматься дѣтьми, какъ она занималась собачками. Къ каждой была приставлена одна изъ воспитанницъ, которая отвѣтствовала передъ княгиней за все, могущее случиться съ наблюдаемымъ ею существомъ. Каждая воспитанница обязана была изучать характеръ и наклонности той собачки, за которой она наблюдала, и при малѣйшей опасности должна была доносить княгинѣ о всѣхъ замѣченныхъ ею перемѣнахъ въ нравѣ, увлеченіяхъ и тому подобныхъ явленіяхъ собачьей жизни: княгиня тотчасъ же принимала свои мѣры, согласно обстоятельствамъ. Все это дѣлалось съ такою важностью и торжественностью, какъ будто дѣло касалось дѣйствительно очень серьезныхъ предметовъ. Если случалось, что какая нибудь собачка заболѣвала, то княгиня и весь домъ приходили въ уныніе, и разговоръ шелъ исключительно о бѣдной страдалицѣ; всѣ воспитанницы и прислуга ходили на цыпочкахъ, чтобы не обезпокоить какую нибудь болящую Мими или Жужу; и какъ велико было уныніе, такъ велика бывала и радость, когда больная оправлялась. Потому-то князь Сергѣй Ивановичъ жилъ отдѣльно во флигелѣ, ссылаясь на затруднительность совмѣстнаго сожительства съ собаченками.

Какъ-то мнѣ случилось высказать княгинѣ, что я очень не долюбливаю маленькихъ комнатныхъ собаченокъ, не приносящихъ никакой пользы. Нужно было видѣть, какъ обидѣлась княгиня! Она съ негодованіемъ стала доказывать мнѣ, что «нужно не имѣть сердца» (ея подлинное выраженіе), «чтобы не любить этихъ лучшихъ созданій Бо-

жіихъ». «Посмотрите», говорила она, «какъ онѣ умны, послушны, вѣрны, признательны и т. д.» Все это она высказывала съ такой энергіей и силою, съ такимъ желаніемъ убѣдить меня, что я дѣйствительно убѣдился, что княгиня любитъ этихъ маленькихъ лучшихъ созданій Божіихъ гораздо больше, чѣмъ своихъ хорошенькихъ воспитанницъ.

Это разное отношеніе къ собачкамъ и воспитанницамъ выказалось очень ясно, когда, отправляясь въ Крымъ на зиму, княгиня должна была отказаться отъ мысли взять съ собою свою любимую собаченку, совсѣмъ ослѣпшую отъ дряхлости и еле ходившую: боялись, что она не въ состояніи будетъ перенести потерю этого комфорта, который ее окружалъ въ домѣ, и разныхъ неудобствъ путешествія; поэтому рѣшено было ее оставить въ Анновкѣ на попеченіе одной воспитанницы, Любовь Григорьевны, очень милой дѣвушки, которую конечно не спросили, пріятно ли ей будетъ провести зиму глазъ на глазъ съ издыхающей моськой. Обязанности Любовь Григорьевны были конечно не маловажны; она должна была каждую почту посылать княгинѣ бюллетени о состояніи здоровья моськи со всѣми подробностями, а равно и не покидать ея ни днемъ, ни ночью. Но, не смотря на всѣ заботы и попеченія, собачка издохла, и бѣдная Любовь Григорьевна чуть сама не заболѣла отъ горя, съ трепетомъ ожидая возвращенія хозяйки. Трупъ сохранялся на ледникѣ въ особомъ гробикѣ до пріѣзда княгини, которую долженъ былъ на станціи встрѣтить управляющій и приготовить къ постигшему ея несчастію. Въ саду былъ сдѣланъ склепъ, гдѣ съ подобающей честью похоронена была моська; княгиня и весь домъ облеклись въ трауръ, а надъ моськой воздвигнутъ памятникъ, который я самъ видѣлъ.

Въ княгининомъ домѣ порядки были не такіе, какъ у другихъ помѣщиковъ стараго времени крѣпостнаго права. Люди, служившіе лично ей, т. е. лакеи, повара, горничныя и т. д., были не изъ крѣпостныхъ; ихъ нанимали изъ вольныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ были Поляки; всѣ были очень приличны, а горничныя даже изящны, всѣ получали по тогдашнему времени хорошее жалованье; у всѣхъ были отдѣльныя комнаты, имъ готовился особый столъ. Они были очень довольны своимъ положеніемъ и потому старались во всемъ угождать княгинѣ и въ особенности ея собачкамъ, что было самое главное. Княгиня говорила, что она не можетъ пользоваться услугами крѣпостныхъ людей, что ей противно видѣть въ нихъ рабство, униженность, вслѣдствіе чего она нанимала чужихъ людей; но при этомъ она забывала, конечно, что болѣе тысячи душъ ея крѣпостныхъ работали на нее въ полѣ и на сахарномъ заводѣ.

Въ слободѣ Анновкѣ не было церкви, и княгиня рѣшилась ее выстроить. По ея заказу былъ сдѣланъ какимъ-то знаменитымъ архите-

которомъ планъ храма изящной архитектуры. Планъ этотъ черезъ посредство Татьяны Борисовны Потемкиной былъ показанъ покойному императору Николаю Павловичу, который пожертвовалъ на постройку 25 тысячъ рублей, присланные въ полное распоряженіе владѣлицы. Постройка церкви началась, и хотя, кромѣ императорскаго, стекались и другія пожертвованія со стороны, но ихъ оказалось слишкомъ мало для сооруженія такого великолѣпнаго зданія, вслѣдствіе чего было рѣшено сократить храмъ въ размѣрахъ и во всѣхъ деталяхъ; его урѣзали до неузнаваемости. Наконецъ, выстроилась небольшая церковь какой-то странной, неизвѣстной архитектуры. Внутренность церкви была также очень оригинальна: она была раздѣлена стеклянною перегородкою, проходящею черезъ всю церковь и алтарь; одна часть церкви была предназначена для народа и для всѣхъ прочихъ смертныхъ, другая для княгини Александры Борисовны. Ея отдѣленіе было нѣсколько возвышено противъ пола общей церкви, черезъ что оно казалось какъ бы отдѣльнымъ сооруженіемъ; оно было великолѣпно отдѣлано, въ немъ былъ особый иконостасъ, сообщенія же съ общей церковью, гдѣ стояла толпа, не было, только изъ алтаря была маленькая дверь. Подъѣздъ къ этому отдѣленію былъ особый, предназначенный исключительно для княгини, ея свиты и знакомыхъ. Мнѣ случалось бывать въ этомъ отдѣленіи во время службы. Оттуда очень удобно было наблюдать за всѣми молящимися въ церкви и за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ алтарѣ; но нельзя было хорошо слышать, что̀ пѣлось и читалось. Впрочемъ для княгини Александры Борисовны это не было лишеніемъ: она всегда молилась по Французскому молитвеннику, такъ какъ по-русски понимала плохо.

Другую сестру Александры Борисовны, Софью Борисовну Полторацкую, съ ея мужемъ Константиномъ Марковичемъ Полторацкимъ, мнѣ случалось встрѣчать въ Петербургѣ у ея сестры, Татьяны Борисовны Потемкиной, у которой они проживали на покоѣ послѣ губернаторства въ Ярославлѣ.

Про Софью Борисовну мнѣ разсказывали ея знакомые, хорошо знавшіе ее въ Ярославлѣ, что во время губернаторства она была знакома съ тѣми только дамами, которыя говорили по-французски. Конечно, этихъ только дамъ она приглашала на свои балы, на которыхъ фигурировалъ, какъ распорядитель танцевъ, Французъ-парикмахеръ, ежедневно причесывавшій Софью Борисовну, на что̀ не безъ ехидства указывали тогда не говорившія по-французски Ярославки *).

*) У нея въ Ярославлѣ кончала нѣкоторое время гувернантка Наузевиль, столь часто упоминаемая въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой. (Р. Архивъ 1883 и 1884). П. Б.

Послѣ отставки Ярославскаго губернатора К. М. Полторацкаго, супруга его, Софья Борисовна, добилась случая представиться покойному государю Николаю Павловичу, тогда какъ мужа ея онъ не пожелалъ видѣть. Государь встрѣтилъ ее словами. «Обо всемъ можете просить, Софья Борисовна; съ удовольствіемъ исполню, только не о вашемъ мужѣ». Ей ничего болѣе не оставалось, какъ раскланяться и удалиться. Тогда говорили, что Полторацкій, бывши губернаторомъ въ Ярославлѣ, самъ взятокъ не бралъ; но брали его чиновники, къ которымъ онъ былъ слабъ, почему и составилась о немъ неблагопріятная репутація, вѣроятно дошедшая и до Государя.

V.

Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ.

На правомъ гористомъ берегу р. Оскола, въ живописной мѣстности Ново-Оскольскаго уѣзда, расположено небольшое село Холки съ маленькою приходскою церковью, вблизи которой находятся пещеры на подобіе Кіевскихъ, но только не столь обширныя; онѣ довольно хорошо сохранились въ мѣловомъ грунтѣ.

О происхожденіи этихъ пещеръ не осталось никакихъ лѣтописей; преданія же передавали разно: кто говорилъ, что эти пещеры въ отдаленныя времена выкопаны разбойниками; а кто, что отшельниками-монахами, и что тутъ когда-то былъ даже монастырь.

Въ этомъ же Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, проживалъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, когда-то богатый помѣщикъ, но разорившійся откупами, человѣкъ очень набожный; онъ былъ мистикъ и любилъ все святое и святыя мѣста. Ему почему-то представилось, что Холковскія пещеры непремѣнно были устроены святыми отцами, и онъ сталъ посѣщать ихъ, поставилъ тамъ образа и усердно молился въ нихъ Богу. Простой народъ также послѣдовалъ примѣру князя. Въ пещерахъ пѣлись молебны, что было на руку мѣстному причту, такъ какъ приходъ былъ бѣдный. Между прочимъ князь съ таинственностью сообщалъ своимъ знакомымъ о какихъ-то видѣнныхъ имъ снахъ и откровеніяхъ на счетъ этихъ пещеръ. Однажды, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ с. Холки, князь привезъ съ собою большую бутыль, наполнилъ ее водою изъ тутъ же протекавшей рѣки Оскола, поставилъ ее въ пещерѣ и изрекъ: «По вѣрѣ моей превратится вода эта въ вино, которое будетъ исцѣлять больныхъ и страждущихъ!».

Пещеры эти всегда запирались, и ключь отъ нихъ хранился у священника... Но сотворилось чудо: вода стала пахнуть виномъ, т.-е. по мнѣнію вѣрующихъ стала превращаться въ вино. Главное же чудо состояло въ томъ, что воды изъ бутылки не убавлялось, хотя всѣмъ было извѣстно, что эту жидкость давали многимъ больнымъ (разумѣется, за извѣстную плату).

И повалилъ къ пещерамъ народъ не только изъ окрестностей, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Слухъ о чудесной водѣ, превращающейся въ вино, быстро росъ, вода раскупалась, а бутыль все полна. Дошелъ слухъ о бутыли и до Курскаго преосвященнаго Иліодора, который, объѣзжая свою паству, заѣхалъ въ с. Холки и встрѣтился тамъ съ княземъ Андреемъ Борисовичемъ; но, хотя онъ и былъ пріятельски знакомъ съ нимъ, однако бутыль изъ пещеры съ цѣлительной водой приказалъ вынести. Это впрочемъ не помѣшало вѣрующимъ и болящимъ притекать въ с. Холки, гдѣ еще долго послѣ того отъ церковнослужителей можно было получать цѣлительную воду, всегда пахнущую виномъ. Когда же у князя Андрея Борисовича спрашивали о бутыли, то онъ отвѣчалъ, что, еслибы преосвященный оставилъ бутыль въ пещерахъ, вода навѣрное пріобрѣла бы еще болѣе чудодѣйственную силу. Говоря это, князь видимо убѣжденъ былъ въ истинѣ своихъ словъ.

Въ 1852-мъ году князь Андрей Борисовичъ заѣхалъ ко мнѣ въ деревню. Начавъ бесѣду о разныхъ предметахъ болѣе или менѣе божественнаго свойства, онъ разсказалъ такой случай. Когда онъ былъ флигель-адъютантомъ у покойнаго императора Александра I-го и пользовался его особеннымъ довѣріемъ, Государь, какъ онъ говорилъ, любилъ бесѣдовать съ нимъ именно о религіозныхъ предметахъ. Одинъ разъ, это было въ Вѣнѣ, во время извѣстнаго конгресса 1815 года, когда онъ находился одинъ при Государѣ, вдругъ послышался громъ, окно внезапно растворилось, и передъ ними предсталъ какъ-бы духъ въ образѣ человѣка, въ которомъ и Императоръ, и князь тотчасъ же узнали пророка Илію. Пророкъ Илія обратился къ Государю и потребовалъ отъ него записную книжку, которую онъ всегда носилъ при себѣ. Взявши ее въ руки, Илія начерталъ въ ней нѣсколько словъ, отдалъ обратно Государю и исчезъ также внезапно, какъ и появился.

При этомъ разсказѣ князя Голицына присутствовалъ одинъ мой знакомый Арк. Дм. Карповъ, видѣвшій моего гостя въ первый разъ. Онъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Позвольте узнать, князь, на какомъ языкѣ говорилъ пророкъ Илія?» — «На неизвѣстномъ намъ, отвѣчалъ князь Андрей Борисовичъ, «однако рѣчь его была вполнѣ доступна нашему пониманію». — «Что же это были за слова, которыя онъ

начерталъ въ записной книжкѣ Императора?»—«Императоръ не сообщилъ мнѣ ничего о нихъ, но только приказалъ, чтобы въ Вѣнѣ я никому не разсказывалъ о видѣнномъ. Въ этотъ же день было засѣданіе конференціи, на которомъ была рѣшена судьба многихъ государствъ».

Едва успѣлъ князь окончить свой разсказъ, какъ послышался громъ, и началась давно уже приближавшаяся гроза. При первомъ ударѣ Карповъ обратился къ князю Голицыну и серьезно сказалъ ему: «Князь, нельзя ли вамъ какъ нибудь упросить пророка Илью теперь же пожаловать къ намъ на бесѣду? Кстати и громъ гремитъ: онъ уже выѣхалъ, и ему не было бы трудно завернуть къ намъ.»—«Не всѣ мы удостоены его лицезрѣть,» колко отвѣчалъ князь и тотчасъ же сталъ сбираться уѣзжать, принявъ обиженный видъ.

Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, сосѣднемъ съ Ново-Оскольскимъ, жилъ помѣщикъ П. М. Т.....въ, человѣкъ очень ловкій, который видалъ иногда князя Андрея Борисовича въ Воронежѣ у преосвященнаго Антонія. Подмѣтивъ умонастроеніе князя, Т.....въ не замедлилъ разсказать ему, что въ его рукахъ находится драгоцѣнная святыня, доставшаяся ему случайно, именно: большой крестъ со вложенными въ него мощами однаго святаго, особенно чтимаго княземъ. Разумѣется, этотъ разсказъ подѣйствовалъ на князя, и онъ возъимѣлъ страстное желаніе увидѣть этотъ крестъ и приложиться къ нему; но такъ какъ для этого нужно было заѣхать къ Т.....ву въ деревню, то князь и отправился туда. Дѣйствительно Т.....въ показалъ ему большой серебряный крестъ, въ которомъ заключались святыя мощи. Во что бы то ни стало, захотѣлъ князь пріобрѣсти крестъ и сталъ упрашивать Т. ....ва уступить ему это сокровище за какую угодно цѣну. Долго не соглашался Т.....въ, говоря, какъ бы съ обидою, что князь болѣе, чѣмъ кто либо другой, можетъ понять, что такая святыня не продается; однакоже, послѣ нѣкотораго колебанія и усиленныхъ просьбъ, онъ согласился отдать ему крестъ за очень высокую цѣну (за пять тысячъ рубл.), прибавляя при этомъ, что потому только рѣшается на эту уступку именно ему, князю, что чувствуетъ себя слишкомъ грѣшнымъ и недостойнымъ, чтобы обладать такою святынею.

Князь былъ въ восхищеніи отъ пріобрѣтеннаго сокровища, уложилъ крестъ въ дорогой кіотъ, всегда возилъ его съ собой и показывалъ благочестивымъ и вѣрующимъ людямъ, которые съ благоговѣніемъ къ нему прикладывались. Но какъ-то князь замѣтилъ, что на концѣ креста образовалась трещина, которую непремѣнно нужно было задѣлать, иначе мощи могли бы выпасть. Собираясь ѣхать въ Воронежъ, онъ по обыкновенію не забылъ взять съ собою и крестъ и, пріі-

ѣхавши туда, немедленно обратился къ лучшему серебрянныхъ дѣлъ мастеру, прося тотчасъ же при немъ исправить поврежденіе въ крестѣ. Мастеръ, осмотрѣвши его, замѣтилъ, что крестъ этотъ его работы и сдѣланъ по заказу П. М. Т.....ва, по образцу креста, находящагося въ одной приходской церкви въ самомъ же Воронежѣ, присовокупя при томъ, что онъ удивляется, почему крестъ какъ бы расщепленъ въ этомъ мѣстѣ; а при внимательномъ осмотрѣ мастеръ убѣдился, что крестъ былъ разломанъ умышленно и потомъ пригнутъ, вслѣдствіе чего и явилась трещина. Тогда князь сообщилъ ему, какая святыня заключается въ этомъ крестѣ. Съ удивленіемъ выслушавъ разсказъ, мастеръ принялся за исправленіе поврежденія, для чего и снялъ надломленную пластинку, и... о ужасъ!... Что предстало ихъ взорамъ?!... Вмѣсто мощей внутри креста была положена сухая косточка отъ крылушка курицы. Можно вообразить отчаяніе князя! Не знаю, починилъ ли мастеръ крестъ, но больше князь его съ собою не возилъ. Объ этомъ случаѣ мнѣ разсказалъ родной братъ князя Андрея Борисовича, князь Николай Борисовичъ, выдавая за истину.

VI.

Ратники.

Въ 1855-мъ году, во время Крымской войны, какъ извѣстно, было сформировано ополченіе. Когда объявленъ былъ въ Курской губерніи высочайшій манифестъ о наборѣ ратниковъ, то прежде всего нужно было гг. дворянамъ избрать въ губернскомъ дворянскомъ собраніи начальника ополченія отъ губерніи и отъ каждаго уѣзда по одному начальнику дружины (въ чинѣ штабъ-офицера) и 12-ть оберъ-офицеровъ. Хотя дворянъ изъ отставныхъ военныхъ, жившихъ въ Курской губерніи, было немало, но, когда приступили къ выборамъ, то ихъ оказалось недостаточно для укомплектованія ополченія офицерами. Пришлось обратиться къ отставнымъ штатскимъ чиновникамъ и таковыхъ по выборѣ въ ополченіе переименовать въ военные чины. Во время выборовъ случалось много курьезовъ.

По правдѣ сказать, при всемъ патріотическомъ настроеніи того времени, мало находилось желавшихъ идти по своей волѣ офицерами въ ополченіе; а потому многіе дворяне явились на выборы съ докторскими свидѣтельствами о своихъ тѣлесныхъ немощахъ: иные вдругъ захромали, другіе жаловались на удушье и на сильнѣйшіе ревматизмы, препятствующіе службѣ; одинъ предлагалъ посмотрѣть ему въ ротъ, гдѣ

не было зубовъ; а нѣкто, отставной уланскій поручикъ Черпявскій, жившій въ нашемъ уѣздѣ, откровенно заявилъ, что онъ готовъ съ удовольствіемъ поступить въ ополченіе, только не пѣшее, а конное, такъ какъ онъ по своей тучности и сильному потѣнію лишенъ возможности двигаться пѣшкомъ, тогда какъ верхомъ можетъ ѣздить неутомимо. Много нужно было умѣнья уѣзднымъ продводителямъ, чтобы набрать для дружинъ полное число офицеровъ, что было необходимо. Наборъ ратниковъ былъ не такъ затруднителенъ, благодаря тому, что въ ратники разрѣшено было принимать людей болѣе зрѣлаго возраста, а именно до 45 лѣтъ включительно; имъ оставляли бороду и волоса на головѣ, почему они и показались Французамъ подъ Севастополемъ такими страшными, въ особенности, когда приходилось имъ схватываться въ рукопашную.

Труднѣе было одѣть ратниковъ въ данный короткій срокъ изъ отпущенныхъ 12-ти рублей на обмундировку на человѣка: нужно было сдѣлать каждому кафтанъ по образцу съ кушакомъ, штаны, полушубокъ, высокіе сапоги, фуражку съ крестомъ, ранецъ, бѣлье и другія мелкія принадлежности. Но при тогдашней дешевизнѣ матеріаловъ въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ удалось не только одѣть ихъ по формѣ, но оказался еще излишекъ, который и переданъ былъ начальнику дружины, на могущія встрѣтиться надобности.

Еще до сформированія нашей Ново-Оскольской № 49 дружины, изъ Кіевскаго арсенала была прислана тысяча старыхъ кремневыхъ ружей. Когда я ихъ осмотрѣлъ, то многія оказались поломаными; при доставкѣ же ихъ, въ бумагѣ Кіевскаго арсенала лаконически значилось: «Посылаются ружья, хотя и старыя, но безопасныя для употребленія» (буквальное выраженіе). Вѣроятно предполагалось, что ихъ не будетъ разрывать въ рукахъ у стрѣляющихъ; но являлась увѣренность, что они окажутся безопасными и для непріятеля, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ положительно не было никакой возможности стрѣлять: они были большею частью съ сломанными замками и ложами, и ихъ скорѣе можно было считать не за огнестрѣльное оружіе, а за холодное, ибо на нихъ находились штыки, хотя также не совсѣмъ исправные. Съ такимъ-то оружіемъ приходилось отправляться на войну нашимъ ратникамъ. Разумѣется, были приняты мѣры, чтобы, по возможности, до похода исправить эти ружья и, дѣйствительно, что было возможно, то было сдѣлано.

Для обученія же ратниковъ были присланы изъ гарнизонныхъ батальоновъ унтеръ-офицеры, которымъ пришлось обучать военному дѣлу не только ратниковъ, но и офицеровъ, поступавшихъ на службу изъ чиновниковъ. Очень занятно было смотрѣть на эти ученья.

Не смотря на то, что наборъ ратниковъ былъ произведенъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, Ново-Оскольская дружина № 49, подъ командою начальника дружины, переименованнаго изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ полковники, князя Николая Борисовича Голицына, уже въ началѣ Мая выступила въ походъ къ Севастополю.

Кромѣ формированія ратниковъ, Курская губернія въ это время была объявлена на военномъ положеніи въ отношеніи доставки провіанта и другихъ предметовъ для войскъ; ей назначено было отъ завѣдывающаго продовольствіемъ арміи генерала Анненкова доставить въ Крымъ съ каждой ревизской души по два пуда хорошо испеченныхъ и высушенныхъ сухарей, по образцамъ, и по полумѣрѣ крупъ въ мѣшкахъ. Съ болѣе чѣмъ милліоннаго населенія Курской губерніи образовалось громадное количество провіанта, которое нужно было доставить къ мѣсту назначенія на разстояніе болѣе 1500 верстъ. Исполнить эту операцію точно и въ назначенный срокъ было довольно затруднительно для обывателей; однакоже, послѣ многихъ препятствій, обозы пришли на мѣста въ Крымъ съ разныхъ мѣстъ Курской губерніи. Въ Крыму въ это время скопились такія огромныя массы сухарей, доставленныхъ почти одновременно изъ другихъ губерній, что не нашлось закрытыхъ помѣщеній; а потому, поневолѣ, пришлось ихъ сваливать въ кучи и складывать въ видѣ скирдовъ, гдѣ они отъ дождей превратились въ матеріалъ, годный развѣ только для питанія мышей. Такимъ образомъ этотъ способъ пріобрѣтенія провіанта для арміи оказался непрактичнымъ и невыгоднымъ для казны, которая въ послѣдствіи, должна была бы заплатить за все по справочнымъ цѣнамъ, ежели бы дворяне не отказались отъ уплаты.

Сверхъ доставки сухарей, на Курскую губернію было еще возложено заготовить подвижной паркъ для подвозки и доставки провіанта и другихъ надобностей на мѣсто военныхъ дѣйствій. Отъ каждаго уѣзда назначено по сту лошадей, запряженныхъ въ телѣги тройками, управляемыми погоньщиками. Все это было сформировано; но скоро послѣдовало новое распоряженіе отъ того же генерала Анненкова, чтобы парка не отправлять, лошадей раздать тѣмъ, у кого были взяты, а телѣги и сбрую продать.

Курскіе ополченцы, имѣя во главѣ избраннаго дворянствомъ, начальника Курскаго ополченія, бывшаго въ отставкѣ генерала Дмитрія Николаевича Бѣлевцова, пришли къ Севастополю изъ ополченцевъ первыми, въ числѣ 15-ти дружинъ, отъ каждаго уѣзда по одной. Нѣкоторыя дружины вскорѣ пошли въ дѣло. Много ратниковъ оказалось послѣ войны убитыми и умершими отъ тифа. Въ томъ числѣ, отъ

формированной въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ дружины № 49 изъ 1,200 ратниковъ возвратилось на родину не болѣе 400-тъ человѣкъ.

Мнѣ, какъ уѣздному предводителю этого уѣзда, пришлось формировать и снаряжать эту дружину на войну, а потомъ, по возвращеніи ея, принимать обратно. Уцѣлѣвшихъ велѣно было «обратить въ первобытное состояніе». Радостно встрѣтили мы ихъ и помянули при этомъ воиновъ, положившихъ животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество; а затѣмъ жизнь потекла своимъ обычнымъ порядкомъ, въ чаяніи новыхъ вѣяній.

Многіе изъ Ново-Оскольскихъ ратниковъ имѣли Георгіевскіе кресты, всѣмъ же выданы были серебряныя медали за защиту Севастополя. Многіе изъ нихъ были ранены. Одинъ въ особенности обращалъ на себя вниманіе: совсѣмъ еще молодой малый съ руками, отрѣзанными по локоть. Всего примѣчательнѣе была причина, по которой онъ лишился обѣихъ рукъ. Вотъ что разсказывалъ онъ самъ и что подтверждали его товарищи: когда непріятелемъ была перебита артилерійская прислуга въ одной батареѣ, то его прикомандировали, въ числѣ другихъ, къ этой батареѣ и тутъ же научили заряжать орудіе, давъ ему, какъ здоровому и сильному парню, въ руки банникъ. Дѣйствовалъ онъ имъ съ большимъ усердіемъ; но случилось одинъ разъ, что онъ не успѣлъ еще вынуть банникъ изъ дула орудія, какъ его же товарищъ поспѣшилъ приложить фитиль къ затравкѣ, вслѣдствіе чего послѣдовалъ выстрѣлъ, и несчастный упалъ съ оторванными руками, когда же очнулся на перевязочномъ пунктѣ, то обѣ руки были отрѣзаны по локоть.

Одинъ изъ возвратившихся ратниковъ, Георгіевскій кавалеръ изъ села Слоновки, государственный крестьянинъ, вскорѣ женился на вдовѣ-солдаткѣ того же села, которую увѣдомили черезъ волостное правленіе, что мужъ ея, солдатъ Иванъ Соломата, убитъ на войнѣ. Проходитъ мѣсяца четыре-пять. Супруги живутъ очень счастливо. Но каково же было ихъ изумленіе, когда въ одинъ прекрасный день приходитъ въ отпускъ Иванъ Соломата, первый мужъ солдатки! Тутъ оказалось, что была ошибка: что былъ другой солдатъ, отданный изъ той же волости, также называвшійся Иваномъ Соломатою и дѣйствительно убитый на войнѣ, о чемъ и было сообщено изъ полка. Обратились къ священнику. Тотъ оправдывался тѣмъ, что имѣлось свидѣтельство изъ волостнаго правленія о смерти Ивана Соломаты.

Какъ бы то ни было, нельзя же было двумъ мужьямъ владѣть одной женой. Нужно было рѣшить, кому должна принадлежать жена. И ратникъ, и солдатъ, каждый признавалъ за собою свое право на жену,

но пока еще не ссорились между собой, а порѣшили миролюбиво, чтобы быть женѣ общей, до рѣшенія ихъ дѣла.

Ратникъ, вѣроятно, признавая меня еще за свое начальство, предложилъ солдату прежде всего обратиться ко мнѣ на судъ. Тотъ согласился. Явились, прихвативши съ собой и общую жену. Узнавъ, въ чемъ дѣло и понимая, какъ оно можетъ затянуться, я захотѣлъ окончить его поскорѣе, не давая огласки и безъ консисторскаго разбирательства, тѣмъ болѣе, что кромѣ случая никто не былъ тутъ виновенъ. Прежде всего я спросилъ у жены, которая оказалась еще довольно красивой женщиной, къ какому мужу она желаетъ поступить? Не зная, какъ можетъ рѣшиться дѣло, хитрая баба давала уклончивые отвѣты, по которымъ я однако могъ заключить, что она очень довольна своимъ положеніемъ, такъ какъ оба мужа и жалѣютъ ея, и угождаютъ ей, такъ что она не знаетъ, кому отдать предпочтеніе. Пришлось объяснить ей, что второй мужъ ей данъ по ошибкѣ, которую нужно исправить, для чего есть только одно средство: именно ратнику слѣдуетъ поскорѣе жениться, ей же возвратиться къ солдату. Она ничего противъ этого не возразила; но видно было, что и ратника ей было жаль. Тутъ я спросилъ у нея: нѣтъ ли у нея подходящей невѣсты для ратника? На что она немедленно отвѣчала, что есть: сестра ея родная—«гарна дивчина». При этомъ предложеніи ратникъ, пріятно улыбнувшись, замѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ жениться на сестрѣ своей жены и въ такомъ случаѣ согласенъ отказаться отъ жены. Воспользовавшись его согласіемъ, я тутъ же передалъ жену солдату безповоротно, въ вѣчное и ненарушимое владѣніе, за что получилъ отъ него низкій поклонъ съ пожеланіемъ всякаго благополучія. Ратнику же я объявилъ, чтобы онъ поспѣшилъ вѣнчаться, о чемъ, съ своей стороны, походатайствовалъ у священника, чтобы онъ не препятствовалъ второму браку ратника и дѣйствовалъ бы такъ, какъ будто перваго и не было, такъ какъ онъ самъ могъ бы за него отвѣчать, обвѣнчавъ жену отъ живаго мужа. Священникъ не возразилъ, и свадьба скоро состоялась.

Недѣли черезъ двѣ явились ко мнѣ молодые. Новая жена ратника, дѣйствительно, оказалась «гарной дивчиной». Видно было, что оба очень довольны своимъ положеніемъ, причемъ ратникъ сообщилъ мнѣ, что безъ содѣйствія своей первой жены эта за него, пожалуй, и не пошла бы; но «ужъ она дюже меня расхвалила», прибавилъ ратникъ съ увѣренностью и самодовольствіемъ.

VII.

Недорозумѣнія.

Покойный мой отецъ разсказывалъ мнѣ. Когда онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, въ то время, при проѣздѣ покойнаго императора Александра Павловича черезъ городъ Воронежъ, ему представлялись всѣ уѣздные предводители. Между ними былъ почтенный старикъ, Павловскій уѣздный предводитель Клыковъ; онъ былъ въ мундирѣ временъ Павла Петровича, рѣзко отличавшемся отъ другихъ дворянскихъ мундировъ. Государь, подошедши къ нему, спросилъ: «Это мундиръ моего отца?»

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество», наивно отвѣчалъ Клыковъ, «это собственный мой».

Государь, улыбнувшись, отошелъ отъ него и ничего не сказалъ.

Этотъ анекдотъ мнѣ случилось почему-то разсказать, бывши въ 1851 году въ Петербургѣ, за обѣдомъ у Татьяны Борисовны Потемкиной. Въ числѣ обѣдавшихъ подлѣ меня сидѣла уже немолодая фрейлина М. П. Сумарокова, которая, въ свою очередь, передала мнѣ, понизивъ нѣсколько голосъ, такъ что я одинъ только могъ слышать ея разсказъ, что съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, какъ ей за достовѣрное разсказывали, было еще подобное недоразумѣніе.

Однажды Государь шелъ по Невскому Проспекту; погода была превосходная, и гуляющихъ было множество. Между прочими встрѣтился ему одинъ изъ придворныхъ (кажется, она назвала фамилію Н—а).

Государь, увидавши его, спросилъ: «А что супруга ваша гуляетъ?» — «Никакъ нѣтъ, Ваше Величество», нѣсколько сконфузившись, отвѣчалъ Н....., «она уже *перестала*».

*

Въ 40-хъ годахъ лѣтомъ ѣхалъ императоръ Николай Павловичъ изъ Курска на Харьковъ. Въ то время по дорогѣ была сильнѣйшая пыль. На одной изъ промежуточныхъ станцій по Обоянскому уѣзду впереди императорскаго экипажа выскакиваетъ на дорогу ухарская тройка, запряженная въ телѣжку и скачетъ впереди Императора.

Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить всегда въ открытомъ экипажѣ, и пыль неслась ему прямо въ лицо.

Замѣтивъ ѣхавшую впереди тройку, Государь приказываетъ догнать ее. Но не тутъ-то было! Чѣмъ быстрѣе ѣхала коляска Го-

сударева, тѣмъ шибче скакала впереди тройка и поднимала еще больше пыли. Скачка эта продолжалась до самой станціи, гдѣ нужно было перемѣнять лошадей. Подъѣхавши къ станціи, Государь немедленно приказываетъ позвать къ себѣ скакавшаго на тройкѣ. Оказывается, что это мѣстный становой приставъ Миллеръ, хромой, щедушный чиновникъ. Государь, окинувши его взглядомъ, спрашиваетъ, для чего это онъ скакалъ передъ его экипажемъ и пылилъ ему прямо въ глаза?

«По долгу службы», отвѣчаетъ Миллеръ: «считалъ священною обязанностью сопровождать Ваше Императорское Величество по своему стану».—«А, такъ ты хотѣлъ сопровождать меня подъ карауломъ», сказалъ Государь и велѣлъ на этой же тройкѣ отправить его въ Курскъ къ губернатору съ приказаніемъ посадить его на три дня на гауптвахту за неумѣстную ретивость по службѣ.

Вскорѣ послѣ гауптвахты, этотъ самый Миллеръ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ тому же Курскому губернатору А. П. Устимовичу. Всѣ, знавшіе Миллера, удивлялись его повышенію, такъ какъ онъ не пользовался вообще хорошей репутаціей. Одинъ мѣстный острякъ такъ выразился о Миллерѣ: «Что же тутъ удивительнаго, что Миллеръ попалъ въ чиновники особыхъ порученій? Когда онъ запылилъ глаза императору Николаю Павловичу, то ему, конечно, ничего не стоило пустить пыль въ глаза губернатору Устимовичу».

Николай Рѣшетовъ.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

VIII.

Барыня — супруга своего крестьянина.

Въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 40-хъ годахъ съ аукціоннаго торга купила имѣніе, слободу Безгинку, въ Воронежской губерніи, Коротоякскаго уѣзда, вдова статскаго совѣтника Вишневская. Въ этомъ имѣніи было 500 душъ крестьянъ Малороссовъ, при нихъ достаточное количество земли и хорошая барская усадьба. Г-жа Вишневская, поселившись въ имѣніи, не сочла за нужное знакомиться съ сосѣдями и вела жизнь уединенную, хотя ей было тогда лѣтъ 35-ть, и она получила довольно хорошее образованіе, чуть ли не въ какомъ-то столичномъ институтѣ. Черезъ нѣкоторое время сосѣди узнали, что г-жа Вишневская выбрала изъ своихъ крестьянъ молодаго, красиваго мужика атаманомъ (такъ во всѣхъ Малороссійскихъ имѣніяхъ называются старосты), которому и предоставила распоряжаться всѣмъ хозяйствомъ.

Новый атаманъ старался оправдать довѣріе госпожи, исполнялъ свою обязанность и ея приказанія въ точности и во всемъ угождалъ ей; барыня съ своей стороны была также имъ очень довольна.

Прошло немного времени, какъ атаманъ былъ переведенъ на жительство въ господскій домъ; тутъ завелась и водка, и всякое раздолье въ снѣдяхъ и напиткахъ; но барыня была очень недовольна, когда атаману приходилось отлучаться по хозяйству, особенно, когда стала замѣчать, что ея атаманъ заглядывается на молодыхъ красивыхъ «*дивчатъ*». Она порѣшила никуда не отпускать его безъ себя, а всегда по хозяйству слѣдовать за нимъ. Когда нужно было осматривать

*) См. Р. Архивъ 1885, II, 428.

полевыя работы, она обыкновенно отправлялась туда въ каретѣ, везя съ собой атамана, и оттуда дѣлались хозяйственныя распоряженія. Но не по однимъ своимъ полямъ разъѣзжала г-жа Вишневская со своимъ атаманомъ; когда ей случалось отправляться верстъ за 20-ть въ ближайшій городъ Новый-Осколъ за какими-нибудь покупками, то запрягалась карета шестерикомъ, и рядомъ съ барыней садился атаманъ, а на запятки становился лакей въ ливреѣ.

Въ то время въ Новомъ-Осколѣ городничимъ былъ переведенный квартальный изъ Петербурга. Онъ возмущался тѣмъ, что мужикъ ѣздитъ въ каретѣ, да еще съ лакеемъ, находя, что онъ не имѣетъ на это по званію своему никакого права. Въ одинъ изъ пріѣздовъ г-жи Вишневской съ атаманомъ въ Новый-Осколъ городничій подкараулилъ ее, остановилъ карету среди площади, высадилъ оттуда мужика, спросилъ у него паспортъ, котораго у того, конечно, не оказалось, и распорядился, такъ какъ онъ былъ изъ другой губерніи, отправить его на съѣзжую, не смотря на протестъ барыни. Когда г-жа Вишневская явилась въ городническое управленіе выручать своего милаго, то городничій объявилъ ей, что ѣздить въ каретѣ шестерикомъ по городу предоставлено только высокимъ особамъ извѣстнаго чина, отнюдь же не лицамъ податнаго состоянія, ссылаясь при томъ на указъ императора Павла Петровича, а потому онъ долженъ отдать его подъ судъ, а до рѣшенія дѣла содержать на съѣзжей. Можно себѣ представить отчаяніе г-жи Вишневской! Оно, впрочемъ, продолжалось недолго: по первому же требованію городничаго была уплачена контрибуція въ сто рублей, и при этомъ Вишневская выговорила себѣ право и впредь свободно пріѣзжать въ городъ въ каретѣ вмѣстѣ съ атаманомъ. Послѣ городничій сожалѣлъ, что назначилъ столь незначительную сумму, такъ какъ никто болѣе изъ мужиковъ не ѣздилъ въ каретѣ, и этотъ случай былъ единственный.

Не по нутру пришлась такая барская жизнь простому казаку. Какъ ни сладко ѣлъ онъ и пилъ, «какъ сыръ въ маслѣ катаясь», однако его хохлацкая натура видимо требовала иной жизни, иныхъ ощущеній. Онъ хорошо понималъ, что онъ крѣпостной, принадлежащій такой барынѣ, которая своею любовью и ревностью не даетъ ему ни минуты покоя и свободы. Съ прирожденной хохлацкою хитростью приступилъ было атаманъ къ барынѣ съ просьбой, чтобы она отпустила его на волю; но она объ этомъ и слышать не хотѣла, предчувствуя, что, получа свободу, онъ первымъ дѣломъ броситъ ее. Хохолъ былъ терпѣливъ и настойчивъ и при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ свою просьбу, желая, во что ни стало, сдѣлаться свободнымъ. Тогда барыня, чтобы доказать ему свою любовь и облагодѣтельствовать его на всю

жизнь, предложила ему, въ порывахъ нѣжности, выйти за него замужъ, въ томъ разсчетѣ, что, соединясь съ нимъ брачными узами, она пріобрѣтетъ крѣпостнаго мужа, который будетъ всегда ея вѣрнымъ и покорнымъ рабомъ, какимъ былъ до сихъ поръ. Атаманъ никакъ не ожидалъ подобнаго предложенія; однако ему ничего болѣе не оставалось, какъ изъявить согласіе и, затая злобу въ сердцѣ, жениться на своей барынѣ.

Вскорѣ картина перемѣнилась. Какъ только они перевѣнчались, мужъ изъ послушнаго раба сдѣлался деспотомъ и сталъ безпощадно колотить супругу, чѣмъ ни попало, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Онъ не ѣздилъ съ ней больше въ каретѣ, а уже гарцовалъ на конѣ, заѣзжая, куда ему вздумается, и пропадая иногда по нѣсколькимъ днямъ. Бывшая статская совѣтница, какъ ни обуревалась страстями, однако, чувствуя постоянную боль во всѣхъ членахъ тѣла, часто подновляемую новыми побоями, начала, въ свою очередь, изыскивать средства, какъ бы избавиться отъ жестокаго ига, которому подпала.

Наконецъ, представился ей удобный случай сбыть мужа. Производился рекрутскій наборъ, и она рѣшила отдать его въ солдаты. Дѣло было довольно трудное, такъ какъ вся власть въ имѣніи была сосредоточена въ рукахъ у него; необходимо было употребить насиліе, чтобы доставить его въ рекрутское присутствіе, и барыня обратилась для этого съ просьбой къ становому приставу, наблюдавшему за своевременной доставкой рекрутъ. Онъ помогъ со сторонними людьми заковать мужа-атамана, чтобы тотъ не убѣжалъ отъ ставки. Въ то время такой способъ доставки рекрутъ въ рекрутское присутствіе практиковался нерѣдко. Какъ бы то ни было, несчастная жертва любострастія привезла своего супруга въ городъ сдать въ солдаты.

Въ городѣ она обратилась къ предводителю дворянства, прося его содѣйствія и разсказывая про тѣ мученія, которыя она претерпѣла отъ мужа. Предводитель нашелъ нужнымъ прежде всего растолковать ей, что мужъ ея, будучи солдатомъ, имѣетъ право, гдѣ бы ни находился на службѣ, вытребовать ее къ себѣ, какъ свою жену, для совмѣстнаго сожительства, а потому этотъ способъ избавиться отъ него для нея не совсѣмъ удобенъ. Затѣмъ, поговоривъ съ мужемъ, предсѣдатель рекрутскаго присутствія узналъ отъ него, что тотъ ничего болѣе не желаетъ, какъ получить отпускную и, получивъ ее, приметъ всякія условія, какія предложитъ ему жена, только бы не жить съ ней вмѣстѣ. При этомъ предводитель разъяснилъ помѣщицѣ, что выдача мужу отпускной во всякомъ случаѣ необходима теперь же для нея самой, такъ какъ, въ случаѣ продажи имѣнія въ Опекун-

скомъ Совѣтѣ, гдѣ оно было заложено и уже опубликовано, она сама можетъ поступить въ крѣпостныя къ купившему имѣніе съ аукціона; къ тому же имѣніе ея обязательно должно быть продано даже помимо Опекунскаго Совѣта въ силу закона, что владѣльцы, имѣющіе близкихъ родственниковъ изъ крѣпостныхъ того же имѣнія, не имѣютъ права владѣть имъ. Барыня приняла благіе совѣты и немедленно выдала мужу отпускную, чрезъ что́ и сама сдѣлалась не крѣпостною по мужу, имѣніе же свое продала Н. П. Амосову, послѣ чего уѣхала куда-то къ роднымъ на жительство, откуда о ней не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу. При продажѣ имѣнія она не забыла однако своего супруга и дала ему денегъ на покупку земли, которую тотъ пріобрѣлъ въ своей мѣстности и сталъ заниматься хлѣбопашествомъ. Сосѣди-хохлы звали его паномъ Вишневскимъ; онъ за это не сердился, только «ухмылявся,» да по временамъ раздумывалъ свою крѣпкую «думку,» придется ли ему еще разъ когда-нибудь «оженытися.»

IX

Переселеніе на „молочныя воды".

Въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, на хуторѣ Котельномъ-Плоту, Хитрово тожъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, проживала помѣщица Марья Васильевна Хардина. За нею числилось по ревизскимъ сказкамъ 43 души крестьянъ мужскаго пола. Супругъ ея, отставной поручикъ Дм. Петр. Хардинъ, бывалъ часто въ отсутствіи и не принималъ никакого участія въ управленіи имѣніемъ. Г-жа Хардина распоряжалась всѣмъ самолично. Хуторъ ея былъ въ глуши, въ сторонѣ отъ всѣхъ проѣздныхъ дорогъ; ближайшее къ нему селеніе государственныхъ крестьянъ, село Волотово, находилось верстахъ въ десяти.

Въ одинъ воскресный день, весною, Марья Васильевна проснулась въ очень дурномъ расположеніи духа, что́ съ ней нерѣдко случалось. Въ такомъ настроеніи, находясь еще въ постели, громкимъ и сердитымъ голосомъ зоветъ она одну изъ своихъ приближенныхъ горничныхъ: «Машка! Машка!» Но на это возваніе никакого отвѣта не послѣдовало. Зовъ повторяется нѣсколько разъ въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ, но Машка не является. Грозно скликаются другія горничныя, Палашка, Дашка, которыхъ было чуть не полдюжины,—все напрасно: невозмутимая тишина нарушается лишь голосомъ самой барыни. «Что́ это значитъ?» разсуждаетъ разсерженная небывалымъ своеволіемъ Марья Васильевна. Въ гнѣвѣ вскакиваетъ она со своего мягкаго ложа и поспѣшно направляется черезъ корридоръ въ дѣвичью;

не найдя тамъ никого, идетъ далѣе, черезъ сѣни, къ выходной двери задняго крыльца,—заперто; спѣшитъ обратно по корридору, заглядываетъ во всѣ комнаты, все въ домѣ въ порядкѣ, но нѣтъ ни одной души. Въ сильномъ волненіи стремится она къ переднему крыльцу.... О, ужасъ! Оно заперто снаружи. Она бросается къ окнамъ, которыя по обыкновенію на ночь закрывались ставнями; но, сверхъ сего, они также приперты снаружи. Барынею овладѣваетъ отчаяніе; она громко кричитъ, не получая отвѣта, бѣгаетъ по комнатамъ и всѣми силами старается отпереть двери или ставни, но усилія ея въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ остаются напрасными. Тогда она приходитъ въ изнеможеніе отъ своего собственнаго крика и невозмутимой тишины въ домѣ и впадаетъ, по ея разсказамъ, въ какое-то безчувственное состояніе. Только около полудня очнулась Марья Васильевна, услыхавъ подъ окнами чей-то жалобный голосъ: «Подайте, Христа ради!» Это былъ нищій калѣка. На сей разъ сама Марья Васильевна обратилась къ нему съ отчаянной просьбой, ради Христа, отворить ей двери, которыя, какъ оказалось, были приперты снаружи слегами. Этотъ нищій, заходившій и прежде на хуторъ за подаяніемъ, оказался спасителемъ Марьи Васильевны; онъ отворилъ ей двери и окна въ домѣ. Освобожденная изъ заточенія барыня бросается на дворъ въ людскія хаты, надѣясь кого-нибудь встрѣтить,—но и тамъ все пусто. Она направляется въ конюшню: лошади стоятъ безъ корма, на скотномъ дворѣ ревутъ коровы, не выпущенныя въ стадо; но имущество ея по амбарамъ и сараямъ все въ цѣлости. Смущенная Марья Васильевна идетъ на деревню къ крестьянскимъ дворамъ, думая хоть тамъ найти кого-нибудь. Но и тамъ таже исторія: стоятъ однѣ опустѣлыя хаты, ворота во дворахъ всѣ отворены, но не видно даже ни одной собаки; только одинъ старый котъ, растянувшись на заваленкѣ, грѣлся на солнцѣ. Марья Васильевна и ему была рада; пошла и приласкала его. Котъ помурлыкалъ, но ничего не могъ объяснить ей. Что было дѣлать бѣдной помѣщицѣ? Посовѣтовавшись съ нищимъ, она рѣшила дать знать о случившемся становому приставу, который жилъ отъ нея верстахъ въ 25-ти, въ с. Чернявкѣ. Но кого послать? Опять выручилъ нищій: по просьбѣ барыни онъ запрягъ лошадь, отправился въ ближайшее село Волотово и заявилъ тамъ въ волости объ ушедшихъ крестьянахъ г-жи Хардиной. Изъ волости къ ней прислали людей для караула и увѣдомили становаго пристава, который только на другой день имѣлъ возможность прибыть на хуторъ для производства слѣдствія о побѣгѣ людей всего селенія. Между прочимъ становой, ѣхавши на хуторъ, узналъ отъ сосѣдей, что крестьяне г-жи Хардиной давно собирались на «молочныя воды» и потихоньку заранѣе продавали свои пожитки,

а какіе остались у нихъ уложили на подводы и, забравши весь скотъ, въ ночь подъ Воскресенье, отправились большимъ обозомъ по направленію черезъ сосѣднюю Воронежскую губернію въ Бердянскій уѣздъ, гдѣ протекаетъ рѣка «Молочная», отчего, вѣроятно, само переселеніе туда обозначалось на «молочныя воды» и такъ сильно дѣйствовало на воображеніе крестьянъ.

Становой приставъ, не имѣя права безъ разрѣшенія начальства выѣхать изъ своего стана въ другую губернію, распорядился послать своего разсыльнаго въ погоню за ушедшими крестьянами, снабдивъ его открытымъ листомъ и отношеніями къ сосѣднимъ становымъ приставамъ и прося ихъ содѣйствія въ поимкѣ ушедшихъ крестьянъ. Верстъ за 70-ть этотъ разсыльный дѣйствительно нагналъ людей уже въ Воронежской губерніи при переправѣ на паромѣ черезъ рѣку Донъ, о чемъ заявилъ мѣстному становому, который остановилъ ихъ и далѣе не пустилъ, какъ безпашпортныхъ и подъ конвоемъ того же разсыльнаго отправилъ обратно на мѣсто ихъ жительства. Люди, по прошествіи нѣсколькихъ дней, прибыли обратно въ деревню въ свои пустыя хаты. Марья Васильевна Хардина была такъ довольна возвращеніемъ своихъ крѣпостныхъ, что даже, сверхъ всякаго ожиданія, не приносила жалобы о своемъ заточеніи въ собственномъ домѣ, о побѣгѣ же людей старалась прекратить дѣло, начатое становымъ приставомъ.

Впрочемъ, этотъ случай былъ не единственный въ той мѣстности. Почти въ тоже время, въ сосѣднемъ Старо-Оскольскомъ уѣздѣ, въ большомъ имѣніи графини С. А. Бобринской, въ слободѣ Орликѣ, гдѣ было свыше тысячи душъ крестьянъ, населеніе также собралось на «молочныя воды». Объ этомъ намѣреніи ихъ заранѣе узнали мѣстныя власти и донесли губернатору; между тѣмъ на мѣсто, въ слободу Орликъ, отправилось временное отдѣленіе Земскаго Суда. Оно прибыло въ то время, когда крестьяне укладывали свои пожитки на подводы, собравшись на площади, чтобы двинуться въ путь. Прибывшіе чиновники, исправникъ, становой приставъ и стряпчій, составлявшіе временное отдѣленіе Земскаго Суда, начали уговаривать крестьянъ оставить сборы и не уходить съ мѣста жительства безъ дозволенія начальства и помѣщицы и угрожали имъ въ противномъ случаѣ присылкою солдатъ въ наказаніе за ихъ своеволіе; но ни угрозы, ни увѣщанія не дѣйствовали: крестьяне совсѣмъ приготовились къ отъѣзду. Изъ чиновниковъ болѣе всѣхъ при этомъ хлопоталъ и горячился уѣздный стряпчій С...., прыткій молодой человѣкъ. По невозможности урезонить мужиковъ, онъ обратился къ бабамъ, надѣясь подѣйствовать на нихъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ старался объяснить имъ всю нелѣпость ихъ неразумнаго намѣренія оставлять навсегда родину

и идти въ неизвѣстные края. (Все это говорилось въ возвышенномъ слогѣ). Бабы галдѣли; сначала онѣ не слушали его, занимаясь укладкой на воза своихъ имуществъ, но должно быть краснорѣчивый стряпчій очень надоѣлъ имъ своимъ многоглагольствомъ: бабы, сговорясь между собой, быстро окружили его и начали толкать во всѣ стороны въ видѣ шутки; когда же, чтобы вырваться отъ нихъ, онъ пустилъ въ ходъ кулаки, онѣ схватили его и крѣпко привязали къ колесу телѣги. Это было дѣло одной минуты. Но этимъ еще не кончились страданія стряпчаго: привязанный къ колесу, онъ бился и кричалъ, изображая изъ себя очень жалкую фигуру. Вдругъ одной бабѣ пришла въ голову нелѣпая мысль, чтобъ онъ не горячился и успокоился, помочить его особеннымъ способомъ, что она тутъ же и исполнила; увлекшись ея примѣромъ, не долго думая, другія бабы немедленно сдѣлали тоже. Исправникъ и становой были на другомъ концѣ площади, но, услыхавъ неистовый крикъ стряпчаго и увидя его въ такомъ критическомъ положеніи, бросились освободить его, причемъ сами чуть не подверглись той же участи: изъ толпы послышались крики, чтобы и ихъ привязать. Однако между крестьянами нашлись и благоразумные, которые разогнали бабъ, освободили стряпчаго и начали уговаривать толпу не дѣлать никому никакихъ насилій. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта исторія переселенія крестьянъ слободы Орлика, еслибы въ то время на площадь не прискакалъ на тройкѣ нарочный жандармъ отъ губернатора въ своемъ голубомъ мундирѣ съ пакетомъ къ исправнику. Его появленіе произвело на крестьянъ сильное впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда онъ сообщилъ, что за нимъ слѣдуютъ войска. Крестьяне присмирѣли, повезли навьюченные воза обратно къ своимъ дворамъ и перестали сбираться на вольницу, въ особенности, когда черезъ нѣсколько дней въ ихъ слободу пришли на постой солдаты въ видѣ экзекуціи.

Однако тепловатая бабья примочка хуже всякой пытки подѣйствовала на бѣднаго стряпчаго: онъ заболѣлъ горячкой и чуть было не умеръ и только, благодаря молодости и крѣпкому сложенію, пережилъ эту катастрофу. Но за претерпѣнное имъ истязаніе по службѣ онъ былъ впослѣдствіи награжденъ....

Пострадали и бабы, глумившіяся надъ нимъ: зачинщицъ по суду сослали въ Сибирь.

Всѣ эти попытки къ переселенію во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ были тогда возбуждаемы большею частью отставными солдатами. Прослужа 25 лѣтъ въ военной службѣ и возвратясь на родину, они часто не имѣли для себя ни пропитанія, ни пристанища, дѣлались для семей своихъ чуждыми, а зачастую и никого не находили

изъ родныхъ: которые померли, которые были переведены на жительство въ другія имѣнья, помѣщикъ же не былъ обязанъ давать жилище и продовольствіе отставнымъ солдатамъ. Вообще жизнь отставныхъ воиновъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ была тогда очень плачевная. Немудрено, что многимъ изъ нихъ приходила мысль о переселеніи на вольницу, гдѣ они надѣялись получить вмѣстѣ съ другими надѣлъ земли. Нѣкоторые изъ нихъ, собравши съ крестьянъ деньги, ходили на развѣдки въ Ставропольскую губернію, за рѣку Кубань, или въ Бердянскій уѣздъ, гдѣ въ то время дѣйствительно отводилась земля для поселенія, но не для помѣщичьихъ крестьянъ, а для Нѣмецкихъ колонистовъ-менонитовъ. Возвратясь оттуда, ходаки разсказывали чудеса о необыкновенномъ плодородіи земель, о совершенномъ довольствѣ и хорошей жизни тамошнихъ поселенцевъ. Крестьяне слушали разсказы возвратившихся солдатъ, увлекались мыслію о чудесномъ краѣ и стремились попасть туда, мечтая о благодатной сторонѣ, гдѣ протекаютъ *молочныя воды въ кисельныхъ берегахъ*.

Николай Рѣшетовъ.

22-го Октября
1885 года.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ЛѢТЪ *).

X.

Сенаторская ревизія въ Курской губерніи.

Въ 1849-мъ году прибывшіе на губернскіе выборы въ гор. Курскъ дворяне разсуждали, между прочимъ, о незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ бывшаго въ то время губернатора Андріана Прокофьевича Устимовича, направленныхъ противъ дворянъ. Между многими случаями указывали, какъ на поразительный примѣръ, что губернаторъ, вопреки дарованной грамотѣ Императрицею Екатериною II-ю «на права и вольности Россійскаго дворянства», безъ суда посадилъ въ острогъ помѣщика Анненкова, награжденнаго за постройку въ г. Кіевѣ церкви подъ названіемъ «Десятинной» орденомъ Св. Владимира *). Таковой поступокъ губернатора Устимовича возмутилъ Курскихъ дворянъ; они обратились къ губернскому предводителю, тайному совѣтнику П. А. Солнцеву (служившему передъ тѣмъ Орловскимъ губернаторомъ) за разъясненіемъ, не можетъ ли онъ сообщить имъ, на какомъ основаніи такъ незаконно, по ихъ мнѣнію, дѣйствуетъ губернаторъ, и почему онъ самъ, какъ губернскій предводитель, не принялъ никакихъ мѣръ по дѣлу Анненкова? Солнцевъ сначала давалъ уклончивые отвѣты, а затѣмъ объяснилъ, что онъ не счелъ возможнымъ заступиться за Анненкова въ виду неблаговидныхъ его поступковъ, недостойныхъ достоинства дворянина, приводя нѣкоторые изъ нихъ. Гг. дворяне остались недовольны объясненіями Солнцева и находили, что губернскій предводитель, какъ представитель всего дворянства, во всякомъ случаѣ обязанъ оберегать права дворянъ.

---

*) См. выше, стр. 443.

*) Съ Высочайшаго соизволенія императора Николая Павловича Курскому помѣщику Анненкову (носившему прозвище „Сиротка“) разрѣшено было по его просьбѣ выстроить въ гор. Кіевѣ на свои собственныя средства, вмѣсто старой, пришедшей въ ветхость, новую „Десятинную“ церковь, согласно составленныхъ плановъ и чертежей по старымъ образцамъ, что онъ и исполнилъ вполнѣ добросовѣстно. Постройка церкви обошлась ему до 400-ть тысячъ, черезъ что онъ разстроилъ свое значительное состояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ въ Курской губерніи. По какимъ-то преданіямъ, дошедшимъ до „Сиротки Анненкова“, онъ надѣялся на мѣстѣ древней „Десятинной“ церкви отыскать богатый кладъ, который хотя и нашелся въ видѣ древнихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, но по цѣнности оказался незначительнымъ.

Вслѣдствіе такихъ недоразумѣній Солнцевъ отказался балотироваться въ губернскіе предводители, и нужно было выбрать вмѣсто него другаго «болѣе энергичнаго и дѣятельнаго», какъ разсуждали дворяне. Остановились на прибывшемъ въ первый разъ на выборы Аркадьѣ Аркадьевичѣ Нелидовѣ, имѣвшемъ тогда, какъ предполагалось, большія связи при дворѣ черезъ его сестру, фрейлину Варвару Аркадьевну Нелидову. Онъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Нелидовъ, чтобы оправдать довѣріе дворянъ, поступивъ на должность губернскаго предводителя, сталъ въ другія отношенія къ губернатору Устимовичу, чѣмъ бывшій Солнцевъ. Въ то время почему-то считалось нужнымъ для достоинства губернскаго предводителя быть не въ ладу съ губернаторомъ, что̀ замѣчалось во многихъ губерніяхъ. Между тѣмъ вышло новое узаконеніе, по которому губернаторамъ предоставлялось право, по 3-му пункту, увольнять отъ службы полицейскихъ чиновниковъ, хотя бы служившихъ по выборамъ дворянства, безъ объясненія причинъ увольненія. Губернаторъ Устимовичъ пользовался этимъ правомъ по своему усмотрѣнію. При всякомъ такомъ случаѣ Нелидовъ старался отстаивать этихъ чиновниковъ, «считая», какъ онъ говорилъ, «нравственною своею обязанностью, какъ губернскій предводитель, заступаться за дворянъ», отчего часто между ними происходили несогласія и пререканія. Нелидовъ уѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ увѣдомилъ оттуда своихъ знакомыхъ въ Курскѣ, что по Высочайшему повелѣнію въ Курской губерніи назначается сенаторская ревизія. Это извѣстіе еще болѣе подняло Нелидова во мнѣніи дворянъ.

Осенью въ 1850-мъ году прибылъ на ривизію сенаторъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ, съ многочисленною свитою чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ, большею частью свѣтскихъ молодыхъ людей, между которыми отличался въ особенности по богатству и изяществу свѣтлѣйшій князь Павелъ Ивановичъ Ливенъ. Въ то время въ Курскѣ жилось очень весело. Къ сенатору посыпалось множество просьбъ и доносовъ; были между ними и на губернатора Устимовича.

Прошло мѣсяцевъ восемь по прибытіи сенатора Дурасова; черезъ г. Курскъ долженъ быть проѣзжать Государь Николай Павловичъ. За день до его пріѣзда, сенаторъ получилъ эстафету съ приказаніемъ выѣхать на встрѣчу Императору на маленькую почтовую станцію въ 17-ти верстахъ отъ Курска, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ для Государя, вмѣсто предполагаемаго въ Курскѣ. Сенаторъ при своемъ представленіи Императору докладывалъ ему на станціи о результатахъ своей ревизіи и при этомъ, вѣроятно, далъ отзывы неудовле-

творительные о губернаторѣ Устимовичѣ, судя потому, что, когда Государь пріѣхалъ въ Курскъ и у подъѣзда дома, назначеннаго для его помѣщенія, встрѣтилъ его губернаторъ Устимовичъ съ почетнымъ рапортомъ въ рукахъ, то Государь рапорта не принялъ и грозно сказалъ ему, что онъ отрѣшается отъ должности губернатора и предается суду, должность же его передается вице-губернатору, впредъ до назначенія новаго губернатора. Затѣмъ, не выходя изъ коляски, Государь, сверхъ ожиданія, проѣхалъ Курскъ.

Въ то время я находился для пріема рекрутъ въ г. Обояни; черезъ этотъ городъ Императоръ проѣхалъ ночью, гдѣ еще никто не зналъ объ увольненіи губернатора. На другой день, возвращаясь изъ рекрутскаго присутствія мимо почтовой станціи, я увидѣлъ на крыльцѣ Устимовича; ему перепрягали лошадей. Когда я подошелъ къ нему, первое его слово было: «Вы видите передъ собой не Курскаго губернатора, а Полтавскаго помѣщика Андріана Прокофьевича Устимовича». Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ наканунѣ Императоръ, при проѣздѣ своемъ черезъ Курскъ, отрѣшилъ его отъ должности, «но при этомъ», какъ онъ выразился, «не лишилъ монаршей милости и приказалъ предать меня суду». «Суда я не боюсь», прибавилъ Устимовичъ, «ибо не чувствую за собой никакой вины; всѣ доносы на меня однѣ кляузы. Надѣюсь впослѣдствіи быть вполнѣ оправданнымъ».

Сенаторская ревизія продолжалась полтора года. Нѣсколькихъ *мелкихъ* чиновниковъ сенаторъ своею властью отрѣшилъ отъ должности за скромныя злоупотребленія, *крупныя* же, какія были, ускользнули; при тогдашнихъ порядкахъ отыскать ихъ было трудно: все было шито и крыто и дѣлалось на законномъ основаніи. Вслѣдствіе этого особенныхъ перемѣнъ въ составѣ высшей губернской администраціи не послѣдовало, за исключеніемъ отрѣшеннаго Государемъ губернатора Устимовича, противъ котораго главнымъ образомъ и была направлена сенаторская ревизія. Устимовичъ умеръ, не дождавшись окончанія суда.

Наступилъ новый срокъ дворянскихъ выборовъ въ 1852-мъ году. Нелидовъ опять былъ блистательно выбранъ губернскимъ предводителемъ; въ балотировочномъ ящикѣ изъ слишкомъ 300-ть шаровъ одинъ только шаръ оказался черный. Послѣ выборовъ Нелидовъ, отличавшійся оригинальностью, нашелъ нужнымъ разослать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ циркулярныя письма, которыя начинались такъ: «Свершилось нравственное мое торжество; я избранъ вновь громаднымъ большинствомъ и, ежели былъ одинъ черный шаръ, надѣюсь, что при будущихъ выборахъ и онъ убѣлится».... Но не суждено было исполниться его ожиданіямъ. Въ то время губернаторомъ въ Курскѣ былъ К. У него съНе-

лидовымъ также явились пререканія по разнымъ дѣламъ, касающимся дворянъ. Послѣ новаго избранія Нелидова, губернаторъ К. въ свою очередь отправился въ Петербургъ и, представляясь Государю Николаю Павловичу, доложилъ ему, что губернскій предводитель Нелидовъ своимъ вліяніемъ на служащихъ въ губерніи чиновниковъ часто противодѣйствуетъ ему въ его административныхъ распоряженіяхъ, подвергая ихъ превратнымъ толкованіямъ, и тѣмъ парализируетъ его дѣйствія, какъ губернатора. Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ представленъ Императору докладъ объ избранныхъ двухъ кандидатахъ на должность губернскаго предводителя въ Курской губерніи, то онъ утвердилъ не перваго кандидата Нелидова, а втораго, Кирѣевскаго, едва лишь избраннаго. Это неожиданное утвержденіе втораго кандидата, какъ небывалое никогда въ Курской губерніи, произвело между дворянами большую сенсацію. Каждый толковалъ по своему, но всѣ были твердо убѣждены, что Государь измѣнилъ свое мнѣніе о Нелидовѣ. Нельзя не вспомнить Нелидова по его оригинальностямъ, которыми онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Въ семи верстахъ отъ Курска у него было устроено прелестное имѣніе, дача «Маква» близъ рѣки Сейма. Всѣ барскія затѣи того времени были имъ приведены въ исполненіе, но во всемъ былъ видѣнъ отпечатокъ оригинальности хозяина. Всѣ постройки имѣли какую-то вычурную особенность; даже церковь, отстоявшая недалеко отъ дома, была выстроена такъ, что алтарь приходился не на Востокъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а въ противоположную сторону для того, чтобы изъ господскаго дома былъ видѣнъ ея лицевой фасадъ и тѣмъ не нарушилась бы общая гармонія, какъ говорилъ Нелидовъ. Живя съ дочерью въ Курскѣ, онъ часто давалъ балы и обѣды, всегда роскошные; но гости должны были соблюдать нѣкоторыя церемоніи, выдуманныя хозяиномъ въ своихъ программахъ, заранѣе заготовленныхъ. Курское общество иногда роптало на такія нововведенія, называло его Китайскимъ мандариномъ; но тѣмъ не менѣе всѣ ѣздили къ нему, такъ какъ Нелидовъ, нужно отдать ему справедливость, былъ со всѣми одинаковъ и никому не отдавалъ предпочтенія, а, главное, угощалъ на славу. Однажды, на послѣдній день масляницы, у Нелидова назначенъ былъ балъ и ужинъ. Въ разосланныхъ приглашеніяхъ значилось, что балъ откроется въ 8 часовъ, ужинъ въ 11-ть, а въ 12-ть великопостная молитва покаянія. Собрались гости; веселье было въ полномъ разгарѣ, въ особенности за роскошнымъ ужиномъ, сервированномъ на маленькихъ столикахъ, къ которымъ пришли попарно съ мазурки танцовавшіе. Бьетъ 12-ть часовъ; оркестръ мгновенно умолкаетъ; по приглашенію хозяина всѣ гости встаютъ изъ-за ужина и направляются въ

противоположную часть дома, въ домовую церковь, гдѣ передъ алтаремъ застаютъ священника въ черной рясѣ. Это производитъ поразительный эффектъ на всѣхъ присутствующихъ; къ тому же священникъ унылымъ голосомъ произноситъ: «Господи, Владыко живота моего»... По окончаніи молитвы гости, по обычаю, просятъ другъ у друга прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Затѣмъ всѣ разъѣзжаются, а хозяинъ остается въ полномъ удовольствіи, что не нарушилась программа его церемоніала.

Когда умерла у Нелидова старшая дочь его Лиза, онъ былъ уже вдовцомъ. Похороны дочери онъ позаботился устроить со всей торжественностью и пышностью, приличествующими этому печальному случаю. Когда окончилось отпѣванье и священникъ вложилъ въ руки умершей утпускную молитву, то Нелидовъ приблизился для послѣдняго прощанья, поцѣловалъ усопшую и, вынувъ изъ кармана запечатанный конвертъ, произнесъ такую рѣчь: «Милая дочь моя Лиза! Ты отправляешься къ матери, передай ей отъ меня письмо; скажи ей, что я надѣюсь увидѣться съ ней и прошу ее, чтобы она молилась за меня и позаботилась приготовить мнѣ мѣсто злачное подлѣ себя». Затѣмъ онъ вложилъ письмо въ руки умершей. Что было въ немъ написано, осталось никому неизвѣстнымъ.

XI.

Винный откупъ.

Въ 1861-мъ году назначенъ былъ Курскимъ губернаторомъ генералъ-майоръ Владимиръ Ивановичъ Денъ. Онъ прибылъ въ Курскъ въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года ко времени объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Еще до прибытія его, многіе знали, что онъ, бывши флигель-адъютантомъ, командовалъ Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ и хотя считался строгимъ и взыскательнымъ командиромъ, но былъ честнымъ и справедливымъ человѣкомъ.

Пріѣхавъ въ Курскъ на новое поприще администратора, на первыхъ же порахъ В. И. Денъ встрѣтился со многими порядками, которые были ему не по душѣ и не могли не поражать его. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, новый губернаторъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что желающихъ пріѣзжать съ поздравленіями онъ будетъ принимать послѣ обѣдни.

Около 12-ти часовъ пріемъ кончился; всѣ разъѣхались, и губернаторъ, распорядившись болѣе не принимать, отправился отдохнуть послѣ безсонной ночи. Не прошло и получасу, какъ ему докладыва-

ютъ, что пріѣхалъ предсѣдатель Казенной Палаты Иванъ Яковлевичъ Тѣлешевъ, уже бывшій, въ числѣ другихъ, съ поздравленіемъ, и приказываетъ непремѣнно доложить о себѣ, такъ какъ ему необходимо нужно видѣть губернатора по особенно важному дѣлу.

Денъ сердится, но, нечего дѣлать, одѣвается, выходитъ къ Тѣлешеву и спрашиваетъ: «Что̀ угодно вашему превосходительству?»

— «Ваше превосходительство», нѣжно отвѣчаетъ Телешевъ, «въ этотъ день есть обыкновеніе, или, такъ-сказать, существующій порядокъ, или, лучше сказать, обычай, по которому всѣ откупщики пересылаютъ черезъ меня губернатору писанки, съ каждаго уѣзда по одной, что̀ составляетъ, по числу 15 уѣздовъ, 15 тысячъ, почему я и беру на себя смѣлость передать ихъ по назначенію», и подаетъ съ этими словами Дену объемистый свертокъ кредитныхъ билетовъ.

Денъ едва выслушалъ такое предисловіе. Это неожиданное предложеніе привело его въ сильное волненіе. «А», возвысивъ голосъ, сказалъ онъ, «такъ затѣмъ-то вы настойчиво требовали разбудить меня! Чтобы предложить мнѣ взятку!» Говоря это, Денъ выхватилъ пачку изъ рукъ оторопѣвшаго Тѣлешева, бросилъ ему ее чуть не въ физіономію и, отправивъ его къ черту, хлопнулъ дверью и ушелъ.

Тѣлешевъ былъ не такого горячаго темперамента: онъ тщательно подобралъ всѣ разсыпавшіяся кредитки и уѣхалъ домой.

Эта исторія очень скоро разгласилась по городу, хотя происходила съ глазу на глазъ. Кажется, самъ Денъ не старался скрывать ее. Тѣлешевъ же увѣрялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, что онъ никогда не могъ себѣ представить подобной странности въ новомъ. губернаторѣ, и что бывшіе передъ нимъ шесть губернаторовъ не только за это не обижались, но, совершенно напротивъ, находились съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Губернаторъ Денъ началъ, между прочимъ, преслѣдовать разныя злоупотребленія, въ томъ числѣ и по существовавшимъ тогда виннымъ откупамъ: онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы водка продавалась не иначе, какъ надлежащаго качества, извѣстной мѣры и тому подобное. Но это ему не удавалось, такъ какъ всѣ полицейскіе чины получали отъ откупщиковъ содержаніе гораздо болѣе казеннаго жалованья; да сверхъ сего имъ ежемѣсячно отпускалась водка натурою, смотря по положенію, напримѣръ: исправникъ получалъ 100 рублей въ мѣсяцъ и отъ трехъ до четырехъ ведеръ хорошей водки; становой, смотря по величинѣ своего стана, отъ 25 до 50 рублей и отъ 2-хъ до 3-хъ ведеръ водки въ мѣсяцъ; всѣ чиновники, даже самые мелкіе, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ откупу, получали содержаніе, если не всѣ деньгами, то непремѣнно водкою. Это даже не называлось взятками;

говорилось объ этомъ вездѣ открыто и считалось такъ-называемымъ бѣзгрѣшнымъ доходомъ.

Очень понятно, что при такомъ положеніи дѣла губернаторъ ничего не могъ открыть черезъ полицію. Денъ рѣшился дѣйствовать иначе: онъ обратился къ сыщикамъ, которые и донесли ему, что въ самомъ городѣ Курскѣ выдѣлывается ромъ. По тогдашнимъ откупнымъ правиламъ ромъ, какъ заграничный напитокъ, должно было оплачивать акцизомъ, и для этого требовалась на бутылкѣ сверху пробки казенная печать, что̀ означало, что акцизъ уплаченъ.

Губернаторъ Денъ ночью, самъ лично, поѣхалъ въ указанное мѣсто выдѣлки рома. Дѣйствительно, онъ засталъ тамъ цѣлую фабрикацію: большое количество налитыхъ бутылокъ съ самодѣлковымъ ромомъ, къ которымъ повѣренные отъ откупщика прикладывали печати Курской Казенной Палаты. Губернаторъ, прежде всего, взялъ печать, велѣлъ заарестовать всѣ бутылки, какъ запечатанныя, такъ и налитыя, и арестовалъ всѣхъ присутствующихъ дѣлателей рома; но при этомъ, вѣроятно (какъ говорили впослѣдствіи) онъ не исполнилъ всѣхъ формальностей, соблюдаемыхъ при открытіи казеннаго ущерба, а просто распорядился самолично, какъ губернаторъ.

На другой день Денъ, не желая обращаться къ Тѣлешеву послѣ бывшей съ нимъ исторіи съ писанками, потребовалъ къ себѣ совѣтника Казенной Палаты по питейному отдѣленію Жукова, который, какъ оказалось, и выдалъ казенную печать въ распоряженіе откупщиковъ. Денъ такъ напугалъ его могущею быть отвѣтственностью, что тотъ, пріѣхавши домой, не нашелъ ничего лучшаго, какъ повѣситься на шнуркѣ отъ своего халата.

Послѣ того на губернатора Дена чиновники стали взирать со страхомъ, какъ на какое-то чудовище.

Вскорѣ послѣ этого происшествія проѣзжалъ черезъ Курскъ министръ финансовъ Княжевичъ и остановился въ домѣ предсѣдателя Казенной Палаты, того же Ивана Яковлевича Тѣлешева. Губернаторъ, по обязанности службы, счелъ нужнымъ явиться къ министру, который принялъ его весьма сухо и нелюбезно, и высказалъ, между прочимъ, свое неудовольствіе по поводу того, что онъ противодѣйствуетъ правительству, нападая на откупа, тогда какъ долженъ бы, какъ начальникъ губерніи, всѣми зависящими отъ него мѣрами содѣйствовать откупамъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, государство получаетъ главный доходъ и т. д. Дену ничего болѣе не оставалось, какъ раскланяться и уѣхать.

Дѣло же о поддѣлкѣ рома вскорѣ было прекращено за смертью главнаго виновника, совѣтника Казенной Палаты Жукова.

XII.

Жалоба девяти уѣздныхъ предводителей Курской губерніи императору Александру Николаевичу на губернатора Дена.

На основаніи Положенія объ освобожденіи крестьянъ 1861 года губернаторъ обязанъ былъ назначать посредниковъ изъ представленныхъ списковъ отъ уѣздныхъ предводителей, гдѣ значились всѣ дворяне, имѣющіе право быть посредниками. Должность посредника считалась тогда не только почетною, но и заманчивою при жалованьѣ въ 1.500 рублей, почему многіе стремились заполучить ее.

Курскій дубернаторъ Денъ, только что вступившій въ должность, мало кого зналъ изъ Курскихъ дворянъ, потому и обратился къ уѣзднымъ предводителямъ съ предложеніемъ, чтобы они ему указали на тѣ лица, которыя съ пользою для службы могли бы занять должности посредниковъ.

Предводители сдѣлали на спискахъ отмѣтки, указавши, кого они считаютъ болѣе способнымъ быть посредникомъ, въ полной увѣренности, что губернаторъ именно этихъ лицъ и утвердитъ.

Но Денъ, между тѣмъ, собиралъ объ этихъ лицахъ еще частныя свѣдѣнія, и въ результатѣ оказалось, что въ 9-ти уѣздахъ были утверждены посредниками совсѣмъ не тѣ лица, которыхъ представляли предводители, и только въ остальныхъ 6-ти уѣздахъ тѣ самые. Такимъ образомъ девятеро предводителей остались недовольны губернаторомъ.

Осенью этого же года покойный императоръ Александръ Николаевичъ прибылъ въ Курскъ на смотръ войскамъ. Къ тому времени собраны были уѣздные предводители, изъ коихъ девятеро, недовольные губернаторомъ, вздумали на него принести жалобу черезъ шефа жандармовъ, князя Василія Андреевича Долгорукова. Жалоба ихъ состояла въ томъ, что губернаторъ Денъ не уважаетъ ихъ представленій, обходится съ ними не съ должнымъ уваженіемъ ихъ званію, съ прочими же чиновниками, служащими по выборамъ, обходится даже дерзко и презрительно.

Не смотря на то, что князь Василій Андреевичъ Долгорукій, при передачѣ ему прошенія отъ 9-ти предводителей, предупреждалъ ихъ, что Государю будетъ очень непріятна эта жалоба, совѣтывалъ оставить ее и предлагалъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ: эти предводители настоятельно просили доложить прошеніе ихъ Императору.

На другой день всѣ уѣздные предводители, съ губернскимъ во главѣ, явились для представленія. Государь вышелъ въ пріемную очень

серьёзный и обратился къ предводителямъ приблизительно съ такими словами: «Я ѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы благодарить васъ за успѣшное содѣйствіе и порядокъ при введеніи Положенія въ Курской губерніи; но, получивъ ваше прошеніе, я увидалъ, что вы занимаетесь сплетнями, недостойными вашего званія. Вы жалуетесь на губернатора, который есть представитель моей власти и котораго я лично знаю. Чтобы этого впередъ не было!» Государь хотѣлъ оставить залъ; но въ это время князь Долгорукій что-то тихо сказалъ ему, и Государь, остановившись и снова обратясь къ предводителямъ, прибавилъ: «Разумѣется, мое неудовольствіе относится только къ тѣмъ предводителямъ, которые принесли мнѣ жалобу, а остальныхъ я благодарю».

Еще до прибытія Государя въ Курскъ, тогда бывшій губернскій предводитель Н. Я. Скарятинъ ѣздилъ къ губернатору объяснять ему что девятеро предводителей недовольны имъ и считаютъ себя оскорбленными разными поступками противъ нихъ.

Денъ отвѣчалъ черезъ того же Скарятина, что, если предводители считаютъ себя обиженными за то, что онъ не утвердилъ посредниковъ, рекомендованныхъ ими, то въ этомъ случаѣ онъ руководствовался Положеніемъ, которое даетъ ему право утверждать или не утверждать посредниковъ по своему собственному усмотрѣнію; что же касается другихъ какихъ-либо оскорбленій, то, говоря по совѣсти, онъ никогда не думалъ наносить ихъ гг. предводителямъ, но, во всякомъ случаѣ, если они считаютъ себя оскорбленными, то по отъѣздѣ Государя, онъ готовъ каждому изъ нихъ дать удовлетвореніе.

Однако ни одного вызова не послѣдовало.

Владиміръ Ивановичъ Денъ не долго оставался губернаторомъ Курской губерніи, но былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и позднѣе причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Н. Рѣшетовъ.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ [1]).

XIII. Крестьяне села Троицкаго, отыскивающіе вольную.

Въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи есть богатое село Троицкое, одно изъ лучшихъ въ уѣздѣ; въ немъ числилось при крѣпостномъ правѣ три тысячи душъ крестьянъ и до двѣнадцати тысячъ десятинъ земли съ лѣсами и угодьями. Принадлежало оно помѣщику Ермолову и было пожаловано въ 1786 году его отцу, генералу-поручику Александру Петровичу Ермолову [2]) императрицею Екатериною Второю, какъ видно изъ документовъ, находившихся въ селѣ Троицкомъ. Владѣлецъ этого имѣнія, Ермоловъ никогда не жилъ въ немъ, а если пріѣзжалъ, то на очень короткій срокъ, проживалъ же постоянно въ Парижѣ, поручивъ управленіе имѣніемъ своему крѣпостному человѣку, отличному хозяину того времени, который давалъ хорошіе доходы помѣщику и не обижалъ крестьянъ. Крестьяне были зажиточные; а многіе изъ нихъ, оброчные, владѣвшіе десятками паръ воловъ, были богатые чумаки.

Когда, въ сороковыхъ годахъ, Ермоловъ въ послѣдній разъ навѣстилъ Троицкое, онъ отпускалъ своихъ крестьянъ на волю съ тѣмъ, чтобы они заплатили ему деньги за землю и лѣса. По разсчету при-

---

[1]) См. Р. Архивъ 1885, III, 539.

[2]) Въ Запискахъ Л. Н. Энгельгардта (стр. 54-й, примѣчаніе 88-е) значится: „Александръ Петровичъ Ермоловъ, генералъ-поручикъ, род. въ 1754 году, умеръ въ 1836. Вліяніе его при дворѣ начинаетъ быть замѣтно съ начала 1785 года. Въ Іюнѣ 1786 года онъ удалился отъ двора и долго путешествовалъ по Европѣ". Тамъ же на стр. 59-й: „Въ Іюнѣ 1786 года Ермоловъ вышелъ изъ фавёра, дано ему было въ Могилевской губерніи 6.000 душъ. А на мѣсто его поступилъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ". Этотъ Ермоловъ потомъ женился на родной сестрѣ князя С. М. Голицына, извѣстнаго Московскаго боярина.

ходилась довольно значительная сумма, которая должна была быть внесена крестьянами. Крестьяне соглашались уплатить ее, но не всю разомъ, а просили разсрочить платежъ на нѣсколько лѣтъ. Ермоловъ затруднялся принять такое условіе, ибо оно не обезпечивало его въ вѣрности уплаты, такъ какъ денежныя обязательства крестьянъ, въ случаѣ неуплаты ими долга, не принимались ко взысканію и не считались законными, а Ермолову желалось имѣть наличный капиталъ. Вѣроятно, по этимъ причинамъ и не состоялась тогда сдѣлка Ермолова съ крестьянами; но эти послѣдніе остались въ полномъ убѣжденіи, что рано или поздно они получатъ вольную.

Ничѣмъ не порѣшивъ съ крестьянами о продажѣ земли, Ермоловъ выѣхалъ опять за-границу и жилъ тамъ безвыѣздно. Крестьяне неоднократно писали ему и просили исполнить свое обѣщаніе; онъ не отказывался, пріѣхать же не могъ, ссылаясь на свою болѣзнь; но, какъ кажется, главная причина, вслѣдствіе которой ему неловко было возвратиться въ Россію, былъ переходъ его въ католичество. Въ то время существовалъ законъ, по которому владѣльцы населенныхъ имѣній, прожившіе за-границей болѣе трехъ лѣтъ безвыѣздно, теряли право владѣть своими имѣніями. Ермолову приближался 3-хъ-лѣтній срокъ его пребыванія за-границей; чтобы не лишиться имѣнія, онъ долженъ былъ поспѣшить продажею его, что́ онъ и сдѣлалъ, продавъ его родственницѣ своей, княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ Черкаской. Продажа эта была фиктивная: денегъ она ему не уплатила, а дала въ обезпеченіе векселя впредь до дѣйствительной продажи. Вскорѣ на имѣніе нашелся настоящій покупатель, сенаторъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ. Онъ купилъ Троицкое очень дешево на имя своего сына Михаила, который въ новокупленное имѣніе самъ лично не прибылъ, а поручилъ управленіе имъ Прусскому подданному Аману Самойловичу Фонъ-Ренкулю.

Новый управляющій началъ вводить новые порядки, прежде небывалые. Хотя эти порядки и не нравились крестьянамъ, но они ихъ пока исполняли; а между тѣмъ ходили слухи, что они отыскиваютъ вольную. Фонъ-Ренкуль, по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ, нашелъ, что крестьянъ въ селѣ Троицкомъ несоразмѣрно много по количеству земли, и, чтобы получать больше доходу, онъ предложилъ помѣщику Дурасову продать на сводъ 150 ревизскихъ душъ, что́ съ женскимъ поломъ и дѣтьми составляло болѣе 300-тъ живыхъ душъ. Въ скоромъ времени они были проданы въ Оренбургскую губернію и немедленно перечислены туда по бумагамъ.

Малороссіяне вообще неохотно переселяются; но имъ было обѣщано Нѣмцемъ управляющимъ, что они на новыхъ мѣстахъ найдутъ

готовыя хаты, полное продовольствіе, и дадутся имъ разныя льготы и всякія милости. Крестьяне, скрѣпя сердце, отправились и пришли на мѣсто въ Оренбургскую губернію позднею осенью, гдѣ не нашли для себя никакихъ помѣщеній; а такъ какъ помѣститься имъ было негдѣ, то они должны были зимовать въ наскоро сдѣланныхъ ихъ же руками землянкахъ. Зимой у нихъ появились разныя болѣзни; люди, не привыкшіе къ суровому климату и дурной обстановкѣ, умирали въ большомъ количествѣ, въ особенности дѣти. Раннею весною оставшіеся въ живыхъ, долго не думая, собрали свои пожитки и опять съ обозомъ, какъ пришли, тронулись въ обратный путь, а въ началѣ лѣта прибыли въ село Троицкое. Но и тутъ прежнихъ хатъ своихъ они не нашли: однѣ были снесены, остальныя заняты другими жильцами. По необходимости, вновь прибывшіе размѣстились кое-какъ у своихъ родныхъ, которые приняли ихъ дружелюбно. Фонъ-Ренкуль, основываясь на незаконномъ пребываніи людей въ имѣніи, съ помощью земской полиціи старался выпроводить ихъ назадъ; но на сей разъ, не только возвратившіеся, но и мѣстные крестьяне, которымъ было приказано отъ управляющаго не держать у себя пришедшихъ людей, возмутились этимъ распоряженіемъ, не выдавали и прятали ихъ.

Донесли губернатору объ упорствѣ и неповиновеніи крестьянъ села Троицкаго. Въ то время губернаторомъ въ г. Курскѣ былъ Н. П. Бибиковъ. Онъ обратился ко мнѣ, какъ къ мѣстному уѣздному предводителю, прося разслѣдовать это дѣло, если можно, уладить эти недоразумѣнія на мѣстѣ и разъяснить при томъ крестьянамъ, что они не могутъ насильно оставаться въ имѣніи другаго владѣльца, которому они уже не принадлежатъ.

Пріѣхавъ въ с. Троицкое, я узналъ отъ Ренкуля, что всѣ люди выказываютъ, какъ онъ объяснилъ мнѣ Нѣмецкимъ выговоромъ, *духъ неповиновенія*, не исполняютъ урочныхъ работъ, а вдобавокъ не признаютъ г-на Дурасова за своего помѣщика, увѣряя, что ихъ бывшій владѣлецъ, г. Ермоловъ, отпустилъ ихъ всѣхъ на волю. Объ этомъ обстоятельствѣ губернаторъ не былъ увѣдомленъ.

Я распорядился собрать громаду (такъ называются сходки крестьянъ въ Малороссійскихъ имѣніяхъ) изъ домохозяевъ и стариковъ; въ томъ числѣ должны были быть и возвратившіеся изъ Оренбургской губерніи, но никто изъ послѣднихъ не явился. Когда я спросилъ, почему ихъ нѣтъ, мнѣ отвѣчали изъ толпы, что они боятся, чтобы ихъ опять не отправили умирать въ Оренбургскую губернію. Я старался объяснить имъ, что прибывшіе люди не принадлежатъ болѣе помѣщику М. Ѳ. Дурасову, а такъ какъ проданы имъ, то должны отправляться въ другое имѣніе къ купившему ихъ, что совершенно законно,

и имъ ничего болѣе не остается, какъ покориться: иначе ихъ вышлютъ насильно. Молча и почтительно выслушала меня громада; затѣмъ изъ толпы выступилъ одинъ пожилой крестьянинъ и, низко кланяясь, отвѣчалъ мнѣ: «Будьте милостивы, панъ предводитель, выслушайте насъ. Мы никогда не желали выходить изъ повиновенія; но кому же мы будемъ повиноваться? Намъ сказали, что насъ купилъ г-нъ Дурасовъ. «*Мы его николи и въ очи не бачили, якій такій панъ Дурасъ?*» язвительно проговорилъ хохолъ. «Былъ у насъ настоящій панъ Ермоловъ», продолжалъ онъ, «ему мы достались по царскому указу матушки - императрицы Екатерины; его наслѣдникъ всѣхъ насъ крестьянъ отпустилъ на волю, а теперь какой-то Нѣмецъ Аманъ (такъ они звали управляющаго Фонъ-Ренкуля) мудруетъ надъ нами, говоритъ, что онъ вмѣсто пана, «что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ», сослалъ 150 ревизскихъ душъ въ ссылку въ Оренбургскую губернію, гдѣ они на половину вымерли. Будьте жалостливы, смѣняйте Амана». Едва успѣлъ онъ кончить свою рѣчь, какъ вся толпа зашумѣла, и многіе начали кричать: «Долой Амана, долой его!» Я было началъ ихъ унимать, но меня уже не слушали и окружили въ плотную; всѣ заговорили разомъ безъ всякаго порядка, ничего нельзя было разобрать; но было видно общее неудовольствіе на управляющаго. Повторялись крики: «смѣняйте Амана, долой Амана!» Видя, что съ толпой нельзя было уже говорить хладнокровно, такъ какъ она была возбуждена, я оставилъ сходку, приказавъ, чтобы крестьяне выбрали среди себя 8-мь стариковъ, которые могли бы разумно выразить общее желаніе всѣхъ крестьянъ, чего они хотятъ. Черезъ часъ явились ко мнѣ эти выборные, и съ ними пришли двое изъ возвратившихся. Эти послѣдніе разсказали грустную повѣсть своихъ несчастій въ Оренбургской губерніи, какъ они тамъ мерзли, голодали, сколько изъ нихъ померло, какъ на ихъ бѣдствія никто не обращалъ никакого вниманія, и какъ они, послѣ всего ими испытаннаго, рѣшились, при первой возможности, весною бѣжать изъ этого злополучнаго мѣста, оставивъ болѣе половины своихъ родныхъ зарытыхъ въ могилахъ.

Какъ ни была грустна и достовѣрна эта исторія, но я принужденъ былъ уговаривать крестьянъ и настаивать на необходимости ихъ возвращенія въ то имѣніе, куда они уже перечислены, доказывая имъ, что по закону они не имѣютъ права оставаться здѣсь, но что теперь, въ огражденіе ихъ отъ бѣдствій, на мѣстѣ будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы устроить ихъ, какъ слѣдуетъ, о чемъ извѣщены будутъ мѣстный Оренбургскій губернаторъ и прочія власти. «Чтобы всѣмъ намъ помирати, такъ лучше дѣлайте съ нами, что̀ хотите, а мы волей туда

не пойдемъ», съ какимъ-то отчаяніемъ и рѣшимостью отвѣчали старики.

Послѣ такаго категорическаго отвѣта я обратился къ другимъ старикамъ-депутатамъ, чтобы узнать, чего они желаютъ. «Нашъ панъ Ермоловъ всѣмъ крестьянамъ далъ вольную», объясняли они, въ удостовѣреніе чего представляли нѣсколько его писемъ прежнихъ лѣтъ къ бывшему своему крѣпостному управляющему для объявленія крестьянамъ, изъ коихъ было видно, что Ермоловъ дѣйствительно отпускалъ ихъ на волю, но при этомъ ставилъ условіе, какъ было сказано выше, чтобы они купили у него землю. Въ этихъ же письмахъ, между прочимъ, Ермоловъ описывалъ свои предположенія, какъ должны устроиться крестьяне, согласно имяннаго указа императора Александра I *), въ которомъ предоставлялось право помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селеніями, и получившіе свободу крестьяне именовались вольными хлѣбопашцами. Такимъ образомъ изъ объясненій стариковъ можно было заключить, что у всѣхъ Троицкихъ крестьянъ составилось убѣжденіе, что они вольные, но только у нихъ тогда не было наличныхъ денегъ, чтобы закрѣпить сдѣлку на землю и что все зависѣло отъ времени; теперь же у нихъ имѣется весь капиталъ для уплаты; ежели чего не достанетъ, то богатый Бѣлгородскій купецъ Чумичевъ соглашается ссудить имъ недостающую сумму подъ лѣса, вслѣдствіе чего въ настоящее время они желаютъ приступить къ совершенію купчей и готовы немедленно взнести задатокъ, а о таковомъ заявленіи ихъ просятъ довести до свѣдѣнія начальства. Я имъ отвѣчалъ на это, что прежде чѣмъ приступить къ такой сдѣлкѣ, они должны быть вольными, а такъ какъ теперь они проданы другому владѣльцу, слѣдовательно прежнія обѣщанія Ермолова не имѣютъ въ настоящее время никакой силы и недѣйствительны. Крестьяне упорно утверждали, что письма Ермолова тѣ же отпускныя на всѣхъ людей. «Это документы неопровержимые», говорили они; «мы уже обратились къ прокурору съ просьбой, что мы отыскиваемъ свободу, и онъ долженъ по закону хлопотать за насъ; наше дѣло правое; мы надѣемся, что намъ дозволятъ купить землю, тогда мы будемъ свободные хлѣбопашцы, какъ сказано въ царскомъ указѣ. Что же касается до крестьянъ, вернувшихся изъ Оренбургской губерніи», продолжали старики, «то и они должны остаться съ нами, такъ какъ панъ Ермоловъ никого не исключилъ, а всѣхъ насъ отпустилъ на волю».

*) Знаменитый указъ 1802 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

Разумѣется, на всѣ ихъ желанія и просьбы я ничего не могъ обѣщать имъ въ ихъ пользу, но, какъ умѣлъ, старался вразумить и разъяснить имъ всю нелѣпость ихъ требованія о вольной. Но старики стояли на своемъ: что, ежели они одинъ разъ отпущены на волю, то ихъ нельзя было продавать другому лицу; при этомъ проводили мысль, что Ермоловъ даже вовсе не могъ продать ихъ, а непремѣнно долженъ былъ отпустить на волю, такъ какъ они жалованы Императрицею только въ родъ Ермоловыхъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ и убѣжденій, увѣрившись, что я не достигну никакихъ результатовъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ уѣхать изъ Троицкаго; по крайней мѣрѣ крестьяне обѣщали мнѣ, что до тѣхъ, пока окончится ихъ дѣло, они будутъ въ точности исполнять господскую работу. Обо всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ я подробно увѣдомилъ губернатора Бибикова, который немедленно распорядился отправить въ Троицкое своего чиновника особыхъ порученій Чурилова. Ему дана была особая инструкція, гдѣ предписывалось выпроводить всѣхъ возвратившихся крестьянъ этапнымъ порядкомъ; а такъ какъ они прятались и уходили изъ Троицкаго, то ихъ отыскивали по сосѣднимъ селеніямъ, даже ловили въ лѣсахъ, и затѣмъ по мѣрѣ сбора отправляли частями по этапу въ Оренбургскую губернію. За мѣстными крестьянами устроенъ былъ строгій надзоръ, чтобы они въ точности выполняли господскія работы и не скрывали у себя прятавшихся. Всѣ эти распоряженія для вѣрности подкрѣпились прибывшимъ въ Троицкое на экзекуцію гусарскихъ полкомъ. По указанію Чурилова гусарскія розги неоднократно пускались въ ходъ преимущественно для отыскивающихъ волю, послѣ чего крестьяне смирились, въ особенности, когда на всѣ свои просьбы отовсюду получили отказъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ опять пришлось быть на сходкѣ въ с. Троицкомъ, въ 1861 году, когда нужно было по Положенію 19-го Февраля избирать сельскихъ старостъ. Также собрана была громада и хотя повидимому представлялась таже картина, какъ и тогда, какъ люди отыскивали волю, но на веселыхъ лицахъ крестьянъ было видно совсѣмъ другое настроеніе. Я прочиталъ имъ статьи Положенія, а кстати повторилъ уже объявленный имъ прежде высочайшій манифестъ объ освобожденіи. Тутъ мнѣ невольно пришла мысль сравнить то давнее время, когда въ 1786 году дѣдамъ и прадѣдамъ этихъ же крестьянъ объявленъ былъ указъ императрицы Екатерины II о томъ, что они поступаютъ въ крѣпостные къ генералъ-поручику Александру Петровичу Ермолову за вѣрную его службу. Къ тому же припомни-

лось и то сравнительно недавнее прошлое, какъ мнѣ самому лично, восемь лѣтъ тому назадъ, приходилось уговаривать этихъ крестьянъ не выходить изъ повиновенія и исполнять законныя требованія помѣщика по распоряженіямъ его управляющаго. «Вотъ теперь вы дѣйствительно сдѣлались вольными дарованною милостью нашего императора Александра Николаевича», сказалъ я.

«Вѣчно за него будемъ Бога молять», осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, отвѣчали крестьяне съ прибавленіемъ искреннихъ благопожеланій Царю-Освободителю. Хорошее было то время! Нельзя не вспомнить съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія объ этой славной эпохѣ! Сколько надеждъ, упованій, представлялось тогда въ будущемъ! Исполнились ли эти ожиданія чрезъ 25 лѣтъ, когда пишутся эти воспоминанія, это другой вопросъ.

Н. Рѣшетовъ.

14-го Декабря,
1885 года.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

XIV. Внимательность императора Николая Павловича.

Въ Уланскомъ полку, квартировавшемъ въ Малороссіи, служилъ поручикъ Дублянскій, сынъ артилерійскаго отставнаго генерала. Командиромъ того полка былъ тогда графъ Лотрекъ-де-Тулуза, имѣвшій обыкновеніе во фронтѣ не совсѣмъ вѣжливо обращаться съ офицерами. Особенно придирался онъ къ поручику Дублянскому, употреблялъ часто неприличныя выраженія и глумился надъ нимъ, зная, что военная дисциплина поневолѣ заставляла сносить грубости начальника. Подобное отношеніе полковаго командира, понятно, возмущало молодаго офицера. Однажды на ученьѣ полка, за какую-то маловажную ошибку во фронтѣ, полковникъ съ крикомъ и ругательствами налетѣлъ на поручика Дублянскаго, который на сей разъ не вытерпѣлъ, бросился на полковника, чтобы ударить его по лицу, но, какъ былъ небольшаго роста, то не досталъ до него, а ограничился плевкомъ прямо въ физіономію графа,—поступокъ, прямо ведущій подъ военный судъ. Графъ былъ благоразумнѣе: только обтерся, но въ рукопашную не вступилъ. Дублянскаго немедленно арестовали.

Въ царствованіе Николая Павловича, когда случилось это происшествіе, военные суды производились черезъ аудиторовъ; ими разбирались только факты и подводились законы, на поводы же преступленія вниманія не обращалось; въ особенности, когда нарушалась военная дисциплина, тогда младшій всегда былъ виноватъ.

У Дублянскаго была родная сестра Юлія Павловна, очень красивая женщина. Она была замужемъ за отставнымъ полковникомъ гвардіи Н. Н. Боярскимъ. Боярская очень любила своего брата и рѣ-

---

*) См. выше, стр. 212.

шила, во чтобы ни стало, хлопотать въ защиту его. Узнавъ, что дѣло объ ея братѣ представлено въ Петербургъ для окончательнаго рѣшенія, она сама отправилась туда; но къ кому ни обращалась она по военному вѣдомству, всѣ вліятельные генералы на отрѣзъ отказывали ей въ заступничествѣ, говоря, что преступленіе ея брата, совершенное во фронтѣ, при сборѣ всего полка, было слишкомъ явно и нагло, чтобъ кто либо могъ облегчить его участь кромѣ развѣ самаго Императора. Юлія Павловна Боярская не смутилась отказами, а еще энергичнѣе стала изыскивать способы, чтобы лично просить Государя, не полагаясь на письменное прошеніе, которое могло и не дойти до него.

Не смотря на всѣ ея старанія, ей долгое время никакъ не удавалось встрѣтить Николая Павловича.

Дѣло было лѣтомъ. Весь дворъ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ. Между прочимъ, распрашивая всѣхъ, гдѣ бываетъ Государь, Юлія Павловна узнала, что рано по утрамъ онъ имѣлъ обыкновеніе въ Царскомъ Селѣ прогуливаться въ паркѣ; ворота парка на то время затворялись и оставались запертыми для публики до окончанія его прогулки. Придя въ паркъ еще съ вечера, Юлія Павловна рѣшилась остаться тамъ до утра и дождаться, когда Императоръ выдетъ на прогулку. Къ счастью ея погода была прекрасная, а сторожа, отъ которыхъ она скрывалась, ея не замѣтили.

Рано утромъ Государь вышелъ изъ дворца и направился по аллеѣ. Увидя его, Юлія Павловна поспѣшила къ нему на встрѣчу и стала на колѣни за нѣсколько шаговъ передъ нимъ. Николай Павловичъ, подойдя къ ней, довольно сурово спросилъ: «Какъ вы сюда попали такъ рано, когда ворота еще затворены?»

— «Простите меня, Государь», отвѣчала Боярская, «я здѣсь со вчерашняго вечера дожидаюсь васъ».

Императоръ окинулъ ее своимъ взглядомъ и уже нѣсколько снисходительнѣе проговорилъ: «Встаньте и скажите, о чемъ вы просите?»

— «Дозвольте мнѣ, Ваше Императорское Величество», со слезами на глазахъ обратилась къ нему Юлія Павловна, «остаться у Вашихъ ногъ и на колѣняхъ вымолить прощеніе молодому человѣку, моему родному брату, поручику Уланскаго полка Дублянскому, который вполнѣ сознаетъ свой поступокъ и считаетъ себя виновнымъ, но не въ такой степени, какъ его обвиняютъ: онъ выведенъ былъ изъ терпѣнія дерзкимъ съ нимъ обращеніемъ полковаго командира графа Лотрека-де-Тулуза, затронувшаго его честь».

— «Успокойтесь», поднимая ее съ колѣнъ, сказалъ Государь, «и разскажите подробно всѣ обстоятельства».

Объяснивъ, какъ могла, это плевое дѣло, Юлія Павловна упомянула о дерзостяхъ, которыя дозволялъ себѣ полковой командиръ въ отношеніи ея брата, и съ этимъ вмѣстѣ не забыла напомнить о заслугахъ своего отца генерала Дублянскаго, котораго Императоръ зналъ лично по его прежней службѣ. Выслушавъ ее со вниманіемъ, Государь проговорилъ: «Вашъ братъ подлежитъ по закону за нанесеніе обиды старшему наказанію; онъ долженъ понести его; но, въ уваженіе заслугъ его отца и вынужденнаго дѣйствія на преступленіе, судя по вашимъ словамъ, въ которыхъ я не сомнѣваюсь, наказаніе его можетъ быть смягчено». А затѣмъ, перемѣнивъ разговоръ, Николай Павловичъ сталъ разспрашивать о ней самой, о томъ, гдѣ она воспитывалась, гдѣ живетъ и тому подобное.

Между тѣмъ они подошли къ запертымъ воротамъ. Въ туже минуту, невдалекѣ отъ нихъ, какъ изъ земли, выросъ Царскосельскій комендантъ. Увидя его, Государь сказалъ: «Вотъ эта дама всю ночь провела здѣсь въ паркѣ, дожидаясь утра, чтобы просить меня о своемъ дѣлѣ; а вы и служащіе ваши этого не знали; прикажите отворить ворота». Затѣмъ, обратясь къ Юліи Павловнѣ, онъ съ любезностью проговорилъ: «Я очень радъ, что съ моей протекціей вы можете выдти отсюда безъ всякихъ непріятностей».

Чрезъ нѣсколько дней послѣдовала смягченная конфирмація: Дублянскаго разжаловали въ солдаты безъ лишенія дворянства съ выслугою, а черезъ годъ онъ снова былъ произведенъ въ офицеры. Графъ Лотрекъ-де-Тулуза не остался командиромъ полка.

XV. Загадочное нападеніе.

Передъ Крымской войной, въ городѣ Корочѣ Курской губерніи, квартировалъ Рижскій драгунскій полкъ. Командиромъ этого полка былъ полковникъ Козловскій; офицеры его любили, но еще болѣе любили его супругу, къ которой всѣ относились съ какимъ-то восторгомъ. Это была женщина энергичная, довольно красивая и очень симпатичная, но, главное, необыкновенно любезная и внимательная къ своимъ офицерамъ, хотя повидимому никому изъ нихъ не отдавала предпочтенія. Молодые офицеры почти поголовно были влюблены въ нее. Часто случалось, что полковникъ позоветъ къ себѣ на квартиру кого-нибудь изъ офицеровъ, чтобы распечь за какую-нибудь провинность; но полковница едва заслышитъ непріятный для офицера разговоръ, тотчасъ же является изъ другой комнаты къ нему на выручку, объявляя мужу, что это ея гость, и командиру волей-неволей приходилось обращаться въ любезнаго хозяина. На полковыхъ ученьяхъ

г-жа Козловская всегда бывала верхомъ: она была отличная наѣздница и управлялась съ лошадью не хуже своего супруга. Полковнику и на ученьи не удавалось распекать по своему не только офицеровъ, но даже солдатъ; въ присутствіи жены ему приходилось сдерживаться въ выраженіяхъ. Вообще въ то время многіе начальники не стѣснялись передъ фронтомъ и бранились непечатными словами, въ чемъ былъ своего рода шикъ *). Кромѣ сего, присутствіе полковницы на ученьяхъ имѣло и другую хорошую сторону: офицеры особенно старались быть исправными и внимательными къ своимъ обязанностямъ, чтобы послѣ ученья при встрѣчѣ съ командиршей, которая за всѣмъ зорко слѣдила, не заслужить ея замѣчаній, хотя высказанныхъ очень любезно, или шутя, смотря какъ она найдетъ нужнымъ; но эти замѣчанія гораздо сильнѣе дѣйствовали, чѣмъ распеканціи ея мужа во фронтѣ: такъ велико было ея нравственное вліяніе. Вообще г-жа Козловская отличалась оригинальностью, что замѣчалось даже въ ея полумужскомъ костюмѣ, въ который она иногда облекалась; при этомъ, какъ бы ни была она одѣта, хотя бы и по послѣдней модѣ, она имѣла обыкновеніе носить за поясомъ дорогой кинжалъ средней величины, не въ видѣ украшенія, а чтобы имѣть возможность, въ случаѣ какой нибудь опасности, защититься самой безъ посторонней помощи, какъ объясняла она всѣмъ, кто ее спрашивалъ объ этомъ непонятномъ добавленіи къ ея костюму. «А владѣть кинжаломъ я умѣю, хотя и не близъ Кавказа рождена», прибавляла энергичная полковница.

По выступленіи полка въ походъ во время Крымской войны г-жа Козловская осталась одна въ городѣ Корочѣ. Вечеромъ того же дня, въ грустномъ настроеніи послѣ проводовъ, вышла она въ садъ, прилегавшій къ ея квартирѣ. Садъ былъ большой, въ дикомъ видѣ, и пересѣкался оврагомъ, по другую сторону котораго находилась уединенная бесѣдка, окруженная деревьями и кустарниками, едва замѣтная со стороны. Въ эту-то бесѣдку, которую она и прежде часто посѣщала, направилась г-жа Козловская. Была чудная Майская лунная ночь, съ соловьями, съ ароматомъ яблоновыхъ цвѣтовъ и тому подобными прелестями весенняго времени. Г-жа Козловская оставалась тамъ довольно долго. Была ли она въ упоеніи отъ окружавшей

*) Я зналъ драгунскаго капитана П. Д. Суковкина, служившаго въ этомъ же полку, человѣка очень добраго; онъ имѣлъ обыкновеніе здороваться съ солдатами не иначе, какъ къ обыденному слову „здорово“, поминая „солдатскую мать“. Когда у него спрашивали, для чего онъ употребляетъ такія странныя выраженія, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Это необходимо для приданія бодрости духа и смѣлости солдатамъ; въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, услыхавши, какъ они радостно отвѣчаютъ на такое привѣтствіе“.

ее природы, думала ли она о своемъ отсутствующемъ мужѣ, ушедшемъ на войну, или о чемъ нибудь иномъ? Свои мечты она никому не повѣряла; извѣстно только, что мечты эти были вдругъ прерваны шагами, послышавшимися со стороны забора, гдѣ пролегала пустынная улица; а затѣмъ она неожиданно увидала человѣка, показавшагося ей совершенно незнакомымъ, въ какомъ-то странномъ костюмѣ. Предполагая встрѣтить злоумышленника, г-жа Козловская обнажила кинжалъ; но подходившій человѣкъ, осмотрѣвшись по сторонамъ, вошелъ въ бесѣдку съ видимой увѣренностью встрѣтить тамъ кого нибудь. Г-жа Козловская была не изъ робкихъ и строго спросила пришедшаго о причинѣ его посѣщенія. Съ первыхъ же словъ его она убѣдилась, что это былъ не мошенникъ: онъ страстно заговорилъ о своей любви, о ея красотѣ и еще какія-то нѣжности, которыя она впослѣдствіи не могла уже припомнить. Безъ всякихъ околичностей, не желая слушать подобныя рѣчи, она попросила его немедленно удалиться; тогда незнакомецъ бросился на нее; она отшатнулась и стала въ оборонительное положеніе; сверкнулъ кинжалъ! Но и у него, по словамъ г-жи Козловской, тоже оказалось какое-то оружіе. Между ними произошла борьба, окончившаяся тѣмъ, что г-жа Козловская была ранена въ двухъ мѣстахъ: одна рана, довольно значительная, была нанесена на внутреннюю часть бедра, другая, небольшая, выше колѣна. Когда г-жа Козловская, получивши рану, стала звать на помощь, неизвѣстный поспѣшно перелѣзъ черезъ заборъ, бросился на улицу, гдѣ, какъ оказалось, дожидалась его тройка лошадей, вскочилъ въ телѣжку и быстро ускакалъ, что̀ видѣли посторонніе, случайно проходившіе. Прибѣжавшіе на крикъ г-жи Козловской люди застали ее лежащею на полу, всю въ крови; окровавленный кинжалъ ея былъ отброшенъ въ сторону. Немедленно послали за докторомъ, который, сдѣлавъ перевязки, нашелъ раны для жизни неопасными.

Такое небывалое происшествіе въ городѣ Корочѣ подняло всѣхъ на ноги; прибѣжалъ и старикъ городничій, страшно растерявшійся и не знавшій на первыхъ порахъ, что̀ ему предпринять; наконецъ, онъ рѣшилъ послать эстафету съ донесеніемъ о происшествіи губернатору, находившемуся въ то время въ 60 верстахъ въ сосѣднемъ городѣ Новомъ-Осколѣ.

На другой день губернаторъ поспѣшилъ пріѣхать въ Корочу и немедленно посѣтилъ г-жу Козловскую. Она приняла его въ постели и разсказала ему о случившемся происшествіи, прося его защиты. Губернаторъ обѣщалъ принять всѣ мѣры къ отысканію виновнаго, но съ этимъ вмѣстѣ пожелалъ узнать отъ нея, не подозрѣваетъ ли она въ этомъ преступленіи кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ, котораго

она могла и не узнать при лунномъ свѣтѣ, такъ какъ онъ съ своей стороны увѣренъ, что нападеніе на нее было сдѣлано не съ цѣлью грабежа, а скорѣе романическаго свойства. На такое предположеніе г-жа Козловская, видимо обидѣвшись, замѣтила, что она удивляется, что г-нъ губернаторъ, не зная ея, дѣлаетъ такіе заключенія, не имѣя на то никакого права. Послѣ этого замѣчанія г-жа Козловская ничего болѣе не пожелала ему объяснять и на вопросъ его, не былъ ли раненъ нападавшій, такъ какъ у нея въ рукахъ былъ кинжалъ, также не отвѣчала. Губернаторъ уѣхалъ, ничего не узнавши.

Слѣдствіе по этому дѣлу было поручено чиновнику особыхъ порученій Клечановскому; при всемъ его стараніи напасть на слѣдъ виновнаго, имъ ничего не было открыто, хотя преступленіе было на лицо. Корочинскіе обыватели были тогда очень заинтересованы этимъ происшествіемъ; толки о немъ были самые разнорѣчивые; всякій разсуждалъ по своему; нѣкоторые даже утверждали, что полковница, ради тоски и скуки, сама себя ранила.

Между тѣмъ, во время похода, въ Рижскомъ драгунскомъ полку произошла дуэль между двумя офицерами, особенно обожавшими г-жу Козловскую. Это подало поводъ предполагать, не была ли эта дуэль въ связи съ нападеніемъ на полковницу въ бесѣдкѣ, и не былъ ли вызванный виновникомъ этого нападенія, а вызвавшій пожелалъ отомстить за то. Обстоятельство это однако выяснено не было. Дуэль окончилась не безъ кровопролитія: одинъ изъ офицеровъ былъ легко раненъ; но по просьбѣ всѣхъ офицеровъ полка полковой командиръ прекратилъ это дѣло, не донося о немъ по начальству, и всѣ предположенія такъ и остались простыми толками.

Н. Рѣшетовъ.

30 Генваря 1886 г.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

XVI. Ѳедоръ Марковичъ Полторацкій.

Познакомился я съ Ѳедоромъ Марковичемъ Полторацкимъ въ 1841 году. Онъ жилъ у себя въ деревнѣ, въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, одинъ, безъ семейства, и былъ уже почтенный старецъ лѣтъ 85 или болѣе. Наружность его производила пріятное впечатлѣніе: довольно высокій ростъ, худощавое лицо съ умнымъ выраженіемъ и живые, проницательные глаза. Многіе находили въ немъ сходство съ портретами Вольтера; къ слову сказать, Ѳедоръ Марковичъ былъ его страстный поклонникъ и нерѣдко проводилъ его идеи. По разсказамъ Полторацкаго, которые мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ него самого о воспитаніи и молодыхъ его годахъ, онъ, по обыкновенію того времени, какъ дворянинъ, еще съ малолѣтства былъ записанъ въ гвардію. Придя въ возрастъ, онъ прибылъ въ Петербургъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, но вмѣсто военной службы, какъ способный къ наукамъ, былъ отправленъ въ Геттингенскій университетъ для образованія, гдѣ проживъ нѣсколько лѣтъ, съ охотою и прилежаніемъ изучалъ разныя науки; по окончаніи же курса въ университетѣ былъ награжденъ большой золотой медалью. Медаль эта всегда находилась у него на письменномъ столѣ и служила вмѣсто пресъпапье, такъ какъ была довольно объемистаго размѣра.

По возвращеніи изъ-за границы въ Россію, Полторацкаго наградили чиномъ полковника; но, не чувствуя въ себѣ призванія къ военной службѣ, онъ рѣшился оставить ее и скоро вышелъ въ отставку противъ желанія своей матери, которая заранѣе разсчитывала, что онъ сдѣлаетъ видную карьеру при блистательномъ дворѣ Екатерины II. Его роди-

---

*) См. выше, стр. 365.

тельница, Агаѳоклея Марковна, не могла простить сыну его ослушанія, гнѣвалась на него всю жизнь, а послѣ смерти лишила его значительнаго наслѣдства, такъ какъ имѣла большое состояніе.

Полторацкій, не желая быть празднымъ, купилъ у князя Вяземскаго въ долгъ имѣніе въ Курской губерніи, въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, слободу Чернянку. Въ пріобрѣтенномъ своемъ имѣніи Ѳедоръ Марковичъ началъ устраиваться своеобразно, совсѣмъ не такъ, какъ жили другіе помѣщики. Благодаря своимъ знаніямъ и дѣятельности, изъ плохаго разореннаго земледѣльческаго имѣнія, въ которомъ однакоже было болѣе 1000 душъ крестьянъ, онъ создалъ фабричное и заводское производство по многимъ отраслямъ, въ томъ краю еще нигдѣ не существовавшимъ. Его труды и энергія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ уплатилъ долги и, въ сравнительно-короткое время, сдѣлался богатымъ бариномъ.

Чего только не было у Полторацкаго въ слободѣ Чернянкѣ! Еще въ 1841 году я засталъ у него находившіяся въ дѣйствіи фабрики, бумажную и суконную, заводы, сахарный и винокуренный, и другія мелкія производства, не смотря на то, что его коммерческія дѣла тогда, вслѣдствіе процессовъ съ его женой, начали приходить въ упадокъ. Крестьяне Полторацкаго мало занимались хлѣбопашествомъ, а были мастеровые и фабричные, работая на фабрикахъ три дня въ недѣлю на барщинѣ, остальные три дня по найму, и жили зажиточнѣе другихъ сосѣднихъ крестьянъ.

Въ слободѣ Чернянкѣ были устроены Полторацкимъ лавки со всѣми произведеніями его фабрикъ и заводовъ, а также и другихъ потребностей, не только для крестьянскихъ надобностей, но и для многихъ потребителей и торговцевъ, которые являлись для закупокъ изъ другихъ мѣстъ, такъ что слобода Чернянка въ торговомъ отношеніи была никакъ не хуже, если не лучше, многихъ уѣздныхъ городовъ; съ этимъ вмѣстѣ въ городахъ Харьковѣ, Курскѣ и Воронежѣ у него имѣлись магазины съ его же произведеніями, управляемые прикащиками изъ его крѣпостныхъ людей. У Полторацкаго были даже свои деньги [1]), сдѣланныя изъ картона карточки: на каждой была обозначена ея стоимость при размѣнѣ на деньги за подписью и печатью Ѳедора Марковича. Эти марки, или, какъ ихъ называли, ассигнаціи Полторацкаго, ходили безпрепятственно на большомъ разстояніи въ окружности и принимались торговцами въ сосѣднихъ городахъ и се-

---

[1]) Точно также, какъ, нѣсколько позднѣе, въ Брянскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ денежные знаки или ассигнаціи С. И. Мальцова. П. Б.

леніяхъ въ уплату за товары и водку; когда же за нихъ требовались деньги, то они безъ задержки уплачивались въ конторѣ Полторацкаго въ слободѣ Чернянкѣ, или обмѣнивались на произведенія изъ его фабрикъ и заводовъ. Такихъ денегъ выпускалось иногда до 100 тысячъ рублей, что было большимъ подспорьемъ для денежныхъ оборотовъ. Въ г. Курскѣ Ѳедоръ Марковичъ выстроилъ оригинальный домъ, совершенно годный для житья даже зимою, изъ картона, приготовленнаго на его фабрикахъ. Не знаю, существуетъ ли теперь этотъ домъ; но, вѣроятно, его помнятъ многіе Курскіе жители; мнѣ самому случалось не разъ бывать въ немъ.

Живя съ Ѳедоромъ Марковичемъ въ одномъ уѣздѣ, я часто бывалъ у него въ Чернянкѣ и, не смотря на большую разницу въ нашихъ годахъ, я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ у него время. Его разсказы и замѣчанія бывали сатирическіе и мѣткіе; съ этимъ вмѣстѣ я не помню, чтобы, побывавъ у него, я чему нибудь не научился, или не узналъ интереснаго и практическаго изъ его дѣятельности.

Но, воздавая должное уму и способностямъ этого человѣка, не могу не сознаться, что во многихъ случаяхъ онъ бывалъ несправедливъ и не стѣснялся никакими средствами, чтобы достигнуть своей цѣли, отличаясь замѣчательной настойчивостью. Можно бы привести много примѣровъ тому. Въ одномъ селеніи съ нимъ было также имѣніе М. П. Щербинина *); хата, принадлежавшая крестьянину Щербинина, стояла на крутомъ берегу рѣки Оскола, а съ другой стороны примыкала дворомъ къ саду Полторацкаго. По многимъ соображеніямъ Ѳедоръ Марковичъ не желалъ имѣть такого близкаго сосѣда и нѣсколько разъ предлагалъ Щербинину уступить это мѣсто, гдѣ стояла злополучная хата, давая въ обмѣнъ другое, болѣе выгодное для ея постройки; но Щербининъ почему то не соглашался на такую сдѣлку. Тогда Полторацкій сообразилъ, что въ этомъ случаѣ ему можетъ помочь рѣка Осколъ. Основываясь на томъ, что рѣка принадлежала исключительно ему, онъ приказалъ брать песокъ отъ того берега, на верху котораго стояла хата. Его предположенія сбылись: водою хату подмыло, и она рухнула въ р. Осколъ. Ѳедоръ Марковичъ оправдывался тѣмъ, что онъ былъ въ правѣ брать песокъ съ береговъ своей рѣки, но не властенъ былъ повелѣвать стихіями. Съ этимъ же сосѣдомъ Щербининымъ и съ тою же рѣкою Осколомъ

*) Въ разсказѣ о немъ (Р. Архивъ 1885, III, 275) Чернянка, по ошибкѣ нашей названа Черняевкою. П. Б.

Полторацкій выкинулъ еще болѣе сложную штуку. Отъ рѣки Оскола отдѣлялся рукавъ (рѣчка Сухманка); удаляясь на нѣкоторое разстояніе, онъ впадалъ въ туже рѣку Осколъ; такимъ образомъ образовался островъ, находившійся во владѣніи Полторацкаго; ниже, на рѣчкѣ Сухманкѣ, была устроена мельница, принадлежавшая Щербинину. Эта мельница была непріятна Ѳедору Марковичу тѣмъ, что воды этой рѣчки не попадали на его фабрики, требовавшія большей силы. Тогда Полторацкій вознамѣрился перепустить воду изъ р. Сухманки въ р. Осколъ, не допуская ея до мельницы Щербинина. Для этого осенью, подъ предлогомъ осушки болота, онъ прорылъ по острову глубокую канаву, оставивъ узкій перешеекъ песчанаго грунта къ рѣчкѣ Сухманкѣ; послѣ схода первой же полой воды, которою весною заливался весь островъ, размылась канава, образовалось новое теченіе и обратилось въ р. Осколъ, что̀ собственно и нужно было Полторацкому, а мельница Щербинина очутилась на сухомъ берегу. Начался нескончаемый процесъ; въ судебныхъ инстанціяхъ постановлялись рѣшенія, одно другому противорѣчащія. Щербининъ требовалъ возстановленія своихъ правъ на мельницу и уплаты за понесенные убытки; Полторацкій же отвѣчалъ, что онъ неповиненъ въ томъ, что рукавъ р. Оскола направился теченіемъ по другому направленію, будто бы когда-то тамъ существовавшему прежде, а не на мельницу Щербинина; что же касается до вырытой имъ канавы, то на своей собственной землѣ онъ былъ въ правѣ дѣлать, что̀ ему угодно, что̀ законами не воспрещено и т. п. При этомъ нельзя не упомянуть, какъ по этому же дѣлу Полторацкій отнесся къ рѣшенію Гражданской Палаты, узнавши заранѣе, что оно было рѣшено не такъ, какъ въ Уѣздномъ Судѣ, т.-е. не въ его пользу. Для выслушанія рѣшенія по закону требовались тяжущіеся, или ихъ повѣренные съ законными довѣренностями. Полторацкій самъ не поѣхалъ, а послалъ вмѣсто себя изъ своихъ крестьянъ, дурака-пастуха, давъ ему довѣренность, въ которой значилось: такъ какъ въ продолженіе 10 лѣтъ пастухъ этотъ добросовѣстно пасъ стадо свиней и соблюдалъ интересы его, Полторацкаго, то, не найдя никого лучше для выслушанія рѣшенія Палаты, онъ довѣряетъ ему, полагаясь на его усмотрѣніе, дать свое согласіе или несогласіе на опредѣленіе Палаты. Въ присутствіи, при опросѣ повѣренныхъ, члены Палаты на вопросы по дѣлу вмѣсто отвѣта получили отъ повѣреннаго Полторацкаго какое-то дикое мычанье и не знали, какъ имъ поступить; однако по долгомъ разсужденіи постановили: сдѣлать замѣчаніе Полторацкому за неудачный выборъ повѣреннаго.

Подобнаго рода курьезы Полторацкій продѣлывалъ и въ другихъ случаяхъ.

Ѳедоръ Марковичъ былъ женатъ четыре раза. Чтобы четвертый бракъ былъ признанъ законнымъ, одинъ изъ предшествующихъ браковъ нужно было уничтожить, что и было достигнуто посредствомъ подкупа въ Консисторіи: въ книгахъ, гдѣ записанъ былъ этотъ бракъ, листы оказались вырваны, или съѣдены мышами. Послѣдняя его супруга, для которой производился этотъ подлогъ, была Француженка родомъ изъ Парижа, хорошей дворянской фамиліи, въ свое время очень красивая и хорошая музыкантша. Когда Ѳедоръ Марковичъ на ней женился, ему было болѣе 60 лѣтъ, а ей 18. Пріѣхавши въ Россію, они зажили очень дружно и вели при хорошихъ средствахъ Полторацкаго жизнь роскошную. Впослѣдствіи, когда у нихъ было уже шесть человѣкъ дѣтей, супруги начали ссориться; и причину того приписывали ревности, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Молодой женѣ не нравилось, что ея старикъ-мужъ устроилъ себѣ въ восточномъ вкусѣ баню, куда имѣлъ обыкновеніе ходить ежедневно съ молодыми и красивыми женщинами изъ крѣпостныхъ, которыя его парили и холили особеннымъ способомъ, а загѣмъ обливали холодной водой, какъ онъ говорилъ, для подкрѣпленія его физическихъ силъ; а мужу не нравилось частое присутствіе при его женѣ какого-то полковника, любителя музыки. Послѣ разныхъ пререканій, неудовольствій и ссоръ, супруги, наконецъ, разъѣхались. Ѳедоръ Марковичъ поселился въ Чернянкѣ, а жена съ дѣтьми осталась жить въ Курскѣ въ подаренномъ ей мужемъ огромномъ домѣ [3]). Вражда между супругами еще болѣе усилилась вслѣдствіе процессовъ, возникшихъ между ними. Поводовъ къ этому было достаточно; изъ нихъ нельзя не отмѣтить жалобы жены, что мужъ приказалъ взорвать на воздухъ подаренный имъ ей домъ, въ которомъ она жила съ дѣтьми, гдѣ помѣщались также гостинница и магазины. Дѣйствительно, слѣдствіемъ открылось, что во многихъ скрытыхъ мѣстахъ въ домѣ, даже подъ кроватью г-жи Полторацкой, былъ подложенъ порохъ. Нашелся и виновникъ, еще не успѣвшій привести въ исполненіе своего замысла: это былъ крѣпостной Ѳедора Марковича Полторацкаго, пріѣхавшій изъ деревни въ Курскъ; прежде онъ жилъ рабочимъ въ этомъ самомъ домѣ. Его судили и сослали въ Сибирь; Полторацкій же, привлеченный по подозрѣнію жены въ участіи этого преступленія, судомъ былъ оправданъ. Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что Полторацкій былъ не безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ; но поджигатель принялъ на себя всю вину, не оговаривая сво-

---

[3]) Этотъ домъ до сихъ поръ существуетъ во владѣніи дочери ихъ Н. Ѳ. Монтрезоръ. А. С. Пушкинъ въ одномъ стихотвореніи вспоминаетъ, что онъ былъ въ Курскѣ „у Полторацкаго въ таверѣ".

его барина, въ надеждѣ, какъ говорили тогда, получить за это большія деньги. Съ этого времени жалобы Елисаветы Францовны Полторацкой учащаются; по разнымъ обстоятельствамъ подаются прошенія губернатору, министру, шефу жандармовъ и, наконецъ, во время смотра въ Курскѣ, самому Императору Николаю Павловичу, при чемъ она заставила двухъ своихъ малолѣтныхъ дѣтей 6 и 7 лѣтъ, на которыхъ Государь случайно обратилъ вниманіе, подать ему просьбу на отца ихъ. Сущность всѣхъ жалобъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, что отецъ не даетъ дѣтямъ средствъ на воспитаніе и содержаніе и при этомъ разстраиваетъ свое состояніе, что было не совсѣмъ справедливо: Полторацкій платилъ за сына въ лицей и за двухъ старшихъ дочерей въ институтъ въ Петербургѣ, гдѣ они воспитывались; конечно, онъ могъ давать щедрѣе, не ограничиваясь этимъ. Но болѣе всего возмущало Ѳедора Марковича то, что будто бы онъ разстраиваетъ свое состояніе. Кто же создалъ это состояніе, какъ не онъ самъ въ продолженіе долгой трудовой жизни. Многіе, напротивъ, удивлялись, какъ онъ неутомимъ по хозяйству и фабрикамъ, не смотря на столь преклонныя лѣта.

На просьбу Елисаветы Францовны Полторацкой, поданную ея дѣтьми императору Николаю Павловичу, послѣдовало Высочайшее повелѣніе чрезъ шефа жандармовъ для объявленія полковнику Полторацкому, въ которомъ повелѣвалось ему, Полторацкому, написать духовное завѣщаніе въ пользу его дѣтей и жены, предоставивъ послѣдней законную 7-ю часть, а дѣтямъ раздѣлить имѣніе по его усмотрѣнію; актъ этотъ по удостовѣреніи губернатора въ правильности и точности содержанія представить на храненіе въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія; имѣніе же его немедленно взять въ опеку и наложить на него запрещеніе, чтобы оно не могло быть проданнымъ.

Какъ ни возмущался Ѳедоръ Марковичъ такимъ необыкновеннымъ распоряженіемъ, тѣмъ болѣе, что имѣніе было пріобрѣтенное, а не родовое, и онъ имѣлъ еще другихъ дѣтей отъ первой жены, но, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ исполнить не свою волю, а Высочайшее повелѣніе.

Результаты такихъ дѣйствій оказались для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ весьма плачевные. Полторацкій, боясь остаться въ преклонной старости безъ денегъ, собралъ весь оборотный капиталъ (такъ какъ на него не распространялось запрещеніе), почему опекуну не было никакой возможности продолжать производство на фабрикахъ и заводахъ; работавшіе на нихъ крестьяне остались безъ заработковъ, а они ими только и существовали; имѣніе было поставлено въ безвыходное положеніе: нуженъ былъ или большой капиталъ, чтобы пу-

стить всѣ фабрики въ дѣйствіе, а его не было, или вовсе измѣнить порядокъ управленія и завести хлѣбопашество, къ которому имѣніе столько лѣтъ не было приспособлено. При такихъ обстоятельствахъ ни жена Полторацкаго, ни дѣти ихъ не могли разсчитывать получить въ наслѣдство устроенное имѣніе, какимъ оно было; напротивъ, оно должно было придти въ совершенный упадокъ. Положеніе Ѳедора Марковича было въ то время также очень незавидно: привыкнувъ къ постоянной дѣятельности, онъ остался безъ всякаго дѣла, такъ какъ имѣніемъ распоряжался опекунъ, вслѣдствіе чего онъ приходилъ въ раздраженіе на всѣхъ его окружающихъ, но въ особенности чувствовалъ озлобленіе къ своей отсутствующей супругѣ, и ей онъ приписывалъ всѣ свои невзгоды, которыя претерпѣвалъ. При такомъ положеніи нѣкоторые изъ его знакомыхъ совѣтывали ему примириться съ женою, чтобы прекратить всѣ дѣла; на эти совѣты онъ всегда отвѣчалъ: «Я прочелъ въ газетахъ, что изобрѣтено взрывчатое вещество въ видѣ ваты, дѣйствующей въ иныхъ случаяхъ сильнѣе пороха; мнѣ бы хотѣлось заказать роскошный капотъ, подбитый такой ватой и послать въ подарокъ моей супругѣ въ знакъ примиренія, зная, что она имѣетъ привычку сидѣть у камина».

По отправкѣ на храненіе своего духовнаго завѣщанія со всѣми требуемыми отъ него формальностями, Полторацкій обратился къ шефу жандармовъ съ просьбою, чтобы ему дозволили самому управлять имѣніемъ безъ опекуна. Послѣ многихъ затрудненій и препятствій, въ особенности со стороны жены, ему удалось получить такое разрѣшеніе. Ѳедоръ Марковичъ какъ бы вновь возродился и ожилъ, съ обычной энергіей принялся за хозяйство и хлопоталъ весь день неутомимо, находясь въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; вечеромъ же по прежнему обыкновенію слушалъ своихъ пѣвчихъ [1]). Но за то утромъ, проснувшись, трудно было ему вставать съ постели; его поднимали и вели подъ руки, или просто несли въ баню, гдѣ сажали въ теплую ванну, терли суконками, руками и иногда употребляли розги; по выходѣ изъ ванны его окачивали холодной водой (все это исполняли молодыя женщины), и послѣ такихъ операцій онъ являлся къ утреннему кофею совершенно бодрый, принималъ доклады отъ своихъ прикащиковъ и конторщиковъ, ничего не забывая, а затѣмъ отправлялся, не смотря ни на какую погоду, за три версты на бумажную

[1]) Нѣкоторые изъ нихъ учились въ Москвѣ у знаменитаго въ то время Варламова. Солисты и хоръ были очень хороши; кромѣ Русскихъ романсовъ они пѣли и изъ Итальянскихъ оперъ, непремѣнно по-итальянски. До сихъ поръ сохранились ноты, гдѣ подъ Итальянскимъ текстомъ слова написаны Русскими буквами рукою Полторацкаго.

фабрику, дѣлалъ тамъ свои распоряженія, причемъ старался найти какую нибудь неисправность, чтобы разсердиться, раскричаться и придти въ волненіе. Онъ самъ сознавался, что эти волненія ему необходимы для подкрѣпленія силъ, а иначе онъ становился вялымъ и слабымъ. Ему было тогда около девяноста лѣтъ.

Однажды мнѣ дали знать, что Полторацкій очень боленъ Пріѣхавши къ нему, я засталъ его умирающимъ: онъ лежалъ въ жару, никого не узнавая; подлѣ него сидѣлъ его крѣпостной цирульникъ (у докторовъ онъ не лѣчился), бывшій при немъ 20 лѣтъ; онъ сообщилъ мнѣ, что Ѳедоръ Марковичъ никогда еще такъ не былъ боленъ и, не смотря на всѣ средства, которыя онъ употребилъ, нѣтъ никакой надежды ни его выздоровленіе. Тогда я распорядился послать эстафету къ женѣ и дѣтямъ его, жившимъ за 200 верстъ въ г. Курскѣ съ извѣстіемъ объ отчаянномъ положеніи Ѳедора Марковича. До ночи просидѣлъ я у постели больнаго; ему прикладывали ледъ къ головѣ, чѣмъ и ограничивалось лѣченіе, но онъ не приходилъ въ себя, и никакого улучшенія не было замѣтно. Утомившись весь день, я отправился спать. Утромъ, проснувшись отъ громкаго говора въ саду и заглянувъ въ окно, я къ крайнему своему изумленію увидалъ Ѳедора Марковича, который бранилъ за какую-то неисправность своего садовника. Когда я встрѣтился съ нимъ, онъ уже принялъ ванну и показался мнѣ совершенно здоровымъ, даже не пожаловался на свою вчерашнюю болѣзнь и съ обычной любезностью поблагодарилъ меня за заботы о немъ, вѣроятно, узнавши отъ людей, что я провелъ весь день и часть ночи у его постели. Ѳедоръ Марковичъ еще не зналъ о моемъ распоряженіи; я долженъ былъ сообщить ему, что, въ виду отчаяннаго его положенія, я рѣшился послать эстафету къ его дѣтямъ и женѣ. Сначала онъ на меня разсердился, но потомъ смягчился, надѣясь увидать своихъ двухъ старшихъ дочерей, уже вышедшихъ изъ института, которыхъ онъ давно не видалъ, но, такъ какъ его пугала встрѣча съ супругой, то онъ попросилъ меня остаться до ихъ пріѣзда; съ этимъ вмѣстѣ сдѣлалъ распоряженіе приготовить для пріѣзжихъ комнаты. Поднялась уборка всего дома; Ѳедоръ Марковичъ самъ вездѣ бѣгалъ и хлопоталъ, не поѣхалъ даже на фабрику, а сердился и волновался дома. Вечеромъ, по обыкновенію, мы слушали пѣвчихъ. Ѳедоръ Марковичъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, но все время не забывалъ о женѣ; шутя, но ехидно, разсказалъ онъ между прочимъ, что она обладаетъ необыкновеннымъ талисманомъ, какого онъ не встрѣчалъ ни въ одной женщинѣ, объясняя и свойство этого талисмана, вслѣдствіе чего онъ не прочь съ ней вновь сойтись. Было смѣшно и забавно слышать отъ девяностолѣтняго старика подобныя пожеланія.

На другой день пріѣхала Полторацкая со своей второй дочерью, Софьей Ѳедоровной. Встрѣча была очень дружелюбная съ обѣихъ сторонъ, не смотря на то, что первыя слова, произнесенныя Елисаветой Францовной: «Какъ, Ѳедоръ-Маркъ не умеръ! Зачѣмъ же насъ выписывали?» произвели непріятное впечатлѣніе на старика, услыхавшаго ихъ. Но ласки дочери смягчили это впечатлѣніе. Я уѣхалъ, оставивъ супруговъ въ самомъ мирномъ настроеніи. На другой день я узналъ, что Елисавета Францовна съ большимъ скандаломъ выѣхала обратно въ Курскъ, поссорившись съ мужемъ за какія-то вышивки, которыя она самовольно вырѣзала изъ пялецъ.

Вскорѣ послѣ неудачнаго свиданія съ супругою Ѳедоръ Марковичъ задумалъ отправиться для развлеченія въ Харьковъ, забравши съ собой хоръ своихъ пѣвчихъ. Великимъ постомъ онъ возвратился и привезъ съ собой знаменитую въ то время провинціальную актрису Л. И. Молотковскую: она должна была обучать драматическому искусству его пѣвчихъ и устраивать театральныя представленія. Однако эта затѣя почему-то не удалась, и Молотковская вскорѣ уѣхала. На слѣдующую зиму Ѳедоръ Марковичъ перебрался со своими пѣвчими въ Одессу, но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то онъ наступилъ и для Ѳедора Марковича Полторацкаго. Онъ скончался въ Одессѣ на 95-мъ году возраста, окруженный только своими пѣвчими, которымъ однако успѣлъ дать вольноотпускныя.

Н. Рѣшетовъ.

ЛЮДИ И ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

I.

Константинъ Павловичъ Пауловичъ.

Въ городѣ Харьковѣ жили и умерли въ 60-хъ годахъ въ глубокой старости супруги: профессоръ Харьковскаго университета Константинъ Павловичъ Пауловичъ и жена его Прасковья Николаевна, урожденная Карпова, вышедшая за Пауловича вторымъ бракомъ будучи вдовою Боярскою. Рѣдко кого можно было встрѣтить изъ мѣстныхъ обитателей, кто бы не зналъ эту чету и не уважалъ почтенныхъ старичковъ Пауловичей. Въ высшемъ Харьковскомъ обществѣ Константина Павловича принимали съ особеннымъ вниманіемъ за его умъ и нравственныя качества, къ тому же онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ. У бывшихъ въ то время генералъ-губернаторовъ, князя Николая Андреевича Долгорукова, а потомъ у генерала Кокошкина онъ былъ принятъ, какъ свой близкій человѣкъ.

При основаніи Харьковскаго университета Константинъ Павловичъ прибылъ изъ Венгріи (родомъ онъ былъ Сербъ), получилъ въ Харьковскомъ университетѣ каѳедру по Римскому праву и читалъ лекціи болѣе 40 лѣтъ. Слушавшіе его студенты любили его за добродушіе и справедливость. Константинъ Павловичъ былъ отчасти оригиналенъ и нѣсколько разсѣянъ; разсказывали напримѣръ, что, когда онъ вышелъ въ отставку, то часто по привычкѣ приходилъ въ университетъ, чтобы читать лекціи, и только тогда замѣчалъ ошибку, когда заставалъ на каѳедрѣ другаго профессора.

Однажды Григорій Ѳедоровичъ Квитка (Грицко-Основьяненко), извѣстный Малороссійскій писатель, пригласилъ на деревенскій праздникъ въ свое имѣніе Основу, находящееся въ близкомъ разстояніи

отъ Харькова, знакомыхъ своихъ, въ томъ числѣ Константина Павловича и его супругу.

Они отправились въ каретѣ. До самой Основы, по дорогѣ, шедшей по глубокому песку, имъ пришлось ѣхать шагомъ. Вѣроятно равномѣрное движеніе экипажа подѣйствовало на Константина Павловича, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Когда карета остановилась у подъѣзда, то вышла всегда поспѣшная Прасковья Николаевна, а ихъ лакей, полупьяный Иванъ, не долго думая, захлопнулъ дверцы. Карета отъѣхала и кучеръ отпрягъ лошадей. Хозяева и знакомые встрѣтили Прасковью Николаевну и, не видя при ней Константина Павловича, стали спрашивать о немъ.

«Да онъ же пріѣхалъ со мной», отвѣчала Прасковья Николаевна. Между тѣмъ проходитъ много времени, а Константинъ Павловичъ не появляется. Желая удостовѣриться въ его пріѣздѣ, растолкали лакея Ивана, который также увѣрялъ, что баринъ пріѣхалъ. Начались поиски въ аллеяхъ, въ саду; но, такъ какъ нигдѣ его не находили, то явилось подозрѣніе, не утонулъ ли онъ въ рѣкѣ Основѣ, протекающей тутъ же въ саду. Словомъ сказать, всѣ пришли въ волненіе. Тогда одному изъ гостей, бывшему студенту, знавшему разсѣянность Константина Павловича, пришла мысль посмотрѣть, не остался ли онъ въ каретѣ. Когда его окликнули, онъ проговорилъ: «А? Что? Пріѣхали?» Ему разсказали, какъ всѣ были встревожены его продолжительнымъ отсутствіемъ, какъ вездѣ его искали, сообщили между прочимъ, что Прасковья Николаевна съ своей стороны настаивала, чтобы поискали его на деревнѣ, куда онъ, по своей склонности къ прекрасному полу, могъ отправиться любоваться на молодыхъ «дивчатъ», пѣсни которыхъ слышались издалека. «Странно, но можетъ быть», отвѣчалъ своей любимой поговоркой Константинъ Павловичъ. «Но, такъ какъ я заснулъ, слѣдовательно не ходилъ на деревню», прибавилъ онъ, какъ бы въ свое оправданіе.

Прасковья Николаевна была всегда очень ревнива. Вопреки своимъ почтеннымъ годамъ (ей было около 80-ти лѣтъ), она была еще свѣжа и здорова. Когда послѣ своего профессорства Константинъ Павловичъ получилъ должность члена совѣта въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ по хозяйственной части, то «бабушка», какъ всѣ ее звали, была этимъ очень недовольна, боясь за нравственность институтокъ, а главное за своего супруга. Нужно сказать, что Прасковья Николаевна не имѣла никакого основанія даже и въ молодые годы подозрѣвать мужа въ невѣрности: въ этомъ отношеніи онъ всегда былъ безупречный мужъ. Но дѣло въ томъ, что Константинъ Павловичъ, по присущей ему откровенности и наивности, считалъ непре-

мѣннымъ своимъ долгомъ сообщать законной своей супругѣ всѣ впечатлѣнія, какія ему приходилось испытывать при встрѣчѣ съ хорошенькими женщинами.

Когда Константинъ Павловичъ былъ профессоромъ въ университетѣ, въ тоже время былъ тамъ другой профессоръ Павловскій. Фамиліи нѣсколько схожія, и у обоихъ были лакеи Иваны. Однажды профессоръ Павловскій послалъ записку къ полицеймейстеру, состоявшему тогда на службѣ исключительно при университетѣ, съ просьбой прислать къ нему сторожей, чтобы взять изъ квартиры разбушевавшагося пьянаго лакея его Ивана и наказать его розгами, что было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ. Полицеймейстеръ, исполняя приказаніе Павловскаго, посылаетъ за его Иваномъ; но сторожа вмѣсто Павловскаго отправляются къ Пауловичу, а, такъ какъ на бѣду Константина Павловича не было дома, то они безъ дальнихъ разговоровъ берутъ Ивана и доставляютъ его къ полицеймейстеру, который объясняетъ ему, что по приказанію его барина онъ долженъ быть наказанъ; затѣмъ, несмотря на энергичные протесты Ивана, ему влѣпили положенное число розогъ. Безвинно наказанный Иванъ, прибѣжавъ домой, куда Константинъ Павловичъ уже возвратился, спрашиваетъ барина, за что онъ приказалъ его наказать, чего прежде никогда съ нимъ не бывало? «Я этого не приказывалъ; ты вѣрно опять сегодня выпилъ лишнее», отвѣчалъ удивленный Константинъ Павловичъ. «Да, помилуйте»; вопилъ Иванъ, «меня такъ вздули, что я до сихъ поръ опомниться не могу; самъ полицеймейстеръ мнѣ сказалъ, что мой баринъ распорядился, чтобы меня отодрали за грубость и за пьянство».—«Странно, но можетъ быть», разсуждалъ Константинъ Павловичъ; но, такъ какъ полицеймейстеръ начальство, то онъ имѣлъ право тебя наказать». Съ этимъ вмѣстѣ однако Константинъ Павловичъ немедленно отправился къ полицеймейстеру за разъясненіемъ недоразумѣнія. Тамъ онъ встрѣтился съ профессоромъ Павловскимъ, который въ свою очередь пришелъ за объясненіемъ, почему не приходятъ взять его бушующаго Ивана. Непріятно удивленный полицеймейстеръ, когда разъяснилось дѣло, обратился къ Константину Павловичу съ извиненіями за происшедшую ошибку. «Да, это точно ошибка, какъ я вижу; но, какъ же ее поправить?» раздумывалъ Константинъ Павловичъ. Возвратившись домой, онъ подробно объяснилъ Ивану, что его выпороли по ошибкѣ сторожей; но, такъ какъ розогъ возвратить нельзя, то онъ находитъ возможнымъ допустить, чтобы Иванъ зачелъ эти розги впередъ за какую-нибудь будущую свою провинность.

Пауловичъ много писалъ. Его сочиненія отличались необыкновенными подробностями и плодовитостью, въ чемъ можно было удо-

стовѣриться по изданнымъ и напечатаннымъ двумъ объемистымъ томамъ, озаглавленнымъ *Путешествіе по Европѣ. Нѣчто о Лондонѣ*». Можно себѣ представить, сколько бы явилось томовъ его сочиненій, если только «*Нѣчто о Лондонѣ*» заняло два тома.

Во время лѣтнихъ каникулъ въ университетѣ Пауловичи имѣли обыкновеніе уѣзжать изъ Харькова за 90 верстъ въ деревню. Ежегодній переѣздъ въ продолженіи 50 лѣтъ туда и обратно совершался довольно патріархально: присылались двѣ пары воловъ, которыхъ запрягали въ карету, куда усаживались господа; для людей была особая воловая фура; всѣ отправлялись въ деревню Березовку, «*въ лоно природы*» какъ выражался Пауловичъ. Странствованіе продолжалось 3—4 дня; иногда они заѣзжали къ знакомымъ; дорогою волы кормились подножнымъ кормомъ; во время остановокъ люди варили въ котелкѣ кулешъ или галушки, господа кушали чай или довольствовались тѣми же кушаньями, прогуливались иногда по «лѣсочку», чтобы нарвать цвѣтовъ или ягодъ, ночевали въ полѣ подъ открытомъ небомъ и только въ случаѣ дождя влѣзали въ карету.

Путешествіе по Европѣ было у Константина Павловича завѣтной мечтой, но она долгое время оставалась невыполнимою единственно потому, что его супруга, будучи на 10 лѣтъ старше, не отпускала его. У нея были на это свои причины, но главная заключалась въ томъ, что она была убѣждена, что заграницей Константинъ Павловичъ развратится и измѣнитъ ей, чего она никакъ не хотѣла допустить. Какъ онъ ни разувѣрялъ, что этого случиться съ нимъ не можетъ, ссылаясь на свои немощи и почтенные года, но старуха слыхала, что за границей и этому горю пособляютъ, поэтому была упорна и настойчива, какъ истая Малоросска. Пауловичу было лѣтъ 70-ть, когда онъ рѣшился, во что бы ни стало, «*сдѣлать вояжъ за границу*», хотя бы то было противъ желанія жены. Въ то время въ Харьковѣ былъ губернскій предводитель князь В. П. Голицынъ (Рябчикъ); онъ-то и взялся устроить путешествіе Константина Павловича. Пользуясь особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Прасковьи Николаевны, онъ уговорилъ ее отпустить супруга съ нимъ только въ Петербургъ. Послѣ долгихъ колебаній согласіе было дано съ непремѣннымъ условіемъ, что она будетъ получать отъ мужа письма еженедѣльно. Такъ какъ отсутствіе князя Голицына предполагалось мѣсяцевъ на 6-ть или болѣе, то Пауловичъ разсчиталъ, что онъ можетъ въ это время побывать во многихъ городахъ Европы и возвратиться къ сроку; а чтобы въ точности исполнить обѣщаніе данное Прасковьи Николаевнѣ, онъ написалъ заранѣе въ Петербургѣ всѣ письма разомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы жена его получала ихъ по одному въ недѣлю; князю

же Голицыну поручилъ отправлять ихъ постепенно одно за другимъ въ извѣстные дни, для чего всѣ письма были сложены въ одну пачку и подобраны по порядку, какъ они должны были быть отправляемы. Въ нихъ подробно описывались Петербургскія впечатлѣнія, смотря по времени года, и разныя предполагаемыя новости. Прасковья Николаевна, хотя и скучала, но была довольна акуратностью мужа и съ удовольствіемъ разсказывала своимъ знакомымъ въ Харьковѣ, какія новости пишетъ ей Константинъ Павловичъ. (Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ). Вдругъ съ письмами Пауловича приключилось *нѣчто* неладное: на письменномъ столѣ у князя Голицына, гдѣ они лежали такъ тщательно подобранными, ихъ кто-то перевернулъ на другую сторону, вслѣдствіе чего Прасковья Николаевна еще въ Декабрѣ мѣсяцѣ получила послѣднее письмо отъ 1-го Мая, изъ котораго узнала, что мужъ ея на дняхъ возвращается въ Харьковъ, чтобы воспользоваться прекрасными Майскими днями и отправиться «*въ лоно природы*», по обыкновенію въ свою Березовку. Такое несвоевременное извѣстіе крайне удивило и поразило Прасковью Николаевну: ей вообразилось, что Константинъ Павловичъ такъ завѣялся въ Петербургѣ, что сошелъ съ ума, почему и пишетъ такія несообразности. Она страшно волновалась и тревожилась, пока наконецъ кто-то изъ знакомыхъ, возвратившись изъ Петербурга, не объяснилъ ей, что тутъ кроется ошибка и что Константинъ Павловичъ выѣхалъ за границу. Во всю свою жизнь Прасковья Николаевна не могла простить мужу его обмана и была увѣрена, что онъ непремѣнно измѣнилъ ей во время своего путешествія по Европѣ. Забавно было слушать, когда по возвращеніи Константинъ Павловичъ разсказывалъ какой-нибудь эпизодъ изъ своего путешествія, при чемъ Прасковья Николаевна перебивала его и поправляла. Тогда Константинъ Павловичъ переставалъ разсказывать и, обращаясь къ ней со своей добродушной улыбкой, говорилъ: «Какъ ты можешь знать лучше меня, когда ты этого не видала?»—«Нѣтъ, нѣтъ», перебивала старуха, «ты все перепуталъ», и передавала иначе. «Странно, но можетъ-быть», соглашался Константинъ Павловичъ.

Прасковья Николаевна пережила своего мужа нѣсколькими годами и умерла, имѣя отъ роду свыше ста лѣтъ, оставаясь до конца въ полной памяти и совершенномъ здоровьи; но ей измѣняли глаза; не помогали и очки. Какъ-то, разсердившись на свою слѣпоту, она сбросила очки и къ удивленію своему замѣтила, что безъ нихъ она видитъ гораздо лучше, такъ что могла свободно читать, чего давно уже была лишена. Бываютъ же такія явленія! По невольѣ вспомнишь любимую поговорку Константина Павловича: «странно, но можетъ быть».

II.

Иванъ Николаевичъ Шидловскій.

Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ Шидловскій опредѣлился на службу въ Петербургъ въ Министерство Финансовъ, гдѣ служилъ недолго. Въ 1840 году онъ вышелъ въ отставку и поселился вмѣстѣ съ матерью и сестрою въ своемъ имѣніи, въ слободѣ Грушевкѣ, Бирючинскаго уѣзда. Личность Ивана Николаевича была во многихъ отношеніяхъ весьма примѣчательна и выдавалась изъ ряда обыкновенныхъ, начиная съ наружности: это былъ очень высокій, красивый мущина, съ прекраснымъ выраженіемъ въ глазахъ, внушавшій къ себѣ, при его свѣтломъ умѣ и хорошемъ образованіи, общее расположеніе. Главное, что привлекало къ нему всѣхъ, было его замѣчательное краснорѣчіе. Онъ былъ идеалистъ, и любимой его темой для разговоровъ служили большою частію предметы отвлеченные; къ тому же онъ былъ поэтъ, писалъ стихи также легко и свободно, какъ говорилъ. Впечатлѣніе, производимое Иваномъ Николаевичемъ на слушателей, дѣйствовало обаятельно, что я самъ на себѣ испыталъ, бывши въ то время 20-тилѣтнимъ юношей. Въ какое бы общество Шидловскій ни являлся, всюду онъ былъ желанный гость: всѣ, и старый и малый, съ удовольствіемъ слушали его задушевные разсказы; дамы же приходили отъ него въ восторгъ, не называя его иначе, какъ «нашъ Златоустъ». Онъ обладалъ удивительной памятью, отлично декламировалъ стихи, былъ страстный поклонникъ Пушкина и многія его стихотворенія зналъ наизустъ. (Онъ говорилъ, что одной изъ главныхъ причинъ, почему онъ отправился на службу въ Петербургъ, было страстное желаніе видѣть Пушкина; но къ великому своему огорченію онъ не засталъ его въ живыхъ, а въ день своего пріѣзда увидалъ Пушкина во гробѣ).

По возвращеніи изъ Петербурга въ деревню Иванъ Николаевичъ Шидловскій часто пріѣзжалъ въ городъ Корочу къ своимъ братьямъ, служившимъ тогда въ Рижскомъ драгунскомъ полку, гдѣ служилъ и я. Его пріѣздъ для насъ молодежи составлялъ праздникъ; на офицерскихъ вечеринкахъ, въ которыхъ принималъ участіе Иванъ Николаевичъ, говорилось не объ однихъ возвышенныхъ предметахъ: остроты, каламбуры такъ и сыпались; тутъ же при всей компаніи слагались имъ стихи, не уступающіе Музѣ Баркова. При этомъ случалась и попойка, отъ которой Шидловскій никогда не отказывался, такъ что мало-по-малу она сдѣлалась для него необходимостью. Живя въ деревнѣ, Иванъ Николаевичъ, къ огорченію своей матери, совсѣмъ не

занимался хозяйствомъ. По временамъ онъ облекался въ странническую одежду, уходилъ изъ дома и посѣщалъ монастыри. Зная хорошо Священное Писаніе и богословіе, онъ увлекалъ монаховъ своими духовными бесѣдами, но при этомъ всегда оканчивалъ обильной выпивкой. Одно время Иванъ Николаевичъ поселился было на жительство въ одномъ изъ монастырей Воронежской губерніи; монахи этого монастыря, не исключая и настоятеля, не довольствуясь положенными красаулями, стали безъ мѣры, въ присутствіи Ивана Николаевича, злоупотреблять спиртными напитками. Тогда Воронежскій архіерей, приписывая такую неумѣренность присутствію Шидловскаго, запретилъ его принимать во всѣ монастыри своей епархіи.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидать Ивана Николаевича при довольно странной, но живописной обстановкѣ; это было весною, раннимъ утромъ, при восходѣ солнца, въ степи, на Муравскомъ шляхѣ, гдѣ стоялъ на границѣ Харьковской губерніи шинокъ *). Подъѣзжая къ нему, я увидалъ толпу крестьянъ, мущинъ и женщинъ, а посреди нихъ человѣка высокаго роста въ странническої одеждѣ, въ которомъ я немедленно узналъ Ивана Николаевича Шидловскаго. Онъ проповѣдывалъ Евангеліе, и толпа благоговѣйно его слушала: мущины стояли съ обнаженными головами, многія женщины плакали. Иванъ Николаевичъ прибылъ изъ своего имѣнія, с. Грушевки, верстъ за двадцать, зная навѣрно, что подлѣ этого шинка всегда найдутся слушатели изъ простаго народа, такъ какъ ему не въ первый разъ случалось бывать тамъ. Окончивши свою проповѣдь, Иванъ Николаевичъ обратился къ собравшимся кругомъ него людямъ со словами: «Православные, восхвалимъ Господа Бога», и запѣлъ зычнымъ голосомъ «Тебя, Бога хвалимъ!...» И толпа ему подтягивала... Не могу сказать, чтобы это былъ стройный хоръ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти собравшіеся люди прошедшую ночь справляли свадьбы; но было что-то умилительное въ этой картинѣ, въ этихъ простыхъ людяхъ, пѣвшихъ съ чувствомъ общую молитву. Подойдя къ Шидловскому, я выразилъ ему свое

*) Въ то время въ Харьковской губерніи была еще вольная продажа водки, а сосѣднія съ ней Воронежская и Курская губерніи по питейной части содержались откупщиками, гдѣ имъ продавалась водка сивернаго качества по шести и болѣе рублей сер. за ведро, тогда какъ въ привилегированныхъ Малороссійскихъ уѣздахъ отличнаго качества водка въ шинкахъ стоила не дороже одного рубля за ведро. Вслѣдствіе этого крестьяне изъ сосѣднихъ селъ и деревень непривилегированныхъ губерній, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ и пить хорошую водку, но при томъ не быть корчемниками, пріѣзжали большими поѣздами и справляли въ ближайшихъ шинкахъ свадьбы на мѣстѣ.

удивленіе, что встрѣчаю его среди толпы въ такой обстановкѣ; но онъ мнѣ восторженно отвѣчалъ на это: «Поучать меньшихъ нашихъ братій Слову Божію есть мое истинное призваніе! Посмотри, какъ довольны и искренни эти добрые люди». Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ въ эту минуту подошелъ одинъ изъ крестьянъ, благодарилъ Ивана Николаевича за его поученія и притомъ умильно просилъ его выпить «посошокъ» на прощанье (такъ какъ всѣ люди, отпраздновавши свадьбы, собрались уѣзжать по домамъ) и поднесъ ему стаканчикъ водки. Не смотря на ранній часъ утра, Иванъ Николаевичъ не отказался отъ предложеннаго.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ Шидловскаго о его Петербургскихъ знакомыхъ, двухъ братьяхъ Достоевскихъ, тогда еще молодыхъ путейскихъ офицерахъ, еще ничѣмъ не заявившихъ себя въ литературѣ; особенно много говорилъ онъ объ одномъ изъ нихъ, именно о Ѳедорѣ Михайловичѣ, предугадывая въ немъ будущую знаменитость. Съ своей стороны Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій не забылъ Шидловскаго: въ своемъ «Дневникѣ Писателя» онъ вспоминаетъ о немъ, какъ о талантливомъ человѣкѣ.

Вотъ нѣсколько стихотвореній Ивана Николаевича Шидловскаго, сохранившихся у меня; они написаны имъ по возвращеніи изъ Петербурга въ деревню до 1843 года. Не вхожу въ оцѣнку этихъ произведеній; скажу только, что назадъ тому 45-ть лѣтъ они съ увлеченіемъ читались и выучивались наизустъ его поклонниками, хотя и тогда казались нѣсколько восторженными, а нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ нихъ, своеобразными, но это приписывалось блистательной фантазіи и оригинальности поэта и выкупалось звучностью и мечтательнымъ направленіемъ въ то время распространеннымъ въ этомъ кругу. Иванъ Николаевичъ Шидловскій умеръ свыше сорока лѣтъ отъ роду.

Изъ стихотвореній И. Н. Шидловскаго.

1.

Покуда мысль моя со мной,
Пока способность восхищаться
Владѣетъ всей моей душой,
Пока надъ истиной святой
Я не могу не забываться;

Пока люблю я красоту,
Пока съ тревогою, съ томленьемъ
Лелѣю страстную мечту,
Пока я вѣрю въ чистоту
Души, съ глубокимъ умиленьемъ;

Пока во мнѣ ясна, жива
Первоверховная идея
Началотворца, Божества:
На счастье есть во мнѣ права,
Живу я жизнью Эмпирея!

Пусть буря страшная извнѣ
Грозитъ бѣдой опустошенья
Въ числѣ другихъ людей и мнѣ:
Въ моей душевной глубинѣ
Довольно яворей спасенья!

Я непремѣнно устою
Въ переворотахъ всякой бури;
Богъ, кормчій мой, стрежетъ ладью;
Звѣзду вожатую мою
Онъ теплитъ явно такъ въ лазури.

Онъ не къ Себѣ-ль ведетъ меня,
Отецъ, всемощный Покровитель?
Дождусь я радостнаго дня:
И вѣчность, время замѣня,
Отворитъ мнѣ свою обитель.

И тамъ, въ сіяющихъ дверяхъ
Меня пріемлющаго рая,
Я оглянусь съ тоской въ глазахъ,
Съ улыбкой скорбной на устахъ,
Проплытый путь благословляя.

И передъ новостью отрадъ
Смущаясь робкою душою,
Проситься вздумаю назадъ,
Прошедшимъ бурямъ стану радъ,
Вздохну о жизни со слезою.

1842, Декабря 6-го.

2.

Куда стремитесь вы, гульливыя станицы
Прозрачныхъ, бланжевыхъ, румяныхъ облаковъ?
Какія дольнія, безвѣстныя границы
Манятъ васъ ласково, какъ мать своихъ птенцовъ?

Вотъ на краю небесъ вы тѣсно состадились,
Остановившися въ раздумьи, и на васъ
Заката яркіе лучи переломились,
Сіяньемъ полося все небо, какъ атласъ.

И рядомъ бронзовымъ роскошныхъ изваяній,
Хитона Божьяго каймою накладной,
Вы мнѣ являетесь, и на крылахъ мечтаній
Я посылаю вамъ привѣтъ любви святой.

Но что сдержало васъ? Надъ чѣмъ глубокой думой
Вы призадумались въ той ясной сторонѣ?
Не надъ Эльвиной-ли, къ кому мой духъ угрюмый
Стремится на яву, стремится и во снѣ?

О разскажите ей палящими громами,
Какъ я люблю ее, какъ мнѣ нужна она,
Чтобы, сродняся съ нею, сродниться съ небесами,
Чтобы въ ея любви сознать себя сполна.

И что горитъ на васъ? Сіяніе-ль денницы,
Иль взоровъ огненныхъ Эльвининыхъ струи,
Тревожныхъ думъ ея чудесныя зарницы,
Душевной молніи несчетные рои?

3.

Звѣзда горитъ на небѣ ясномъ;
Она плѣнительна, нѣжна;
Въ ея сіяніи прекрасномъ
Тоска любви заключена,

Но для чего она сіяетъ,
Того не вѣдаетъ сама.
Не Богъ ли въ ней землѣ являетъ
Маякъ и чувства, и ума?

Что ждетъ ее? Съ какою цѣлью,
Какой ей путь на небѣ данъ?
Ее пучиной или мелью
Искуситъ горній океанъ?

Или сама собой скучая,
Она сорвется, упадетъ,
Какъ съ глазъ Творца слеза святая,
И въ нашемъ мракѣ пропадетъ.

4.

О, для чего Тебя послалъ мнѣ Богъ?
Что онъ сказалъ душѣ моей тобою?
Ты, дивная, не новый ли залогъ
На счастіе за дверью гробовою?

Довѣрчиво со мной сошлася ты
И назвала меня прозваньемъ дивнымъ,
И вкругъ тебя сплелись мои мечты
Съ волненіемъ и съ жаромъ непрерывнымъ.

Но станетъ ли, о ангелъ мой, тебя?
Вѣдь я волканъ! Огонь—моя стихія!
Захочешь ли, возможешь ли, любя,
Отвергнуть всѣ влеченія другія?

Я чувствовать иначе не могу,
Я не могу предаться вполовину:
Объятіемъ какъ молніей сожгу,
Лобзаніемъ изъ груди сердце выну...

О, полюби-жъ, не думая куда
Насъ поведетъ сочувствіе святое.
Что жизнь и смерть? Какая въ нихъ нужда?
И здѣсь и тамъ насъ двое, вѣчно двое!

5.

Буря воетъ, громъ грохочетъ,
Небо вывалиться хочетъ;
По крутымъ его волнамъ
Пляшетъ пламя тамъ и сямъ;
То дробясь въ движеньи скоромъ,
Вдругъ разбрызнется узоромъ,
То исчезнетъ, то опять
Станетъ рыскать и скакать.

Ахъ, когда-бъ на крыльяхъ воли
Мнѣ изъ жизненной юдоли
Въ небеса откочевать,
Въ тучѣ мѣсто отобрать,
Тамъ вселиться, и порою
Прихотливою рукою
Громы чуткіе будить
Или съ Богомъ говорить!..

6.

Ни разстояніе, ни время
Все раздѣляя, все губя,
Моей любви святое бремя
Отвлечь не властно отъ тебя.

Моя душа ничто иное,
Какъ слѣдъ твой яркій, слѣдъ живой,
Твое присутствіе земное
Обозначающій собой.

Она, какъ коршунъ плотоядный,
Паря надъ жертвою его,
Повсюду ловитъ думой жадной
Мигъ пребыванья твоего.

III.

Сергѣй Михайловичъ Карповъ.

Въ своемъ имѣніи, с. Шорстовѣ, въ Старо-Оскольскомъ уѣздѣ, жилъ извѣстный толстякъ-помѣщикъ Сергѣй Михайловичъ Карповъ, умершій въ началѣ 50-хъ годовъ, лѣтъ шестидесяти отъ роду. Кромѣ необыкновенной тучности, онъ обладалъ чудовищнымъ апетитомъ: ѣлъ онъ въ огромномъ количествѣ всякую снѣдь, на удивленіе всѣхъ его знавшихъ. При этомъ Карповъ былъ отличный разсказчикъ, балагуръ, шутилъ надъ своей толщиной и обжорствомъ, и иногда острилъ и не на свой счетъ, но всегда умно и необидно, за что всѣ его любили. Для удовлетворенія своего апетита Сергѣю Михайловичу, къ несчастію, часто приходилось занимать деньги: доходовъ съ имѣнія не хватало ему на хорошую и обильную ѣду. Всѣ его знавшіе утверждали, что онъ проѣлъ все свое состояніе, бывшее когда-то очень хорошимъ.

Когда Карповъ прибылъ въ Москву, чтобы заложить въ Опекунскомъ Совѣтѣ имѣніе, то ему поневолѣ приходилось обращать на себя вниманіе: какъ только выходилъ онъ изъ гостинницы на улицу, его немедленно окружала толпа любопытныхъ, желавшихъ поглядѣть на чудовищнаго толстяка. Чтобы избавиться отъ толпы, онъ обращался къ извощикамъ, но и тутъ встрѣчалъ препятствіе: осмотрѣвши сѣдока, извощики отказывались сажать его и опасались за цѣлость экипажа. Къ счастію, Карповъ пріѣхалъ изъ деревни въ своемъ испытанной прочности тарантасѣ; этотъ тарантасъ и служилъ ему для передвиженія по Москвѣ.

Въ то время въ Москвѣ славился Ново-Троицкій трактиръ по необыкновенно-большимъ порціямъ, такъ что одинъ обѣдъ вполнѣ удовлетворялъ двоихъ; туда-то на первый разъ и отправился Сергѣй Михайловичъ покушать. Посмотрѣвъ карточку, онъ приказалъ подать полный обѣдъ; окончивши его, потребовалъ другой съ начала; второй также былъ поглощенъ; когда же дошла очередь до третьяго, который уничтожался съ такой же быстротой, какъ и первые два, то всѣ бывшіе въ трактирѣ съ любопытствомъ окружили Карпова. Между ними находился и хозяинъ трактира; онъ почтительно предложилъ Сергѣю Михайловичу не платить за обѣды, но просилъ его жаловать къ нему обѣдать каждый день въ извѣстный часъ все время, пока онъ пробудетъ въ Москвѣ. Карповъ съ охотою согласился на такое безкорыстное предложеніе со стороны хозяина и акуратно посѣщалъ трактиръ. Конечно, трактирщикъ не остался въ убыткѣ: быстро разнесся по Москвѣ слухъ о невиданномъ толстякѣ, публика повалила въ трактиръ къ извѣстному часу, чтобы посмотрѣть на него. Карповъ былъ со всѣми любезенъ и разговорчивъ, шутилъ и острилъ по своему обыкновенію, чѣмъ доставлялъ двойное удовольствіе посѣтителямъ.

Фигура Карпова была необыкновенно оригинальна, въ особенности животъ, такъ что на ходу онъ никакъ не могъ видѣть своихъ ногъ, но съ этимъ вмѣстѣ двигался быстро и скоро; всѣ встрѣчавшіеся ему на пути люди по невольному побужденію давали ему широкую дорогу и смотрѣли на него, какъ на огромный, катящійся шаръ. Къ холоду онъ былъ не очень чувствителенъ, но лѣтомъ иногда простуживался: его донималъ въ жаркое время обильный потъ; вообще онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, лишь бы апетитъ его былъ удовлетворенъ.

Однажды, въ проѣздъ черезъ городъ Курскъ императрицы Александры Ѳеодоровны, Карповъ находился въ толпѣ, стоявшей передъ квартирою Императрицы. Выйдя на балконъ и замѣтивъ необыкновеннаго толстяка, Государыня пожелала посмотрѣть на него поближе и, узнавъ, что это Курскій помѣщикъ, приказала позвать его къ себѣ. Карповъ не замедлилъ явиться и, съ свойственной ему находчивостью, успѣлъ заинтересовать Императрицу своими разсказами, между прочимъ о томъ, какъ онъ много ѣстъ и что состояніе его приходитъ вслѣдствіе этого въ полное разстройство. Онъ разсчитывалъ, быть можетъ, на царскую щедроту. Однако его ожиданія не сбылись: Государыня дозволила ему только поцѣловать свою ручку.

IV.

Ссора сосѣдей.

Въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Коншинѣ, протянувшемся на нѣсколько верстъ по рѣчкѣ, находилось сряду нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ. Ближайшими сосѣдями между собой были вдова Марьяна Петровна Тинькова *) и Ѳедоръ Петровичъ Волковъ, помѣщикъ покрупнѣе. Всѣ поля Волкова находились по другую сторону рѣчки, а проѣздомъ къ нимъ служила плотина, принадлежавшая г-жѣ Тиньковой. Волковскіе крестьяне постоянно проѣзжали по ней безпрепятственно, пока между сосѣдями, какъ говорится, не пробѣжала черная кошка. Желая какъ нибудь насолить сосѣду, Марьяна Петровна вздумала запретить крестьянамъ Волкова ѣздить черезъ свою плотину, а между тѣмъ имъ какъ разъ пришло время сѣять поля, и когда они намѣревались, по обыкновенію, переѣхать черезъ плотину, то были остановлены людьми г-жи Тиньковой, которымъ дано было приказаніе не пропускать Волковскихъ людей. Объ этомъ затрудненіи тотчасъ же дали знать Ѳедору Петровичу. Онъ счелъ нужнымъ явиться лично и уже засталъ на плотинѣ самоё Марьяну Петровну въ воинственномъ настроеніи и оборонительномъ положеніи. Начинаются переговоры. Г-жа Тинькова не уступаетъ и категорически заявляетъ г-ну Волкову, что ни его, ни его мужиковъ черезъ свою плотину она не пропуститъ. Ѳедоръ Петровичъ, человѣкъ по виду скромный и тихій, старается миролюбиво объяснить ей, что онъ и его люди не птицы—летать не могутъ. Марьяна Петровна не внемлетъ никакимъ возраженіямъ и стоитъ на своемъ правѣ: «земля моя, не пущу, да и только!» Послѣ долгихъ пререканій Волковъ отдаетъ рѣшительное приказаніе своимъ людямъ ѣхать по плотинѣ. Какъ только они двинулись, Марьяна Петровна, довольно плотная дама, съ вытянутыми руками бросается на землю поперекъ довольно узкой плотины, такъ что не остается мѣста для проѣзда,—путь загражденъ! Волковъ, встрѣтивъ естественное препятствіе, распоряжается передвинуть Марьяну Петровну къ сторонкѣ вдоль плотины и попридержать на мѣстѣ, какъ она была въ лежачемъ положеніи. Напрасны были ея крики, что она дворянка и что никто къ ней не смѣетъ прикасаться; сила беретъ свое: приказаніе Волкова немедленно исполняется, путь очищенъ, и мужики благополучно проѣзжаютъ съ сохами и боронами, не задѣвая лежавшей.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1885 г., III, стр. 276: „Эпизоды при введеніи положенія 19 Февраля“.

Что было дѣлать беззащитной вдовѣ? Коварный сосѣда побѣдилъ ее на собственной землѣ. Находясь въ сильномъ волненіи и раздраженіи, Марьяна Петровна однако не потерялась: она немедленно поѣхала къ уѣздному предводителю просить заступничества, съ жалобою на г-на Волкова за содѣянныя насилія и чуть ли не убійство. Она явилась въ такомъ же разстроенномъ костюмѣ, какъ была на плотинѣ, и, чтобы болѣе возбудить къ себѣ сожалѣніе, съ испачканымъ лицомъ, казавшимся какъ бы избитымъ.

Зная нѣсколько крутой нравъ вдовы Марьяны Петровны Тиньковой, я пожелалъ узнать отъ г-на Волкова, что онъ скажетъ въ свое оправданіе. Ѳедоръ Петровичъ объяснилъ это происшествіе нѣсколько иначе, при чемъ находилъ въ жалобѣ много преувеличеній, хотя сознавался, что, когда почтенная Марьяна Петровна легла поперекъ плотины, то онъ приказалъ своимъ людямъ бережно переложить ее къ сторонкѣ, вдоль плотины, чтобы дать свободный проѣздъ крестьянамъ, почему въ костюмѣ Марьяны Петровны могло произойти нѣкоторое разстройство, такъ что чепчикъ, бывшій на головѣ, сбился на бекрень; но онъ, Ѳедоръ Петровичъ, со своей стороны, а также его люди, никакихъ побоевъ не наносили, сдѣлали же это передвиженіе по необходимости, чтобы не упустить времени посѣва.

Я старался склонить враждующія стороны къ примиренію, но его не послѣдовало за несогласіемъ г-жи Тиньковой, которая находила это преступленіе уголовнымъ, какъ посягательство на ея жизнь, а потому и подала просьбу въ Уѣздный Судъ о тяжкихъ истязаніяхъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ей г-мъ Волковымъ не словами, а дѣйствіемъ.

Долго разсматривалось и тянулось это дѣло въ Ново-Оскольскомъ Уѣздномъ Судѣ; производились слѣдствія, неоднократныя дознанія; но для суда необходимы были свидѣтельскія показавія о фактахъ, заявленныхъ г-жей Тиньковой, которыхъ никакъ не могли добыть, такъ какъ свидѣтели этого происшествія были исключительно крѣпостные люди съ той и съ другой стороны, которымъ по закону запрещалось давать показанія на судѣ за и противъ своихъ господъ. Судъ, постановляя рѣшеніе, нашелъ только въ отвѣтахъ г-на Волкова выраженія «чепчикъ на бекрень», которое онъ употребилъ на бумагѣ, не совсѣмъ почтительнымъ въ отношеніи дворянки Тиньковой, но статьи подходящей въ Сводѣ Законовъ для наказанія Волкова не нашлось, а потому опредѣлилъ: сдѣлать Волкову замѣчаніе за употребленное имъ выраженіе, а дѣло сдать въ архивъ, гдѣ оно и до сихъ поръ покоится для будущихъ историковъ.

V.

Сдача рекрута.

Въ рекрутскомъ присутствіи въ городѣ Старомъ-Осколѣ, гдѣ я находился предсѣдателемъ, мнѣ доложили, что меня спрашиваетъ одна дама, именно полковница Ч.....на. Не имѣя въ помѣщеніи особой пріемной, я вышелъ къ ней въ единственную свободную комнату, прихожую, гдѣ дожидалась полковница. Я увидалъ передъ собой женщину среднихъ лѣтъ съ восточнымъ типомъ лица и выразительными черными глазами; она заявила, что желаетъ поставить рекрута въ зачетъ, чтобы получить квитанцію. Это право предоставлялось только мелкопомѣстнымъ дворянамъ, т.-е. владѣвшимъ менѣе 20 душъ крѣпостныхъ. Такіе владѣльцы по закону освобождались отъ поставки рекрутъ въ очередные наборы, но они могли отдавать своихъ людей въ рекруты во всякое время (для чего при Казенныхъ Палатахъ существовали постоянныя рекрутскія присутствія), получая за нихъ квитанціи, за которыя казна уплачивала по 300 рублей; эти же квитанціи продавались казною желающимъ освободиться отъ военной службы, состоящимъ на очереди, гораздо дороже, такъ что отъ того получался значительный доходъ.

Полковница объяснила мнѣ, что всѣ справки и бумаги у нея въ наличности, но только рекрутъ ея числится въ ревизскихъ сказкахъ по другой губерніи. Такъ какъ закономъ дозволялось принимать такихъ рекрутъ и изъ другихъ губерній, то я изъявилъ согласіе на пріемъ, вслѣдствіе чего она просила немедленно приступить къ освидѣтельствованію, и при этомъ присовокупила убѣдительнѣйшую просьбу дозволить ей лично присутствовать во время осмотра. Такое желаніе мнѣ показалось нѣсколько страннымъ въ томъ отношеніи, что вводятъ рекрутъ въ присутствіе совершенно нагихъ. Я старался увѣрить ее, что безъ всякаго сомнѣнія рекрутъ будетъ принятъ, если годенъ, такъ что ея личное присутствіе будетъ совершенно лишнее. «Ахъ, вы не знаете, какой это мошенникъ на всѣ штуки!» воскликнула полковница. «Онъ будетъ корчиться, притворяться, выдумывать себѣ какую нибудь болѣзнь, и его забракуютъ, какъ и было уже съ нимъ въ Воронежскомъ присутствіи, а при мнѣ онъ не посмѣетъ этого сдѣлать». Я еще ничего не успѣлъ отвѣчать на ея возраженія, какъ услышалъ сзади себя чей-то гробовой голосъ: «Не безпокойтесь, сударыня: послѣ такого житья, какое мнѣ было у васъ, я не стану ни корчиться, ни притворяться, а самъ буду просить присутствіе взять меня въ солдаты».

Оказалось, что г-жа Ч..... явилась не одна, а въ сопровожденіи своего лакея въ ливреѣ, державшаго въ рукахъ ея салопъ; онъ-то

и назначался въ рекруты. Черезъ десять минутъ онъ былъ принятъ; но полковницѣ не было дозволено присутствовать при осмотрѣ; она оставалась въ прихожей, съ волненіемъ ожидая услышать пріятное для нея слово «лобъ».

VI.

Избранныя слова.

Въ городѣ Новомъ-Осколѣ проживала въ своемъ домикѣ помѣщица изъ мелкопомѣстныхъ, вдова-маіорша Екатерина Антоновна Останевичъ. Она была замѣчательна тѣмъ, что обыкновенныя слова въ разговорѣ старалась замѣнять другими, по ея понятіямъ болѣе приличными; такъ напримѣръ: желая узнать у сосѣдки, много ли ея куры нанесли яицъ, она спрашивала: «Какой у васъ нынѣшній годъ урожай куриныхъ фруктовъ», считая почему-то неделикатнымъ слово «*яица*»; никогда не говорила слова «*стекло*», а всегда замѣняла его словомъ «*фрусталь*», хотя при этомъ хорошо сознавала, что слѣдуетъ сказать «*хрусталь*», но, такъ какъ считала букву «*херъ*» неприличной, то всегда замѣняла ее буквой «*фертъ*», вслѣдствіе чего «*хвостъ*» называла «*фостъ*», а ея собственный «*хуторъ Свистовка*» именовался «*футоръ Свистовка*». При произнесенномъ словѣ «*мельница*», водяная или вѣтряная, существовавшихъ на ея хуторѣ, она обыкновенно конфузилась, краснѣла и говорила: «Это мукомольни!» Такимъ образомъ измѣнялось, или замѣнялись у нея другими, множество словъ, что давало иногда всей фразѣ совершенно другой смыслъ, вслѣдствіе чего выходили смѣшныя недоразумѣнія. Кромѣ сего Екатерина Антоновна старалась говорить цвѣтистымъ слогомъ, даже о погодѣ; когда случалась дурная погода, она выражалась: «Какая сегодня коловратная погода!» О хорошей же выражалась кратко: «У насъ сегодня зефиръ-погода!» Когда ей приходилось попросить у кого-нибудь понюхать табаку, къ которому она по временамъ прибѣгала ради аристократизма, въ этомъ случаѣ у нея изливалась слѣдующая заученая фраза: «Позвольте оконечностямъ моихъ перстовъ вкрасться въ вашу табачную западню, дабы почерпнуть этого мельчайшаго порошка для возбужденія моего гумора».

Г-жа Останевичъ говорила всегда съ особенной интонаціей въ голосѣ, нѣсколько въ носъ, полагая, что такъ должны говорить аристократы; аристократкой же считала себя потому, что ея родной братъ Курдюмовъ («ея кумиръ», какъ она говорила), служившій въ драгунахъ, какъ хорошій фронтовикъ, попалъ въ образцовый полкъ, гдѣ за отличную верховую ѣзду и знаніе службы сдѣлался любимцемъ

великаго князя Михаила Павловича, былъ долгое время командиромъ образцоваго кавалерійскаго полка и дослужился до генеральскаго чина. Близкое родство съ генераломъ давало право сестрѣ воображать себя вполнѣ аристократкой и равсказывать своимъ уѣзднымъ знакомымъ, что̀ дѣлается при дворѣ, о чемъ, будто бы, пишетъ къ ней ея братъ; мечтала она даже о томъ, что дочери ея могутъ попасть во фрейлины. Мнѣ какъ-то разъ случилось встрѣтиться съ Екатериной Антоновной по возвращеніи моемъ изъ Петербурга у нашихъ общихъ знакомыхъ; при моемъ входѣ она стремительно подошла ко мнѣ съ реверансомъ и вопросомъ: «Прежде всего позвольте узнать, какъ здоровье Государя Императора?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, она спросила съ особеннымъ выраженіемъ, видѣлъ ли я ея брата. Я отвѣчалъ, что можетъ быть и видѣлъ его въ числѣ генераловъ на парадѣ, на который случайно попалъ, но достовѣрно сказать этого не могу, такъ какъ съ нимъ не знакòмъ. «Ахъ, Боже мой», воскликнула Екатерина Антоновна, «какой *пронзительный пассажъ*! Вѣдь я ему писала, что вы будете въ Петербургѣ; вамъ стоило только пріѣхать къ нему и сказать, что вы меня знаете, и онъ нашелъ бы случай представить васъ ко двору: мнѣ хорошо извѣстно, что онъ находится въ большихъ *интимностяхъ* съ его высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; между нами сказать, они даже *на короткой ногѣ*».

Несмотря на свои немолодые годы, г-жа Останевичъ чувствовала себя свѣжей и интересной, одѣвалась въ платья яркихъ цвѣтовъ и любила съ увлеченіемъ танцовать легкіе танцы въ одно время со своими взрослыми дочерьми. Она разсказывала, что въ молодости увлекалась чтеніемъ страстныхъ романовъ; но, такъ какъ они вліяли на ея *кровообращеніе*, то она обратилась къ возвышенной поэзіи и читала исключительно стихи, «чтобы быть ближе къ природѣ», объясняла она. Своихъ дочерей заставляла она учить стихи наизустъ. Мнѣ довелось слышать однажды при лунномъ свѣтѣ декламацію ея дочери изъ Лермонтовскаго «Демона»; при нѣкоторыхъ сценахъ мать приходила въ неописанный восторгъ, бросалась цѣловать дочь, но при этомъ говорила: «Берегись демоновъ, это мущины!»

Между многими особенностями Екатерина Антоновна отличалась страстью къ скипидару; она приписывала ему чудодѣйственную силу для здоровья, а главное для сохраненія красоты, свѣжести и молодости. Не говоря уже о томъ, что всѣ полы и мебель въ ея домѣ были смазаны скипидаромъ, она употребляла его во всевозможныхъ видахъ: принимала въ капляхъ, мазалась имъ и умывалась скипидарной водой, тоже заставляла дѣлать и дочерей, чтобы быть свѣжими и неувядаемыми, показывая примѣръ на себѣ, какъ хорошо она сохранилась.

Барышни ея были дебелыя, и ихъ хорошенькія, свѣженькія личики доказывали, что онѣ дѣйствительно пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ, что̀, разумѣется, приписывалось дѣйствію «*талисмана-скипидара*».

Несмотря на скипидарный запахъ въ домѣ Екатерины Антоновны, уѣздная молодежъ съ удовольствіемъ стремилась попасть на ея *журъкниксы*, гдѣ между прочимъ запрещалось играть въ карты, но дозволялись только *благородныя игры и пріятные танцы*, причемъ вначалѣ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія: вопервыхъ, уѣздные кавалеры не были обучены танцовальному искусству, а вовторыхъ негдѣ было достать музыки. Но мало по-малу затрудненія эти устранились, благодаря заботливости и любезности хозяйки: ею же самой кавалеры были обучены разнымъ танцамъ подъ молчанку, или подъ припѣвъ голосовъ танцующихъ. Но вскорѣ и послѣднее препятствіе уничтожилось съ появленіемъ въ городѣ вновь назначеннаго землемѣра, только что выпущеннаго изъ училища. Онъ былъ маленькаго роста, но шустрый и обладавшій музыкальными способностями, хотя не игравшій ни на какомъ извѣстномъ инструментѣ; тѣмъ не менѣе онъ былъ вполнѣ артистъ; правда, инструментъ его не имѣлъ музыкальнаго назначенія, такъ какъ это былъ простой гребешокъ съ продѣтыми между его зубьями бумажками: приставляя гребешокъ къ губамъ, артистъ выводилъ *гармонію звуковъ*; вальсы, кадрили, мазурки наигрывались *очаровательно*, и общество танцовало подъ звуки эти *даже съ тактомъ*», какъ говорила восхищенная Екатерина Антоновна.

Этому-то артисту-землемѣру суждено было, по словамъ г-жи Останевичъ, «*сдѣлаться демономъ*»: своимъ музыкальнымъ искусствомъ и аристократическими манерами онъ не только обратилъ вниманіе матери, но даже покорилъ сердце красивой ея дочери, читавшей стихи: они сочетались законнымъ бракомъ. Говорили, что скипидаръ и въ этомъ случаѣ оказалъ на землемѣра чудодѣйственную силу, превратившись въ «*фіалъ любви*» по любимому выраженію матушки.

Николай Рѣшетовъ.

ЛЮДИ И ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

VII. Михаилъ Александровичъ Офросимовъ.

Когда Михаилъ Александровичъ Офросимовъ былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, двери его дома были открыты для всѣхъ, кто имѣлъ въ немъ какую бы то ни было надобность. Съ этимъ вмѣстѣ онъ держалъ себя необыкновенно просто, входилъ въ положеніе каждаго просителя и старался быть ему полезенъ: это былъ вполнѣ добрый и благонамѣренный Русскій человѣкъ, всѣми любимый и уважаемый.

Однажды М. А. Офросимовъ пожелалъ посѣтить Дворянскій клубъ, гдѣ онъ состоялъ, какъ генералъ-губернаторъ, почетнымъ членомъ. Старшины клуба были предувѣдомлены объ его намѣреніи и, желая доставить ему что либо пріятное, пригласили въ клубъ на этотъ вечеръ изъ оперной труппы пѣвца Владиславлева, обладавшаго въ то время прекраснымъ голосомъ. Владиславлевъ съ чувствомъ пропѣлъ романсъ, когда-то сочиненный Михаиломъ Александровичемъ и положенный на музыку Алябьевымъ. Такое вниманіе со стороны старшинъ, а главное самъ романсъ, видимо напомнившій М. А. Офросимову давно прошедшее, привели его въ восторгъ, и на глазахъ у него показались слезы; онъ всѣхъ горячо благодарилъ и многихъ цѣловалъ за сочувствіе къ нему.

Считаю не безъинтереснымъ помѣстить слова романса, тѣмъ болѣе, что въ свое время между любителями онъ имѣлъ большой успѣхъ и въ музыкальномъ отношеніи.

Коварный другъ, но сердцу милый,
Я далъ обѣтъ забыть твой ковъ,
Мои мечты, мою любовь,
Забыть все то, что̀ въ жизни льстило!

*) См. выше, стр. 221.

Молилъ тебя не нарушать
Отрадный міръ уединенья;
Но ты, жестокая, опять
Мои тревожишь сновидѣнья!
Когда любви моей святой
Тебѣ внимать не приказали:
Оставь меня скорбѣть душой;
Ты не поймешь моей печали!

Этотъ романсъ имѣлъ свою исторію по разсказамъ самого Офросимова. Когда-то въ молодости, Михаилъ Александровичъ былъ влюбленъ въ дѣвушку изъ высшаго общества; замѣчая и въ ней склонность, онъ сдѣлалъ предложеніе; но родители ея отказали ему, тогда только капитану, потому что, кромѣ службы, онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. Михаилъ Александровичъ съ горечью въ сердцѣ перенесъ отказъ, и у него вылился изъ глубины души этотъ сердечный романсъ. Черезъ нѣкоторое время М. А. Офросимовъ сдѣлалъ предложеніе другой дѣвушкѣ изъ купеческой среды, а съ этимъ вмѣстѣ неожиданно получилъ большое наслѣдство въ тысячу душъ крестьянъ и при нихъ отличное имѣніе. Узнавъ о наслѣдствѣ, родители перваго предмета его любви были не прочь выдать за Офросимова свою дочь, о чемъ и было ему стороною сообщено; но, несмотря на свою страстную любовь, Михаилъ Александровичъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго имъ второй невѣстѣ, женился на ней и жилъ съ ней счастливо.

Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ М. А. Офросимова и былъ къ нему особенно внимателенъ. Сослуживцы Офросимова разсказываютъ, что, когда онъ командовалъ гвардейской дивизіей, то однажды Николай Павловичъ былъ особенно доволенъ смотромъ этой дивизіи. По окончаніи ученія Государь подъѣхалъ къ Офросимову, благодарилъ его за службу и между прочимъ милостиво сказалъ: «Дай мнѣ поцѣловать твою мордочку»... и потянулся исполнить свое желаніе; но случилось, что у Офросимова растегнулись въ то время чешуйки подъ каскою, а такъ какъ ему хотѣлось быть по формѣ, то онъ въ волненіи торопился застегнуть ихъ и (какъ это обыкновенно случается при такой спѣшности) ему не удавалось это скоро исполнить, чрезъ что поцѣлуй замедлился и могъ выйти неудачнымъ, въ особенности, если принять въ соображеніе, что Государь и генералъ были верхами, и лошади ихъ не стояли покойно. Тогда Николай Павловичъ милостиво повторилъ: «Да цѣлуй же!» Эта сцена не прошла незамѣченной для всѣхъ бывшихъ на смотру и еще болѣе убѣдила окружающихъ въ расположеніи Государя къ Офросимову.

Михаилъ Александровичъ Офросимовъ не долго оставался Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Неожиданно для Москвичей онъ получилъ другое назначеніе—состоять при особѣ Его Величества-Императора Александра Николаевича *); но вскорѣ Офросимовъ заболѣлъ и умеръ, оставивъ послѣ себя самыя искреннія воспоминанія для всѣхъ его знавшихъ. Мѣсто его занялъ генералъ-адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

VIII. Петръ Ивановичъ Фроловъ.

Бывшій Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, во время своего управленія, поступалъ иногда съ нѣкоторыми Московскими обывателями не только безъ всякихъ церемоній (хотя его и называли въ шутку «Китайцемъ»), но самымъ деспотическимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, одного моднаго дамскаго парикмахера-Француза онъ приказалъ высѣчь розгами и выслать изъ Москвы за то, что онъ продавалъ дамамъ какіе-то механическіе аппараты, не совсѣмъ идущіе къ туалетнымъ принадлежностямъ. Такъ распорядился онъ съ Французомъ. Но въ Москвѣ жилъ небогатый отставной флотскій офицеръ Петръ Ивановичъ Фроловъ; этого самаго Фролова Закревскій сослалъ административнымъ порядкомъ въ городъ Колу, Архангельской губерніи, объявивъ ему, что онъ ссылается за излишнюю болтовню. Самъ по себѣ Фроловъ былъ очень пріятный собесѣдникъ, умѣвшій мѣтко поострить, къ тому же дамскій угодникъ. Онъ былъ принятъ во многихъ домахъ, куда являлся большею частію къ обѣду; но его ни въ какомъ случаѣ нельзя было заподозрить въ политической неблагонадежности, а скорѣе можно было причислить къ квасным патріотамъ того времени, въ родѣ: «Мы молъ, шапками закидаемъ»... и т. п. Москвичи, знавшіе Фролова, были удивлены такимъ строгимъ распоряженіемъ генералъ-губернатора и объясняли его личнымъ недоброжелательствомъ графа Закревскаго къ Фролову, который иногда, ради красна словца, между знакомыми, указывалъ на смѣшныя стороны графа и чуть ли не первый прозвалъ его «Китайцемъ».

Въ ссылкѣ Фроловъ пробылъ года два. По возвращеніи, уже въ послѣдствіи, когда графа Закревскаго уволили, Фроловъ началъ часто бывать у него; его радушно принимали и съ удовольствіемъ слушали его *болтовню*, за которую когда-то онъ такъ дорого поплатился, и

*) Эта внезапная перемѣна назначенія, глубоко огорчившая Офросимова, была въ связи съ тогдашними политическими затѣями нѣкоторыхъ Москвичей (графа А. С. Уварова и другихъ), осмѣянными въ стихахъ Соболевскаго (см. „Р. Архивъ“ 1881. II, 494). П. Б.

разсказы о томъ, что̀ дѣлается по Москвѣ, такъ что въ скоромъ времени Фроловъ сдѣлался у графа Закревскаго домашнимъ человѣкомъ. Иногда Петръ Ивановичъ говаривалъ въ шутку, что онъ придумываетъ, какъ бы отомстить графу за свою ссылку въ Колу, на что̀ графъ съ любезностью отвѣчалъ, что онъ уже убѣдился, какой Петръ Ивановичъ истинный христіанинъ, такъ какъ платитъ за зло добромъ.

Между тѣмъ графъ Закревскій отправился за границу; поѣхалъ туда по обыкновенію и Фроловъ. Они встрѣтились, кажется, во Флоренціи, гдѣ Закревскій вскорѣ умеръ. Жена и дочь покойнаго пожелали похоронить его въ Россіи, въ имѣніи его Ивановскомъ, Подольскаго уѣзда, близъ Москвы; но сами они сопровождать его тѣло не рѣшились, а упросили Петра Ивановича Фролова принять на себя этотъ трудъ—доставить гробъ по мѣсту назначенія и похоронить, какъ слѣдуетъ. Сдѣланы были надлежащія распоряженія, и Петру Ивановичу выданы деньги на дорожные расходы. Доѣхавъ до Берлина, Фроловъ остановился въ лучшей гостиницѣ и зажилъ на широкую ногу, благо въ гостинницѣ узнали, что онъ сопровождаетъ хотя и мертвую, но важную персону, вслѣдствіе чего исполняли всѣ его требованія. Можетъ быть, Фролову вспомнилось его житье-бытье въ Колѣ, гдѣ онъ холодалъ и голодалъ; ему захотѣлось въ Берлинѣ вознаградить себя хотя временнымъ комфортомъ, и онъ зажилъ въ свое удовольствіе. Черезъ недѣлю-другую оказалось, что данныхъ ему графинею Закревской денегъ остается слишкомъ мало, чтобы доѣхать до Россіи, да вдобавокъ онъ еще задолжалъ въ гостинницѣ. Тогда Фроловъ вошелъ въ соглашеніе съ гостинникомъ, предложивъ ему взять въ залогъ гробъ съ тѣломъ графа Закревскаго и съ накладными при немъ документами, какъ вѣрное обезпеченіе въ исправномъ платежѣ. Сдѣлка состоялась; залогодержатель обязанъ былъ еще выдать нѣкоторую сумму денегъ для его отправленія въ Россію. Еще до выѣзда своего изъ Берлина Фроловъ, желая быть аккуратнымъ, увѣдомилъ графиню Закревскую, что его нервы и финансы такъ разстроились, что далѣе сопровождать тѣло своего друга — ея мужа онъ не можетъ, о чемъ съ сокрушеннымъ сердцемъ спѣшитъ ее увѣдомить, чтобъ она приняла свои мѣры. Разумѣется, графинѣ Закревской ничего болѣе не оставалось, какъ поспѣшить выкупить дорогой для нея залогъ.

Узнавъ объ этомъ казусѣ, многіе знакомые Фролова, шутя, спрашивали его, не изъ мщенія ли онъ заложилъ графа Закревскаго въ Берлинѣ, такъ какъ прежде слыхали о его намѣреніи отомстить когда-нибудь графу за ссылку. Но Фроловъ отрицалъ въ себѣ это чувство, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилъ онъ, «мертвые срама не имутъ»; поступилъ же онъ такъ по необходимости, такъ какъ ему была вы-

дана недостаточная сумма денегъ на дорогу, для того, чтобы съ должными почестями и пышностью, какъ ему хотѣлось и какъ бы слѣдовало, доставить тѣло знаменитаго сановника, бывшаго Московскаго генералъ-губернатора, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, узнавъ его многія достоинства.

Послѣднее время своей жизни П. И. Фроловъ былъ при плохихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Ему помогалъ тогда бывшій его сослуживецъ по флоту Московскій викарій, преосвященный Леонидъ. Не смотря на скудость средствъ, Фроловъ отправился въ послѣдній разъ за границу; въ Ниццѣ онъ лишилъ себя жизни, какъ сообщили газеты, оставивъ записку, въ которой просилъ бывшее при немъ носильное платье и нѣсколько вещей продать и заплатить квартирной его хозяйкѣ, такъ какъ другаго имущества у него никакого нигдѣ болѣе не оставалось. Видѣвшіе Фролова послѣдніе дни въ Ниццѣ, по обыкновенію веселаго и беззаботнаго, никакъ не могли предположить, что онъ рѣшится на самоубійство.

Когда я узналъ о внезапной смерти П. И. Фролова, мнѣ припомнился одинъ эпизодъ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Въ саду «Эрмитажъ» (тогда его содержалъ Морель) было назначено большое гулянье, и въ афишахъ объявлено, что П. И. Фроловъ поднимется на воздушномъ шарѣ вмѣстѣ съ воздухоплавателемъ. Воздушное путешествіе было въ то время еще вновѣ для Москвичей, тѣмъ болѣе, что предпринималось оно съ извѣстнымъ въ Москвѣ лицомъ. День былъ праздничный; народу собралось такое множество, что въ саду «Эрмитажъ», тогда еще очень обширномъ, было положительно тѣсно; толпа групировалась большею частью кругомъ того мѣста, гдѣ шаръ наполняли газомъ. П. И. Фроловъ, какъ дѣйствующее лицо, находился тутъ же подлѣ лодочки, въ которую онъ долженъ былъ сѣсть, и на него преимущественно было обращено вниманіе публики. Слышались разные толки; предлагались даже пари, полетитъ Фроловъ или нѣтъ. Въ числѣ зрителей было много знакомыхъ Фролова; нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности дамы, не совѣтовали ему пускаться въ такое опасное путешествіе, не будучи увѣреннымъ, что онъ возвратится здравымъ и невредимымъ. Фроловъ громогласно ораторствовалъ, что ежели ему и случится сломать себѣ шею, то этимъ онъ никого не обидитъ, умереть же когда-нибудь да нужно и т. д. Многіе удивлялись его отважности и рѣшительности.

Наконецъ, шаръ наполнился газомъ; вмѣстѣ съ воздухоплавателемъ въ лодочку становится П. И. Фроловъ; ему желаютъ благополучнаго возвращенія, дамы махаютъ платками и бросаютъ ему букеты; онъ во всѣ стороны любезно раскланивается, а дамамъ, по обыкно-

венію, говоритъ любезности. Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія, шаръ не поднимается. Тогда, послѣ нѣкотораго смятенія, воздухоплаватель объявляетъ публикѣ, что, такъ какъ двухъ пассажировъ шаръ поднять не можетъ, то онъ долженъ летѣть одинъ. Фроловъ горячо протестуетъ, но, по необходимости, долженъ выдти изъ лодочки, послѣ чего шаръ тихо поднялся.

Въ это время толпа съ угрозою надвигается на Фролова. Многіе бранятъ его за то, что онъ не полетѣлъ, и кричатъ ему, что онъ ихъ обманулъ. Фроловъ оправдывается, но его не хотятъ слушать и продолжаютъ подступать, повидимому съ тѣмъ, чтобы раздѣлаться по-своему; но на счастье его на выручку явился полицеймейстеръ Н. И. Огаревъ, который своей мощной фигурой и внушительными распоряженіями удержалъ толпу отъ насилія, и сконфуженный Фроловъ успѣлъ удалиться.

IX. Святогорскій монастырь.

Святогорскій монастырь находится въ Харьковской губерніи Изюмскаго уѣзда на берегу рѣки Донца. Окруженный мѣловыми горами и вѣковыми лѣсами, въ той вообще ровной и степной мѣстности, монастырь съ окрестностями представляетъ исключеніе по своему необыкновенно красивому мѣстоположенію и кругомъ растущему хвойному лѣсу, который на Югѣ Россіи большая рѣдкость.

Въ царствованіе Екатерины II-й, въ 1778 году, Святогорскій монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь, а имущество монастыря, земля съ лѣсомъ въ 27 тысячъ десятинъ и съ 2.000 душъ крестьянъ, поступило въ казну. Затѣмъ имѣніе это перешло во владѣніе свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, отъ котораго дошло въ послѣдствіи къ Александру Михайловичу Потемкину, мужу Татьяны Борисовны, урожденной княжны Голицыной.

Въ 1844 году стараніями и ходатайствомъ Татьяны Борисовны, съ высочайшаго соизволенія, былъ возобновленъ Святогорскій мужской монастырь, для чего владѣльцемъ было пожертвовано 70 десятинъ вѣковаго лѣса, окружающаго обитель, а супругою его 10 тыс. рублей.

Разрѣшеніе возобновить эту обитель послѣдовало съ ограниченнымъ числомъ по штату монашествующей братіи, всего 24 человѣка, и при этомъ данъ въ руководство строгій уставъ монастырей Аѳонской горы со многими особенностями въ богослуженіи и образѣ жизни монаховъ, по которому, между прочимъ, никто изъ монашеской братіи не долженъ имѣть при себѣ ни прислуги, ни вещей, кольми паче денегъ. Въ уставѣ объ этомъ говорится такъ: «Неприличнаго уставу

общежитія стяжанія никто да не имѣетъ отъ вещей и денегъ; всѣмъ бо нужнымъ, отъ настоятеля и до послушника, кійждо снабдѣвается изъ общей казны монастырской. Аще же будетъ оскудѣніе въ обители, всѣ равно да претерпѣваютъ скудость съ благодареніемъ».

Лѣтомъ 1853 года я посѣтилъ Святыя Горы. Въ это время настоятелемъ монастыря былъ отецъ Арсеній, въ мірѣ Елецкій купецъ. При немъ, въ сравнительно-короткое время съ возобновленія монастыря, сдѣланы были значительныя постройки: соборъ, гостинница для пріѣзжащихъ, церковь на горѣ, каменная лѣстница надъ пещерами, сооруженная на пожертвованныя г-жею Мальцевой деньги (15 тысячъ рублей), разныя хозяйственныя зданія и помѣщенія для живущихъ въ обители, которыхъ тогда было не 24 человѣка, какъ положено по штату, а до 400 человѣкъ, видныхъ и здоровыхъ людей. Старыхъ между ними было мало. Въ церквахъ, во время службы, которая продолжалась необыкновенно долго, бывало не болѣе 10—15 монаховъ; остальные же всѣ были заняты работами въ разныхъ заведеніяхъ монастыря.

Когда я осматривалъ монастырское хозяйство, то былъ удивленъ порядкомъ и благоустройствомъ, какіе существовали тамъ. Видно было, что всѣмъ руководила умѣлая рука: огороды, пасѣки, скотные дворы и т. п., все было въ прекрасномъ видѣ и не на показъ только, а въ дѣйствительности. Тутъ же были разныя мастерскія, гдѣ приготовлялись одежда и обувь для братіи и производились мастерства. Рабочими были исключительно монахи и послушники, которые, конечно, ничего не получали за работу, а довольствовались отъ монастыря пищею и одеждою, не имѣя никакой собственности, какъ и слѣдовало по ихъ уставу.

Нужно отдать полную справедливость строителю и настоятелю этого монастыря, отцу Арсенію: онъ былъ неутомимъ въ своей дѣятельности, и монастырь ему много обязанъ; въ такой сравнительно короткій срокъ, онъ привелъ его въ блистательное состояніе. Также изумительна была его ловкость въ собираніи пожертвованій отъ богатыхъ лицъ въ столицахъ и другихъ мѣстахъ, къ которымъ онъ обращался; но еще болѣе нужно было удивляться его умѣнью управлять монашествующею братіею, которая, большею частію, состояла изъ разныхъ пришельцевъ, странниковъ и даже, какъ говорили, бѣглыхъ господскихъ людей, названныхъ другими именами, вслѣдствіе чего владѣльцамъ ихъ трудно было ихъ разыскать. Правда, настоятель съ ними не церемонился и поступалъ деспотически: назначаемыя имъ наказанія за провинности и проступки были не въ духѣ кротости, а очень строгія; но все это сносилось терпѣливо и не выходило изъ стѣнъ монастыря. Больше всего боялась эта безпріютная братія изгнанія изъ мо-

настыря, что было очень легко сдѣлать архимандриту, такъ какъ многія лица не были пострижены, а были послушниками и находились на испытаніи, которое продолжалось по усмотрѣнію отца Арсенія.

Но за то, когда отцу Арсенію было нужно, по какимъ-либо его соображеніямъ, похлопотать за кого-нибудь изъ своихъ братій, онъ дѣйствовалъ энергично, въ чемъ мнѣ самому пришлось убѣдиться по одному случаю. Это было въ томъ же 1853 году осенью. Я былъ назначенъ предсѣдателемъ въ рекрутское присутствіе въ городѣ Корочѣ для пріема рекрутъ. Въ это-то время заѣхалъ ко мнѣ отецъ Арсеній проѣздомъ изъ Петербурга, сдѣлавъ при этомъ верстъ шестьдесятъ крюку. Послѣ разныхъ любезностей и привѣтствій, онъ приступилъ ко мнѣ съ убѣдительнѣйшей просьбой, заключавшейся въ томъ, чтобы освободить отъ рекрутства одного государственнаго крестьянина села Скарадна̀го, Старо-Оскольскаго уѣзда, который, какъ оказалось, находился въ Святогорской обители въ числѣ послушниковъ, а своимъ сельскимъ начальствомъ вытребованъ изъ монастыря для представленія въ рекрутское присутствіе. По словамъ отца Арсенія этотъ крестьянинъ обладалъ необыкновенно-хорошимъ басомъ и могъ бы быть хоть протодіакономъ, такъ что, лишившись его, трудно будетъ подыскать ему подобнаго. Но общество государственныхъ крестьянъ, откуда происходилъ этотъ басъ, смотрѣло иначе: не видя въ немъ полезнаго члена, оно пожелало отдать его въ солдаты, какъ неплательщика податей.

Еще до пріѣзда отца Арсенія, я получилъ письмо отъ Т. Б. Потемкиной о томъ же монахѣ-басѣ съ просьбою освободить этого послушника отъ рекрутства. Понятно, я не могъ забраковать этого рекрута безъ всякой причины, что̀ и старался объяснить при свиданіи отцу Арсенію. Но онъ твердилъ свое, пытаясь, въ свою очередь, доказать мнѣ, что хотя въ этомъ басѣ и нѣтъ никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, такъ какъ онъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ, но для меня ничего не стоитъ освободить одного человѣка, который, говоря по совѣсти, вовсе не имѣетъ призванія къ военной службѣ, а склоненъ къ монашеской жизни, такъ что нельзя и надѣяться, чтобы изъ него вышелъ хорошій воинъ. Словомъ сказать, архимандритъ приставалъ ко мнѣ нестерпимо.

Много было мнѣ труда, чтобы избавиться отъ докучливаго просителя. По отъѣздѣ его изъ города Корочи представленъ былъ для освидѣтельствованія въ рекрутское присутствіе этотъ самый крестьянинъ-послушникъ. По наружному виду это былъ необыкновенно-здоровый и плотный мущина, такъ что съ перваго взгляда не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ будетъ «годенъ». Но каково же было

мое удивленіе, когда осматривавшій его докторъ громко заявилъ, что онъ пораженъ въ сильной степени дурною болѣзнью! Таковыхъ зараженныхъ не только нельзя было принимать въ рекруты, а, на основаніи тогда дѣйствовавшей инструкціи для пріема рекрутъ, всякаго отправлять немедленно въ больницу для излѣченія на счетъ общества, изъ котораго онъ происходилъ. Сначала я подумалъ, не усиленныя ли просьбы отца Арсенія подѣйствовали на доктора и заставили открыть въ немъ такую болѣзнь. Тотчасъ же мною былъ приглашенъ другой докторъ, который разрѣшилъ сомнѣніе, показавъ тоже, что и первый; да и всѣ мы, члены рекрутскаго присутствія, могли наглядно убѣдиться въ этомъ. Исполнилось желаніе отца Арсенія: рекрутъ былъ забракованъ, но немедленно отправленъ въ больницу для излѣченія, къ великому неудовольствію общества государственныхъ крестьянъ, которымъ не только не удалось сбыть въ рекруты никуда негоднаго человѣка, да вдобавокъ пришлось еще платить за его лѣченіе въ больницѣ.

Попалъ-ли этотъ басъ обратно въ Святогорскій монастырь, мнѣ осталось неизвѣстно.

X. Помѣщичьи и государственные крестьяне до 1861 года.

Я никогда не былъ сторонникомъ крѣпостнаго права; напротивъ, считаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось при введеніи Положенія въ 1861 году быть хотя скромнымъ участникомъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но съ этимъ вмѣстѣ не могу не высказать правды, касающейся этого предмета, взятой прямо изъ жизни того времени. Бытъ и состояніе помѣщичьихъ крестьянъ были отнюдь не такъ дурны и ужасны, какъ многіе, не жившіе въ деревнѣ и не знавшіе ихъ жизни, объ этомъ представляли, и какъ описываютъ ихъ теперь. Изъ разсказовъ этихъ можно вывести заключеніе, что помѣщики какъ будто только тѣмъ и занимались, что сѣкли своихъ крестьянъ и производили надъ ними разныя безчинства, въ подкрѣпленіе чего съ большой точностью приводятся только безобразныя дѣянія разныхъ самодуровъ, злоупотреблявшихъ своею властью, но при этомъ не обращается должнаго вниманія на общее благосостояніе всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ при освобожденіи въ 1861-мъ году было въ Россіи болѣе 13-ти милліоновъ мужескаго пола душъ.

Нельзя отвергать, что между помѣщиками и крестьянами существовала нѣкоторая связь, которая заимно скрѣпляла и поддерживала ихъ хорошія отношенія между собой. Извѣстно, что по закону кре-

стьяне принадлежали помѣщику и были его гражданскою неотъемлемою собственностью. Каждый владѣлецъ, что̀ бы то ни было, по присущему всякому человѣку желанію пріобрѣтенія и сохраненія своей собственности, старается оберегать свое достояніе, заключается ли оно въ землѣ или въ другой недвижимости, а тѣмъ болѣе въ живыхъ существахъ, доставлявшихъ ему тогда всѣ выгоды своими работами, а своимъ существованіемъ сообщавшихъ ему многія сословныя преимущества. Въ видахъ своей же пользы, помимо гуманнаго чувства, каждому помѣщику было несомнѣнно выгодно, чтобы его крестьяне жили хорошо и зажиточно. Всякій разсчетливый хозяинъ, чтобы не допустить свое имѣніе до упадка и разоренія, помогалъ крестьянамъ въ ихъ нуждахъ, выдавая въ случаѣ надобности лошадей, скотъ и прочіе необходимые предметы, составлявшіе потребность въ хозяйствѣ. Во время неурожайныхъ годовъ помѣщичьи крестьяне продовольствовались изъ запасныхъ магазиновъ, тогда повсемѣстно существовавшихъ, и при недостаткѣ содержались на средства помѣщика. Вообще крестьяне были увѣрены, что при всякихъ напастяхъ и бѣдствіяхъ они найдутъ защиту и покровительство, и что баринъ не оставитъ ихъ и поможетъ, что̀ и бывало на самомъ дѣлѣ. Земская полиція не касалась помѣщичьихъ крестьянъ, за все отвѣчалъ помѣщикъ; всѣ повинности, разлагавшіяся по количеству владѣемыхъ душъ, взыскивались съ владѣльца имѣнія, а въ случаѣ недоимки продавалось имущество помѣщика, но ни въ какомъ случаѣ не крестьянское. Тягловые крестьяне, т.-е. надѣленные землей, обязаны были работать на помѣщика три дня въ недѣлю, а оброчные—платить положенный оброкъ, чего только и могъ требовать помѣщикъ. Я не говорю о злоупотребленіяхъ. Онѣ, разумѣется, были и въ этомъ отношеніи; но ихъ должно считать исключеніемъ *).

Оброчнымъ помѣщичьимъ крестьянамъ, которыхъ къ 1861 году въ Россіи было на половину, ежели не болѣе, жилось еще льготнѣе,

*) Въ день коронаціи императора Павла I-го Апрѣля 5-го дня 1797 года былъ объявленъ высочайшій манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что, удостоившись воспріять Священное Муропомазаніе и вѣнчаніе на прародительскомъ престолѣ, императоръ Павелъ почитаетъ долгомъ своимъ передъ Творцомъ повелѣть, чтобы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работѣ и чтобы оные только три дня въ недѣлю работали на помѣщика, а остальное время на себя, потому что для сельскихъ издѣлій остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, поровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, при добромъ распоряженіи достаточны на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

чѣмъ хлѣбопашцамъ, въ особенности въ большихъ имѣніяхъ, какъ напримѣръ у графа Шереметева и другихъ крупныхъ владѣльцевъ, до казательствомъ чего могло служить богатство этихъ крестьянъ. Многіе крестьяне изъ такихъ имѣній торговали по гильдейскимъ свидѣтельствомъ и при всемъ томъ не желали откупаться на волю. Помѣщичьи крестьяне не имѣли права пріобрѣтать землю на свое имя; они покупали ее не иначе, какъ на имя своего помѣщика и пользовались ей, какъ своею неотъемлемою собственностью. Бывали примѣры, что крестьяне, по добровольному соглашенію между собой, за имѣніе, назначенное въ продажу, взносили недоимку въ Опекунскій Совѣтъ, чтобы не быть проданными съ аукціона другому помѣщику, не желая разставаться съ своимъ бариномъ, который по какимъ-либо случайностямъ дѣлался неисправнымъ въ уплатѣ своего долга. Пьянство было положительно менѣе распространено у помѣщичьихъ крестьянъ, нежели у государственныхъ, что хорошо было извѣстно тогдашнимъ виннымъ откупщикамъ: за уѣзды, при равномъ народонаселеніи, но гдѣ жило больше государственныхъ крестьянъ, нежели помѣщичьихъ, наносилось при торгахъ откупной суммы гораздо больше въ разсчетѣ на бо́льшее употребленіе вина, въ чемъ откупщики не ошибались, и разсчетъ ихъ оказывался вѣрнымъ.

Если между помѣщиками встрѣчались иногда люди недостойные и безнравственные, то они не могли долго оставаться безнаказанными: противъ нихъ принимались правительствомъ энергичныя мѣры, а имѣнія ихъ отбирались въ опеку. Въ особенности въ царствованіе императора Николая Павловича они являлись рѣдкимъ исключеніемъ. Могу привести въ примѣръ Курскую губернію, гдѣ въ 15-ти уѣздахъ, въ продолженіе 16-ти лѣтъ до 1861 года, въ общемъ собраніи гг. предводителей и депутатовъ разсматривалось только три дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти: одно изъ нихъ, по Путивльскому уѣзду, о жестокомъ обращеніи помѣщицы со своими горничными дѣвушками (имѣніе это немедленно было взято въ опеку, также какъ и прочія по другимъ обстоятельствамъ). Уѣзднымъ предводителямъ вмѣнялось въ непремѣнную ихъ обязанность наблюдать за помѣщиками своего уѣзда, чтобы они не злоупотребляли своей властью, а при встрѣчавшихся жестокостяхъ принимать надлежащія мѣры; въ противномъ случаѣ сами предводители подвергались отвѣтственности. Всѣ такія постановленія были изложены въ именномъ указѣ императора Александра I-го 1819 года, который и служилъ руководствомъ. Указъ этотъ постоянно напоминался должностнымъ лицамъ.

При освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 году государственныхъ крестьянъ считалось гораздо больше; но, какъ они жили

тогда при своемъ самоуправленіи, или лучше сказать при управленіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, то о нихъ мало было извѣстно. И въ литературѣ и въ обществѣ только разсуждали и говорили, что о крѣпостныхъ, а государственныхъ крестьянъ оставляли въ сторонѣ, предполагая, что они благоденствуютъ, главнымъ образомъ потому что они *вольные*, а помѣщичьи *подневольные*.

При учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ крестьянамъ дано было самоуправленіе, въ которомъ однако общество не принимало нисколько участія; все зависѣло отъ ихъ начальства, заведеннаго въ большомъ числѣ, начиная съ сельскаго старшины: сборщики податей, волостные головы съ писарями и проч., а во главѣ властей въ уѣздахъ окружные начальники съ помощниками, уполномоченные ревизоры и т. д. Всѣ они нимало не заботились объ общественныхъ интересахъ крестьянъ, а занимались срочными донесеніями въ Палату, главное же взысканіемъ недоимокъ съ крестьянъ, на что только и обращалось вниманіе, такъ какъ по исправному взысканію недоимокъ оцѣнивалась служебная дѣятельность чиновниковъ. Въ самомъ обществѣ являлась страшная неурядица: всѣ порядочные крестьяне и домохозяева на сходы не ходили; народились міроѣды, которые заправляли всѣмъ міромъ, находясь подъ защитою начальства, которое покровительствовало имъ, какъ нужнымъ людямъ. Всякія несправедливости завѣдомо допускались и прикрывались, такъ что всевозможныя злоупотребленія въ крестьянскихъ обществахъ входили въ нравы и обычаи и развращали народъ. Нечего и говорить, что такой порядокъ не могъ служить къ благосостоянію крестьянъ *).

До освобожденія крестьянъ я жилъ постоянно въ деревнѣ, въ Курской губерніи, Ново-Оскольскаго уѣзда, въ селѣ Бѣломѣстномъ; тутъ же жили государственные крестьяне, которыхъ было болѣе 1000 душъ. Мнѣ часто приходилось имѣть съ ними сношенія, какъ съ сосѣдями, нанимать ихъ на свои работы и т. п.; а они, въ свою очередь, обращались ко мнѣ также по своимъ деревенскимъ нуждамъ, иногда даже просто за совѣтомъ. Чтобы не быть голословнымъ, припомню изъ ихъ общественной жизни нѣкоторые случаи, можетъ быть сами по себѣ незначительные, но могущіе дать вѣрное понятіе объ ихъ житьѣ-бытьѣ того времени.

Въ селѣ Бѣломѣстномъ у государственныхъ крестьянъ, какъ и во всѣхъ селахъ, была построена расправа, служившая имъ для раз-

*) Не даромъ Хомяковъ писалъ про заводителя этихъ порядковъ графа Киселева: „чтобъ ему ни дна, ни покрышки“. П. Б.

ныхъ общественныхъ надобностей, напримѣръ для пріѣзда чиновниковъ по служебнымъ дѣламъ; тутъ же засѣдало сельское ихъ начальство. Это была довольно обширная, сравнительно-чистая комната съ перегородкой, съ нѣкоторой мебелью, со шкафами для бумагъ и со столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, а черезъ сѣни въ одной же связи находилась холодная, отвратительно-грязная комната безъ пола съ однимъ окномъ: это собственно и была расправа, потому что туда сажали крестьянъ подъ арестъ, а чаще сѣкли розгами неплательщиковъ податей и другихъ провинившихся.

Какъ-то въ селѣ случилась покража: съ неубраннаго еще поля было увезено два воза овса изъ стоявшихъ копенъ; хозяева на мѣстѣ настигли вора и доставили его съ поличнымъ въ расправу. Воръ оказался государственнымъ крестьяниномъ того же села, звавшійся по уличному Васька Балабаевъ. Нужно замѣтить, что это былъ мужикъ довольно богатый, при этомъ первый крикунъ и горланъ на сходкахъ, считался въ своемъ обществѣ міроѣдомъ, слѣдовательно въ общественныхъ дѣлахъ человѣкомъ вліятельнымъ. Однако сельское начальство, при всемъ своемъ желаніи защитить его, почему-то не нашло возможнымъ скрыть такого явнаго воровства. Дали знать въ волость; на другой день прибылъ волостной голова чинить судъ и расправу; по его приказанію подлѣ расправы былъ собранъ сельскій сходъ, которому голова объявилъ, что за воровство овса слѣдуетъ Балабаева наказать розгами, кромѣ сего взыскать штрафъ на общественныя нужды. При этомъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ возникли протесты въ защиту Балабаева, ежели не вовсе объ избавленія отъ наказанія, то по крайней мѣрѣ въ меньшемъ количествѣ розогъ и рублей, назначенныхъ головою; но праведный судья-голова настоялъ на своемъ, отобралъ у схода руки,—слѣдовательно приговоръ былъ утвержденъ. Нужно было приступить къ исполненію. Голова отправился въ холодную, гдѣ находился подъ арестомъ Балабаевъ, чтобы объявить ему рѣшеніе схода. Какіе за тѣмъ происходили между ними разговоры, никто того не слыхалъ; только немедленнаго наказанія не послѣдовало. Сначала голова распорядился послать за крестьяниномъ Сысоемъ Замараевымъ, человѣкомъ смирнымъ и работящимъ, но бѣднымъ. Когда Сысой явился, то его также отправили въ холодную, и только тогда, въ присутствіи головы, начали экзекуцію, однако вовсе не надъ воромъ Васькой Балабаевымъ, какъ было утверждено сходомъ, а надъ Сысоемъ Замараевымъ, объявивъ ему, что за нимъ числится недоимка, почему его слѣдуетъ пороть, какъ неплательщика. Въ то время, какъ Сысоя хлестали розгами, отсчитывая громогласно удары, Васька Балабаевъ, находившійся

тутъ же, неистово кричалъ, давая этимъ знать, что сѣкутъ будто бы его; голосъ же его хорошо былъ извѣстенъ мужикамъ, такъ какъ онъ всегда горланилъ на сходкахъ. Вскорѣ послѣ наказанія Сысой, встрѣтившись съ мной, повѣдалъ мнѣ свое горе, сѣтуя не на то, что его несправедливо отодрали (по его соображеніямъ нужно же было исполнить приговоръ схода и пороть кого нибудь), а на то, что ему выпала такая *линія*.

«Отчего же не наказали Балабаева?» спросилъ я.—«Да онъ же откупился у головы»... И по отвѣту Сысоя можно было заключить, что иначе и быть не могло.

Когда я разсказалъ это происшествіе бывшему въ то время окружному начальнику Мерлину, то онъ увѣрялъ меня, что такой несправедливости голова Жмуцкій не могъ допустить, такъ какъ онъ считается самымъ честнымъ и исправнымъ головою, тѣмъ болѣе, что онъ ему докладывалъ о воровствѣ овса и о примѣрномъ наказаніи крестьянина Балабаева.

«Что оно было *примѣрнымъ* для Балабаева», отвѣчалъ я, «съ этимъ я согласенъ; но что оно былъ *дѣйствительнымъ* для Сысоя Замараева, въ этомъ я также не сомнѣваюсь».

При каждой расправѣ полагалось отъ общества имѣть десятскаго, который могъ бы служить проѣзжавшимъ чиновникамъ для разсылокъ и по другимъ надобностямъ. Сельское начальство нашло возможнымъ возложить эту обязанность на бабъ, такъ что сотскому поручалось назначать по очереди въ дневалки бабъ, вмѣсто десятскихъ. Это распоряженіе ввелось въ обычай и аккуратно исполнялось. Въ селѣ Бѣломѣстномъ была чрезвычайно красивая женщина изъ государственныхъ крестьянокъ, прозванная мѣстными жителями «Катька-краля»; она была замужемъ за небогатымъ мужикомъ, малымъ смирнымъ и непьющимъ. Катька также была баба смирная, работящая и пользовалась репутаціей неприступной красавицы. На бѣду ее замѣтили проѣзжавшіе чиновники, и этого было достаточо, чтобы Катька часто не въ очередь попадала на дежурство, въ особенности, ежели ожидался пріѣздъ какого нибудь начальства поважнѣе: повинность, отъ которой отказываться было нельзя. По этому обстоятельству мнѣ случилось услышать разговоръ, происходившій между мужемъ этой красавицы и сельскимъ сотскимъ, который, встрѣтивъ перваго, приказывалъ ему прислать жену въ расправу въ дневалки. «Чего такъ часто, Миронычъ, требуешь мою Катьку? Чередка не ея: она только третьяго дня отбыла у становаго, а надысь у межеваго, съ недѣлю тому у помощника, а теперь опять за нее... Мало ли у насъ молодыхъ бабъ!»

«Я и самъ смекаю, что чередка не ея», отвѣчалъ сотскій, «да начальство приказало: слышно, пріѣдетъ лѣсничій; онъ намъ будетъ отводить участки, такъ его нужно ублаготворить». Послѣ такого аргумента Катькинъ мужъ болѣе не возражалъ, а обѣщался прислать жену въ расправу.

Возмутившись такимъ приказомъ, я обратился къ Катькиному мужу съ укоромъ: какъ ему не стыдно завѣдомо позволять женѣ распутничать. «Вѣрно ты ея не любишь», замѣтилъ я, «если торгуешь ею».—«Какъ не любить», возразилъ онъ, «она у меня славная, работящая, за что ея не любить! А что вы думаете, что я ею торгую, такъ это напрасно: да ежели она принесетъ мнѣ что нибудь, или сама что получитъ, такъ я ее до смерти исколочу», взволнованнымъ голосомъ прибавилъ мужикъ.—«Такъ зачѣмъ же ты позволяешь ей ходить въ расправу?»—«А чтожъ подѣлаешь съ нашимъ начальствомъ? Я было въ прошломъ году заартачился, сталъ посылать за мѣсто нея мать, такъ голова меня такъ вздулъ, какъ будто за недоимку... Ну, а теперь помалкиваетъ; а еще, когда встрѣтитъ меня, все Катьку мою похваляетъ и говоритъ, что она его не разъ передъ начальствомъ выволяла».

Бѣдная Катька-краля! Она была Бѣломѣстенской Гетерой не по призванію, а въ силу общественнаго своего положенія обязана была выполнять натуральную повинность отъ общества государственныхъ крестьянъ.

Ни въ чемъ такъ не было замѣтно явныхъ злоупотребленій въ управленіи государственныхъ крестьянъ, какъ при рекрутскихъ наборахъ, не смотря на то, что Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ при сдачѣ рекрутъ была введена жеребьевая система. Большею частью зажиточные крестьяне различными путями имѣли возможность откупаться отъ рекрутской, въ то время тяжелой, повинности; а бѣднымъ, не смотря на то, что нѣкоторые были иногда одиночки, часто приходилось идти на 25-лѣтнюю службу. Для этого въ ходъ пускались разные подвохи, напримѣръ общественные приговоры, составленные за могарычи тѣми же міроѣдами, разумѣется, не безъ вѣдома начальства, принимавшаго въ ихъ дѣлахъ живое участіе, ради собственной наживы. Всякій рекрутскій наборъ причинялъ крестьянскому населенію много горя и обходился имъ очень дорого. Крестьяне, имѣвшіе сыновей, еще заранѣе, во время ихъ малолѣтства, заботились накопить денегъ, чтобы со временемъ имѣть возможность откупиться отъ рекрутчины. Но за то ихъ начальство ожидало наборовъ, какъ манны небесной. Многіе окружные начальники, которымъ поручался ближайшій надзоръ

за правильной постановкой рекрутъ отъ государственныхъ крестьянъ, наживали большое состояніе; они старались передъ своимъ начальствомъ только о томъ, чтобы быть исправными и выставить въ назначенный срокъ безнедоимочно всѣхъ рекрутъ; но имъ было рѣшительно все равно, Петръ или Иванъ идетъ въ солдаты, и они нимало не заботились, что отъ неправильной сдачи рекрутъ могли быть разорены многія семейства.

Мнѣ указывали въ Москвѣ на одну личность съ Нѣмецкой фамиліей, долго служившую окружнымъ начальникомъ въ одной изъ отдаленныхъ губерній, населенной преимущественно государственными крестьянами. Онъ жилъ уже на покоѣ отъ понесенныхъ трудовъ на службѣ, причемъ всѣмъ было извѣстно, что онъ обладалъ значительнымъ капиталомъ, который добылъ исключительно служебною дѣятельностью. Между прочими его дѣяніями обращаетъ на себя вниманіе сочиненный имъ рекрутскій наборъ изъ женщинъ. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сдѣлано было распоряженіе завести по деревнямъ повивальныхъ бабокъ (повитухъ); для этой цѣли окружнымъ начальникамъ было предписано палатой доставить изъ уѣзда въ губернскій городъ нѣсколько крестьянокъ для обученія ихъ повивальному искусству. При этомъ отъ министерства было разослано печатное наставленіе, въ которомъ, между прочимъ, значилось, что крестьянки должны быть крѣпкаго сложенія, здоровыя и извѣстныхъ лѣтъ и т. п.; приблизительно требовались такія же тѣлесныя качества, какъ и въ рекрутскомъ уставѣ для принятія въ солдаты. Акуратный окружный начальникъ не оставилъ безъ вниманія такихъ требованій и распустилъ по уѣзду слухъ, что изъ дѣвокъ назначается рекрутскій наборъ для отсылки ихъ на службу въ далекій край и т. п. нелѣпости. Можно себѣ представить, какой переполохъ произвело такое извѣстіе въ сельскомъ населеніи, да еще вдобавокъ въ глухой мѣстности, отстоящей отъ губернскаго города чуть ли не на 300 верстъ! Ретивый окружный начальникъ, не теряя времени, чтобы исполнить предписаніе начальства, немедленно приступилъ къ призыву и осмотру крестьянокъ, наблюдая тѣже пріемы, какъ и въ наборахъ, и браковалъ, или назначалъ на службу по своему усмотрѣнію, а въ концѣ концовъ, когда наступилъ срокъ, отправилъ въ городъ 3—4-хъ дѣвокъ. Эта операція доставила ему отъ богатаго населенія того уѣзда до 20 тысячъ рубл. Однако это была его послѣдняя лебединая пѣсня на служебномъ поприщѣ: вскорѣ онъ вышелъ въ чистую отставку и благодушествовалъ въ Москвѣ, изображая изъ себя важную персону съ туго набитымъ карманомъ.

XI. Воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Однажды императоръ Александръ Николаевичъ ѣхалъ по почтовой дорогѣ изъ города Харькова на городъ Полтаву. Ему приходилось проѣзжать уѣздный городъ Валки. Почтовая станція, гдѣ перемѣнялись лошади въ императорскихъ экипажахъ, находилась подъ горою, на подъемѣ отъ станціи въ гору, между обывательскими домами, гдѣ былъ крутой поворотъ. На этомъ мѣстѣ, по неловкости ямщика, одинъ экипажъ опрокинулся, и сидѣвшій въ немъ генералъ-адъютантъ вывалился и получилъ ушибъ настолько сильный, что ему сдѣлалось дурно. Его немедленно перенесли въ ближайшій домикъ, какъ оказалось, въ квартиру мѣстнаго городничаго. Вскорѣ по тому же направленію проѣзжалъ Государь. Узнавъ о происшествіи, онъ пожелалъ лично увидѣть больнаго. При входѣ въ низенькія комнаты, ему представилась весьма бѣдная обстановка, тускло освѣщенная сальнымъ огаркомъ, воткнутымъ въ бутылку и стоявшимъ въ прихожей; тутъ же присутствовала какая-то невзрачная женщина, одѣтая по-домашнему, какъ видно прислуга городничаго. Въ другой комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, было немногимъ лучше, если не считать за украшенія разставленныхъ по комнатѣ большихъ бутылей съ наливками и настойками, заготовляемыми въ прокъ по мѣстному обыкновенію. При больномъ уже находился докторъ Енохинъ *), сопровождавшій Императора во всѣхъ его путешествіяхъ, который и доложилъ ему, что ушибъ не представляетъ опасности для здоровья. Поговоря съ больнымъ, Государь вышелъ на улицу, чтобъ продолжать свой путь, но

---

*) Въ 1836-мъ году императоръ Николай Павловичъ, ѣхавшій ночью близъ города Чембаръ, переломилъ себѣ ключицу; его понесли лошади и опрокинули коляску. Сопровождавшій его придворный докторъ уѣхалъ впередъ; Государь по необходимости долженъ былъ остановиться въ г. Чембарахъ, гдѣ къ нему позванъ былъ уѣздный врачъ Енохинъ, который подалъ ему первое медицинское пособіе и сдѣлалъ довольно искусную перевязку на ключицѣ. Черезъ нѣсколько часовъ возвратившійся лейбъ-медикъ Императора нашелъ, что перевязка сдѣлана превосходно, и помощь больному была подана правильно. Благодаря этому случаю, уѣздный врачъ Енохинъ былъ опредѣленъ придворнымъ докторомъ къ Наслѣднику Престола, при которомъ онъ оставался и во время его царствованія, до своей смерти. Докторъ Енохинъ былъ сынъ небогатаго священника изъ г. Новаго-Оскола, гдѣ у него былъ родной братъ слѣпой; у этого послѣдняго было нѣсколько сыновей, которымъ дядя ихъ, лейбъ-медикъ Енохинъ, доставилъ средства къ образованію и, какъ говорится, повывелъ всѣхъ въ люди; одинъ изъ нихъ также былъ уѣзднымъ врачомъ въ г. Новомъ-Осколѣ.

въ прихожей былъ встрѣченъ хозяиномъ квартиры—городничимъ, поспѣшившимъ прибѣжать со станціи, гдѣ онъ находился. Обратившись къ нему, Государь сказалъ: «Какъ же ты плохо живешь!»—По моимъ средствамъ лучше не могу, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ отставной воинъ. Государь тутъ же распорядился выдать городничему достаточную сумму денегъ для лучшей обстановки.

*

Въ 1861-мъ году императоръ Александръ Николаевичъ пріѣхалъ въ городъ Курскъ и остановился въ губернаторскомъ домѣ. По выходѣ Государя изъ коляски было замѣтно, что все лицо и одежда его были покрыты густой пылью отъ шоссейной дороги, по которой онъ ѣхалъ изъ г. Орла. Войдя въ комнаты, Государь остановился въ первой залѣ, разговаривая со встрѣтившими его мѣстными властями, губернаторомъ В. И. Деномъ и другими лицами. Увидавъ проходившаго въ то время камеръ-лакея, который несъ дорожныя вещи, Государь сказалъ: «Яковъ, дай умыться!» Вскорѣ показался Яковъ съ рукомойникомъ въ рукахъ и, обращаясь къ сторонѣ, гдѣ стоялъ Государь, довольно громко проговорилъ: «Готово». Но Государь продолжалъ разговоръ съ губернскимъ предводителемъ Н. Я. Скарятинымъ и не обратилъ вниманія на «готово». Между тѣмъ въ дверяхъ, куда надлежало ему идти, снова показывается камеръ-лакей, но уже безъ рукомойника. Увидя его, Александръ Николаевичъ повторилъ: «Яковъ, умыться!» Нужно было видѣть и слышать, съ какимъ недовольнымъ видомъ и какимъ грубымъ тономъ, возвыся голосъ, отвѣчалъ Яковъ: «Да я уже говорилъ, что готово». Такой грубый отвѣтъ камеръ-лакея, обращенный къ Императору, удивилъ всѣхъ находившихся въ залѣ, о чемъ по отъѣздѣ Государя много толковали и между прочимъ высказывали предположеніе, что ежели бы какому-нибудь «барину» такъ отвѣчалъ лакей, какъ Яковъ Государю, то это не прошло бы ему даромъ, несмотря на то, что это случилось въ знаменательный годъ освобожденія крѣпостныхъ.

На другой день, по пріѣздѣ Государя, къ высочайшему столу были приглашены мѣстныя власти, въ томъ числѣ архіереи и высшіе военные чины. Во время обѣда Александръ Николаевичъ сидѣлъ за общимъ столомъ, былъ очень веселъ и со многими разговаривалъ. Въ сервировкѣ стола Курскими обитателями былъ замѣчена нѣкоторая особенность, не ускользнувшая отъ вниманія: кромѣ въ изобиліи разставленныхъ по столу винъ, между каждыми двумя приборами стояло

еще по бутылкѣ откупореннаго Шампанскаго. Государь не разъ обращался къ своимъ придворнымъ, сидѣвшимъ между приглашенными, предлагая угощать своихъ сосѣдей. Послѣ обѣда были поданы отличныя сигары, такъ что нѣкоторые некурящіе брали ихъ на память о царскомъ угощеніи. Послѣ стола Государь скоро собрался уѣзжать; тотъ же камеръ-лакей Яковъ захлопнулъ дверцу его коляски, полѣзъ на свое мѣсто въ будку, придѣланную сзади экипажа и усѣлся въ ней. Тогда, невидимо для Государя, но на виду у всей провожавшей его толпы народа, другимъ камеръ-лакеемъ поданы были Якову двѣ бутылки Шампанскаго, повидимому оставшіяся отъ обѣда, которыя онъ бережно поставилъ въ боковой баулъ, послѣ чего скомандовалъ: «Трогай!» и коляска двинулась. Одинъ изъ зрителей, стоявшій у подъѣзда и видѣвшій эту продѣлку, съ завистью замѣтилъ: «Хорошо быть царскимъ лакеемъ. И въ дорогу-то онъ отправляется не съ однимъ *посошкомъ*, а съ двумя.»

Н. Рѣшетовъ.

18-го Октября 1886 года.

ЛЮДИ И ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ [1]).

XII. Князь Николай Борисовичъ Голицынъ.

По возвращеніи своемъ изъ Крымской войны, бывшій начальникъ Ново-Оскольской № 49-й дружины [2]), князь Николай Борисовичъ Голицынъ проживалъ въ имѣніи сестры своей Татьяны Борисовны Потемкиной, въ селѣ Богородскомъ, Ново-Оскольскаго уѣзда, въ близкомъ разстояніи отъ моего имѣнія. Мы, какъ сосѣди, часто видались. Князь Николай Борисовичъ былъ человѣкъ очень образованный, на своемъ вѣку много видѣвшій, и бесѣдовать съ нимъ было чрезвычайно пріятно, въ особенности, когда онъ вспоминалъ о войнѣ 1812-го года, въ которой и самъ участвовалъ, бывши адъютантомъ у генерала Эмануеля. Къ тому же онъ хорошо игралъ на віолончели; замѣчательно было то, что онъ началъ учиться на этомъ инструментѣ, когда ему было за сорокъ лѣтъ отъ роду.

Какъ-то при свиданіи князь Николай Борисовичъ сообщилъ мнѣ, что онъ написалъ сочиненіе о возможномъ соединеніи католическаго вѣроисповѣданія съ нашимъ православнымъ, указывая, какія между ними сходства и различія; между прочимъ онъ находилъ, что мы, православные, молимся о соединеніи всѣхъ церквей, о чемъ превозглашается на эктеніяхъ при богослуженіи, почему онъ считаетъ нравственною своею обязанностью выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, могущее разъяснить это обстоятельство.

Вскорѣ послѣ этого разговора князь Николай Борисовичъ уѣхалъ въ Петербургъ, побывалъ за границей и мѣсяца черезъ два-три воз-

---

[1]) См. „Р. Архивъ“ 1886, III, 497.

[2]) Въ этой же дружинѣ въ то время находились: въ числѣ офицеровъ—сынъ князя Николая Борисовича, Тамбовскій губернскій предводитель камергеръ Юрій Николаевичъ, а въ числѣ ратниковъ—несовершеннолѣтній сынъ послѣдняго, такъ что дѣдъ, отецъ и внукъ явились вмѣстѣ на защиту отечества.

вратился въ деревню къ своему семейству. По возвращеніи его я съ нимъ видѣлся, но онъ ничего болѣе не говорилъ о своемъ сочиненіи. Черезъ нѣкоторое время неожиданно получается распоряженіе шефа жандармовъ, что, по Высочайшему повелѣнію, проживающему въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ коллежскому совѣтнику, князю Николаю Борисовичу Голицыну запрещается выѣзжать куда бы то ни было изъ села Богородскаго, гдѣ онъ живетъ, а объ исполненіи сего поручается наблюдать земской полиціи; Курскому же архіерею предписывается отъ Святѣйшаго Синода, чтобы онъ распорядился, въ силу того же Высочайшаго повелѣнія, назначить къ князю Николаю Борисовичу Голицыну приходскаго священника для поученія его истинамъ вѣры православной, о чемъ и было объявлено князю съ отобраніемъ отъ него надлежащихъ подписокъ.

Узнавъ о постигшемъ князя злополучіи, я поѣхалъ навѣстить сосѣда и нашелъ его огорченнымъ, какъ казалось, болѣе тѣмъ, что его отдали подъ *начало* приходскаго священника, въ которомъ онъ не признавалъ ни умѣнья, ни знанія поучать себя. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ князь Голицынъ признался, что ничего этого съ нимъ не могло бы случиться, еслибы не выдала его, какъ онъ выразился, Петербургская салопница—Андрей Муравьевъ. Мнѣ показалось страннымъ, почему онъ такъ обзываетъ извѣстнаго писателя и путешественника, что̀ я ему и замѣтилъ. На мое замѣчаніе онъ отвѣчалъ, что въ Петербургѣ многіе такъ зовутъ Муравьева и по его мнѣнію не безъ основанія; потому что Муравьевъ, пользуясь способностью выставлять свое религіозное настроеніе, съумѣлъ поддѣлаться къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, большею частью духовнымъ, живетъ въ Петербургѣ на чужой счетъ, занимаетъ большую квартиру у Аничкова моста на Троицкомъ подворьѣ, отданную ему Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ да̀ромъ, кромѣ того получаетъ цѣнные подарки, преимущественно отъ дамъ: онѣ шлютъ ему разныя одежды и другіе предметы, посылаютъ ему любимыя кушанья, и все это Муравьевъ принимаетъ, нисколько не стѣсняясь. По словамъ того же князя Николая Борисовича Голицына, послѣ всенощной въ митрополичьей крестовой, у Андрея Николаевича Муравьева собирались многія лица, составлявшія особое общество религіознаго направленія, гдѣ часто бывала и сестра князя Николая Борисовича, славная Татьяна Борисовна Потемкина, и по ея-то наставленію князь прочиталъ Муравьеву, какъ ревнителю православія, свое сочиненіе «О возсоединеніи православной церкви съ католической». На одномъ изъ вечеровъ Андрей Николаевичъ прослушалъ сочиненіе князя Голицына и, разбирая его, нашелъ многія неправильности во взглядахъ, клонившіяся скорѣе къ

прославленію католицизма, чѣмъ православія, вообще не одобрилъ сочиненія, впрочемъ и не придалъ ему особаго значенія.

Князь Голицынъ уѣхалъ за границу, напечаталъ тамъ свою брошюру, но безъ обозначенія своего авторскаго имени, дозволилъ книгопродавцамъ продавать ее, нѣсколько же экземпляровъ привезъ съ собой въ Россію и роздалъ ихъ въ Петербургѣ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ; одинъ изъ нихъ дошелъ до Святѣйшаго Синода, который нашелъ это сочиненіе антирелигіознымъ и могущимъ имѣть вредное вліяніе на православныхъ. Тогда Андрей Николаевичъ Муравьевъ явился обличителемъ и заявилъ, что ему извѣстенъ сочинитель, читавшій ему брошюру еще въ рукописи и указалъ на князя Николая Борисовича Голицына. Святѣйшій Синодъ нашелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія шефа жандармовъ имя автора, послѣ чего и послѣдовало Высочайшее повелѣніе, какъ сказано выше.

Неизвѣстно, поучалъ ли сельскій священникъ князя Голицына правиламъ вѣры православной, но что князь ходилъ по праздникамъ въ свою приходскую церковь, это видѣли всѣ. Гораздо труднѣе было ему, привыкшему къ обществу, не выѣзжать изъ деревни, что, впрочемъ, имъ не строго выполнялось, и онъ позволялъ себѣ иногда ѣздить къ сосѣдямъ, для которыхъ всегда бывалъ пріятнымъ гостемъ. Тѣмъ не менѣе ему было въ высшей степени прискорбно оставаться подъ надзоромъ становаго пристава и сельскаго священника.

Въ 1860 году прибылъ въ Курскъ для смотра войскъ императоръ Александръ Николаевичъ. Сопровождавшій его шефъ жандармовъ князь Долгорукій призвалъ меня къ себѣ, какъ мѣстнаго предводителя того уѣзда, гдѣ проживалъ князь Голицынъ. Князь Василій Андреевичъ Долгорукій очаровалъ меня своею любезностью и вниманіемъ; между прочимъ онъ много и подробно распрашивалъ о князѣ Н. Б. Голицынѣ, а также о напечатанной имъ брошюрѣ, освѣдомляясь, не распространялъ ли онъ ее между знакомыми. По этому обстоятельству я могъ дать вполнѣ успокоительный отрицательный отвѣтъ. Я самъ интересовался прочесть эту брошюру, что и сказалъ князю Долгорукому, и просилъ ея у князя Николая Борисовича; но онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ оставшіеся у него экземпляры онъ сжегъ, не оставивъ себѣ ни одного *). Съ этимъ вмѣстѣ я счелъ нужнымъ напомнить князю Долгорукому о недавней службѣ князя Голицына въ ополченіи начальникомъ дружины; касательно же брошюры выразилъ ему свое мнѣніе,

*) Она имѣлась въ Чертковской библіотекѣ. — Наклонность къ католичеству подозрѣвали въ князѣ Голицынѣ, можетъ быть, и потому, что другая сестра его, княгиня Елисавета Борисовна Куракина, была опутана Іезуитами (см. Переписку Кристина въ „Р. Архивѣ“ 1882 года). П. Б.

что князь сознаётъ, что это была съ его стороны ошибка, о чемъ я неоднократно слышалъ отъ него.

«Въ такомъ случаѣ я прошу васъ передать отъ моего имени князю Николаю Борисовичу Голицыну», сказалъ шефъ жандармовъ, «что, вслѣдствіе просьбы его сестры Татьяны Борисовны Потемкиной Его Величеству и личныхъ моихъ переговоровъ съ вами, какъ съ предводителемъ дворянства, онъ можетъ надѣяться на освобожденіе отъ учрежденнаго надъ нимъ надзора».

Освобожденіе это, дѣйствительно, въ скоромъ времени послѣдовало.

XIII. Полковой командиръ Преторіусъ.

Послѣ Польской войны въ 30-хъ годахъ въ Русской арміи конно-егерскіе полки были переформированы въ драгунскіе. Императоръ Николай Павловичъ обращалъ на драгунъ особенное вниманіе, какъ на свое созданіе и какъ на войско, могущее по своему оружію и приспособленіямъ исполнять двойную службу, кавалерійскую и пѣхотную, вслѣдствіе чего дѣлалъ драгунскому корпусу частые смотры. Въ командиры драгунскихъ полковъ назначались большею частью служившіе въ гвардіи, лично извѣстные Государю, въ томъ числѣ и флигель-адъютанты, напр. въ Казанскомъ драгунскомъ полковникъ Крутовъ, въ Финляндскомъ Бревернъ, въ Кинбургскомъ—графъ Канкринъ и другіе. Послѣ Бородинскаго смотра въ 1839 году на открывшуюся вакансію въ Рижскій драгунскій полкъ, гдѣ въ то время служилъ и я, сверхъ ожиданія командиромъ полка былъ назначенъ полковникъ П. А. Преторіусъ, начавшій свою службу въ Тверскомъ драгунскомъ полку вольно-опредѣляющимся на 12-лѣтнихъ правахъ до производства въ офицерскій чинъ и дослужившійся до полковника. Онъ былъ мало образованъ, плохо зналъ Русскую грамоту; говорили, что онъ родомъ былъ Латышъ или Чухонецъ, самъ же онъ о своей національности умалчивалъ и притворялся Русскимъ. Въ своемъ полку онъ пользовался репутаціей хорошаго верховаго ѣздока и только; никто не думалъ, что ему дадутъ въ командованіе драгунскій полкъ, не исключая и его самаго.

Кромѣ служебной карьеры, съ командованіемъ кавалерійскихъ полковъ, въ особенности драгунскихъ, при 10-эскадронномъ ихъ составѣ, былъ соединенъ значительный доходъ; разсчетливые командиры полковъ въ то время имѣли отъ 30 до 40 тысячъ въ годъ, получаемыхъ ими отъ остатковъ фуражныхъ денегъ. Впрочемъ эти остатки у командировъ считались въ извѣстныхъ предѣлахъ необходимыми,

такъ какъ хозяйственная часть была въ ихъ распоряженіи, и у нихъ были обязательные расходы: не получая отъ казны достаточной суммы на полковые лазареты, они обязаны были содержать ихъ на свой счетъ, покупать инструменты для хора трубачей, нанимать капельмейстера и покрывать на свой счетъ другія издержки, не положенныя отъ казны; даже отъ нихъ требовалась приплата къ покупкѣ ремонтныхъ лошадей. Разумѣется, всѣ эти затраты могли съ избыткомъ покрываться вслѣдствіе предъявленія цѣнъ на фуражъ выше, чѣмъ онѣ существовавали на самомъ дѣлѣ; фуражъ назначался на 6 мѣсяцевъ впередъ по соображенію и опредѣленію мѣстныхъ чиновниковъ, съ которыми полковые командиры старались быть въ хорошихъ отношеніяхъ и въ этихъ случаяхъ заискивали въ нихъ. Однажды командиръ Кинбургскаго драгунскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Канкринъ (сынъ министра финансовъ) вывелъ на царскій смотръ свой полкъ въ старыхъ мундирахъ, обновивъ ихъ только перемѣной воротниковъ и обшлаговъ новымъ сукномъ оранжеваго цвѣта по формѣ полка. Это замѣтилъ Государь Николай Павловичъ и выразилъ свое неудовольствіе графу Канкрину, сказавши, что для его смотра онъ могъ бы построить и всѣ новые мундиры, не прибѣгая къ такимъ фокусамъ и что ему осталось бы еще довольно отъ фуражныхъ денегъ.

Многіе добивались быть командирами полковъ; но полковникъ Преторіусъ получилъ назначеніе безъ всякихъ протекцій, а совершенно случайно, благодаря тому только, что имѣлъ странную привычку разсуждать самъ съ собою. Когда онъ былъ посланъ въ образцовый кавалерійскій полкъ, то однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, также считавшійся хорошимъ верховымъ ѣздокомъ, во время манежной ѣзды никакъ не могъ справиться со своею лошадью, заупрямившейся перепрыгнуть черезъ барьеръ. Преторіусъ, присутствовавшій при этомъ, по своему обыкновенію разсуждалъ вслухъ и дѣлалъ свои замѣчанія относительно неправильнаго управленія лошадью: «Вотъ не такъ!... Затянулъ.... далъ шпоры....» и т. п. Михаилъ Павловичъ, услыхавъ такія сужденія, спросилъ, кто говоритъ объ его ѣздѣ? Ему отвѣчали: полковникъ Преторіусъ. Тогда Михаилъ Павловичъ слѣзъ съ лошади и приказалъ Преторіусу сѣсть на нее и скакать черезъ барьеръ. Тотъ, успокоивши лошадь, нѣсколько разъ перепрыгнулъ по всѣмъ правиламъ искусства. Съ тѣхъ поръ Великій Князь обратилъ свое вниманіе на хорошаго ѣздока Преторіуса, и на первую открывшуюся ваканцію полковаго командира ему дали драгунскій полкъ.

Полковой командиръ Преторіусъ оказался простымъ и добрымъ человѣкомъ; нѣсколько оригинальный, крикунъ во фронтѣ, но дома ра-

душный хозяинъ, онъ былъ старый холостякъ, любившій говорить сальности, поэтому въ дамскомъ обществѣ былъ не совсѣмъ удобенъ; при разговорѣ съ дамами онъ, хотя и старался быть съ ними любезнымъ, но никакъ не могъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ усвоенныхъ имъ выраженій; онѣ называли его Бурбономъ. Къ своимъ офицерамъ полковникъ былъ снисходителенъ, къ тому же не отказывалъ въ займѣ денегъ. Когда полковой квартирмейстеръ приносилъ ему остатки фуражныхъ денегъ, Преторіусъ только спроситъ: сколько? и, не считая, клалъ въ свою шкатулку, притомъ всякій разъ давалъ ему въ видѣ награды отъ 100 до 300 рублей. Не смотря на его крикливость и разныя странности, въ полку его полюбили.

Преторіусъ никогда не оставлялъ привычки выражать вслухъ свои мысли, хотя бы при этомъ никого и не было, любилъ слушать мѣстныя сплетни, но ни газетъ, ни книгъ никогда не читалъ. «Въ молодости отъ нечего дѣлать я пробовалъ читать, говорилъ полковникъ, но во всю свою жизнь не могъ одолѣть ни одной цѣлой книги. Всѣ эти сочинители врутъ и только смущаютъ, а вотъ театры люблю, въ особенности балеты, когда эти шельмы скачутъ». Какъ-то онъ ѣздилъ за границу лѣчиться водами и попалъ въ Дрезденъ, который ему понравился, какъ онъ говорилъ, только потому, что всѣ памятники стоятъ верхомъ въ полной парадной формѣ. Преторіусъ оставался полковымъ командиромъ лѣтъ пять и только съ производствомъ въ генералы въ 1844 году вышелъ въ отставку съ полнымъ содержаніемъ и съ достаточнымъ капиталомъ, оставшимся у него отъ командованія полкомъ.

Н. Рѣшетовъ.